

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Опасный маршрут

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ
ОПАСНЫЙ МАРШРУТ

Василий Ардаматский

Опасный маршрут

КАРЕЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК 1967

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Передо мной — довольно пухлая папка с надписью «Дело». У этого «Дела» есть свой номер, и состоит оно почти из двухсот страниц, аккуратно подшитых и подклеенных. Поперек папки стелется размашисто-небрежная резолюция: «В архив».

И эта аккуратная папка и резолюция «В архив» никак не вяжутся в моем представлении с тем, что рассказывает мне об этом деле сидящий передо мной совсем еще молодой человек с умными, усталыми глазами... Рассказывая, он то и дело внезапно умолкает, открывает папку, отыскивает нужную страницу, всматривается

в нее, и на лице у него появляется недовольное выражение, будто то, что он прочитал, ему либо непонятно, либо почему-то не удовлетворяет его. Тогда он закрывает папку и отодвигает от себя, чтобы через несколько минут снова взять ее в руки. Потом я понял: да, этот человек никогда не сможет равнодушно читать страницы дела, и ему всегда будет казаться, что сухой, протокольный текст, густо заполнивший страницы документов, всего не расскажет, ибо в этой папке была частица жизни этого человека, его сердце и нервы...

Пододвинув папку ко мне поближе, он сказал:

— В общем, здесь есть всё, кроме... — Он недоговорил, помолчал, махнул рукой и рассмеялся: — В общем, здесь всё.

Я открыл первую страницу дела...

«Телефонограмма. № 1/ПО. Принята в 4 ч. 17 м.

Из Лесной.

Вернувшийся из ночного колхозник артели «Рассвет» Петруничев Илья Семенович сообщил, что в два часа ночи в районе Черного бора кружил самолет, который затем улетел на запад.

Передал дежурный райотдела РКМ...

Принял дежурный Управления госбезопасности...»

«Телефонограмма. № 2/ПО. Принята в 4 ч. 21 м.

Из штаба ВВС округа.

В 2 ч. 24 м. в 70 км от Черного бора нашими истребителями сбит самолет неизвестной принадлежности. Идет выяснение.

Передал дежурный по штабу...

Принял дежурный Управления госбезопасности...»

«Телефонограмма № 3/ПО. Принята в 17 ч. 42 м.

Из Управления милиции города.

На восточной окраине города возле 101-го почтового отделения обнаружен оставленный владельцем мотоцикл ижевской марки № 1207. Машина зарегистрирована в Лесном районе.

Передал начальник оперативного отдела РКМ...

Принял дежурный Управления госбезопасности...»

Все эти телефонограммы были приняты в один и тот же летний день 195... года.

И вот я перелистываю дело — страницу за страницей...

1

Самолет летел в бездне почного неба. Летел он, словно забытый землей. Радиомаяки не подавали ему сигналов. Авиационные диспетчеры, обязанные беспокоиться о всех самолетах, об этом самолете даже не думали. Аэродромные радисты переговаривались с радистами всех проносящихся сквозь ночь машин, а с радистом этого тяжелого корабля они связи не держали.

Другие самолеты летели с зажженными сигналами, и людям с земли казалось, что в черном небе плывут разноцветные звезды. А этот летел, погасив огни, летел на огромной высоте, и его никто не видел и не слышал.

Разбейся этот самолет, и никто не узнал бы ни имени погибших, ни даже того, какой стране принадлежал самолет. У членов экипажа в карманах не нашли бы документов, а на обломках крыльев не оказалось бы опознавательных знаков. На штурманской карте не был бы обнаружен маршрут полета, и нельзя было бы даже установить, откуда и куда летела эта машина.

Впрочем, у единственного пассажира самолета документы были бы найдены, но люди с недоумением гадали бы — кто же он, этот человек, ибо в их руках оказалось бы сразу несколько документов, все на разные фамилии, но с фотографией одного и того же сорокалетнего

мужчины, с красивым, мужественным лицом и удивительно спокойными глазами...

Но с самолетом пока ничего не случилось, и он продолжал лететь в бездне ночного неба. Одиноким пассажир — обладатель нескольких документов — дремал, откинувшись на спинку сиденья, зажатого в тесном отсеке позади пилотской кабины.

Перед лицом пассажира замигал красный глазок сигнальной лампочки — летчик хотел разговаривать с пассажиром. Ленивым движением пассажир взял с коленей радионаушники.

— (Слушайте! Слушайте! Голос у летчика низкий, с хрипотцой, наушник с ним еле справляется, и пассажир напряженно вслушивался. — Сейчас один час семнадцать минут. Начинаю снижение. Через десять минут можете снять кислородную маску и готовиться к прыжку. Через сорок минут будьте готовы прыгать.

Красный глазок еще раз мигнул и погас. Пассажир посмотрел на часы...

Одновременно с этим на земле посмотрел на часы молоденький офицер, посмотрел и торопливо записал время — наконец-то земля увидела странный самолет. Это была уже советская земля. Локаторный пост воздушной службы нацупал самолет невидимым лучом, и на экране поста самолет возник еле приметной движущейся точкой. Тотчас же зазвонили телефоны, и по проводам в разных направлениях полетели стремительные слова приказаний...

Самолет снижался быстро. У пассажира заломило в ушах, и он перестал слышать гул моторов. Посмотрев еще раз на часы, он сорвал с лица маску. Видимо, самолет находился еще на большой высоте — пассажиру стало трудно дышать: он судорожными глотками захватывал воздух открытым ртом и испуганно смотрел перед собой, точно боясь, что он вот-вот умрет от недостатка кислоро-

да. Его рука потянулась за маской, но в это время дышать стало легче, и он бросил маску за спинку сиденья.

Несколько минут пассажир сидел неподвижно. Матовый круг в стене отсека скупое освещал его напряженно-сосредоточенное, как у глухого, лицо, на котором тугая кислородная маска оставила красные полосы. Лицо его было не только красивое и мужественное, но и умное. Высокий, выпуклый лоб обрамляли густые каштановые волосы, на висках чуть тронутые сединой. Прямой с маленькой горбинкой нос. Волевой подбородок. Пристальные серые глаза. До сих пор он был укутан в меховую полость, а сейчас он ее сбросил и оказался в поношенном сером пиджаке, под которым виднелась вышитая украинская рубашка. Мятые брюки были заправлены в простые сапоги.

Под потолком вспыхнула яркая лампочка. Пассажир, не вставая с кресла, раздвинул ноги, согнулся и начал отвинчивать замки люка, вделанного в пол отсека. Затем он встал, поднял с пола туго набитый рюкзак и тщательно приладил его на спине. Он даже попрыгал, чтобы проверить подгонку заплочных ремней. Потом он вытащил из-под кресла плоский ранец с парашютом и, перепоясавшись ремнями, приладил его на груди. К поясу он пристегнул лопатку с коротким черенком.

Лампочка под потолком замигала. Пассажир рывком открыл люк — в отсек ворвался рев моторов, в лицо пассажиру упруго ударил воздух. Он сдвинул на глаза автомобильные очки, опустил на колени и быстрым, ловким движением, головой вперед, нырнул в люк...

2

Душной августовской ночью сорок первого года на Западном фронте произошло трагическое событие, стоившее жизни многим советским воинам. В штабных доку-

ментах оно было зафиксировано весьма кратко: «Саперная рота лейтенанта Окаимова почти полностью погибла при выполнении боевого задания...»

А произошло это так.

Лейтенант Окаимов получил приказ — ночью перебросить роту на противоположный берег реки и заминировать прибрежную полосу.

Переправлялись на лодках. Лейтенант Окаимов стоял на носу первой лодки. В мелкой ряби быстрой реки дробились и таяли звезды. На западе черное небо было словно приподнято — там над горизонтом шевелилось багровое зарево войны. Где-то совсем неподалеку торопливо било одинокое орудие; когда оно умолкало, можно было услышать беспорядочную винтовочную стрельбу. Из всей роты один Окаимов знал, что означали эти звуки, — там, правее леса, у берега реки, остатки нашего полка из последних сил сдерживали атаки гитлеровцев, рвавшихся к прибрежной полосе. «На рассвете они двинут танки, — сказал Окаимову командир дивизии. — И если вы не успеете заминировать полосу от реки до леса, противник отрежет остатки полка и выйдет нам в тыл»...

Над рекой на небольшой высоте пролетел вражеский самолет, развесивший в небе гирлянду световых авиабомб. От их белого света река стала молочной. Окаимов посмотрел на белые лица своих солдат, встретился с их испуганно ждущими взглядами и поспешно отвернулся. Вражеская артиллерия начала обстреливать реку. Первые снаряды вскинули белые гейзеры воды у покинутого саперами берега. Невидимый в ночном небе вражеский самолет, вероятно, корректировал огонь: следующих два снаряда накрыли лодку, замыкавшую строй плывущих, — в мгновение не стало видно ни лодки, ни тех, кто был в ней. Окаимов увидел, как ниже по течению реки из воды показалась чья-то голова и тотчас исчезла.

Но вот лодки уткнулись в песчаную отмель, и саперы, толкая друг друга и тихо переругиваясь, сбегали на берег. К Окаемому подошли командиры отделений.

— Мины оставим здесь,— тихо приказывал Окаемов.— Здесь же остается отделение Пушнова. Все остальные заходим в лес на глубину сто метров и занимаем рассредоточенную оборону. Отрыть индивидуальные окопы. За лесную группу отвечает сержант Гурко. Никаких действий без моего приказа. Я иду на связь с полком. Ясно?

— Ясно,— ответили командиры отделений.

— Выполняйте приказ! — отрывисто произнес Окаемов.

Командиры отделений позвали своих солдат. Около Окаевого остался только сержант Гурко.

— А я слышал...— нерешительно сказал он,— будто надо минировать берег, вон там...— и показал рукой в темноту.

— Сержант Гурко,— повысил голос Окаемов,— выполняйте приказ!

— Есть выполнять приказ, товарищ лейтенант! — Сержант исчез в темноте.

Окаемов поднялся на береговой откос и быстро пошел вдоль реки. Отойдя от места переправы шагов пятьсот, он резко свернул влево и побежал к лесу. Он остановился только тогда, когда почувствовал, что позади него сомкнулась густая темнота леса. Постоял, прислушался и затем, осторожно ступая, пошел левее того направления, где стреляла одинокая пушка. Так он шел час, другой... Одинокая пушка глухо ухала уже где-то далеко за спиной...

Начинало светать, когда Окаемов подошел к большой поляне, за которой угадывалось близкое окончание леса.

Выйдя из лесу, Окаемов схоронился за кустом и поднес к глазам бинокль. Перед ним расстилалась безбрежная зеленая равнина. Примерно в километре от леса

равнину пересекал овраг, по краю которого изгибалась хорошо накатанная дорога. У самого горизонта слева, там, где незаметно начинался овраг, пролегалo шоссе, отмеченное цепочкой телеграфных столбов. На всем этом пространстве не было ни одной живой души.

Окаемов присел на мягкую траву и закурил папиросу...

С первых дней войны он поджидал удобного момента, чтобы перебежать к врагу. О том, что он непременно сделает это, Окаемов решил еще ранним утром двадцать второго июня, когда радио сообщило о начавшейся войне. Тогда же он с благодарностью вспомнил своих родителей, еще в детстве обучивших его немецкому и английскому языкам... Попав на фронт, он больше всего боялся, что его убьет какая-нибудь шальная пуля, не дав ему совершить задуманное. Он отступал с войсками и бежать не торопился, выжидал для этого выгодной ситуации, при которой он мог бы явиться к врагу не с пустыми руками, а заслужив к себе особое расположение.

...И вот этой августовской ночью такая выгодная ситуация сложилась. Теперь он имеет возможность сообщить вражескому командованию полезные сведения об обороне приречья, он не выполнил приказ о минировании береговой полосы и фактически отдал в руки врага свою саперную роту. Окаемов был уверен, что за все эти дела его примут с почетом, что его немедленно доставят в штаб, где с ним будут уважительно беседовать высокие гитлеровские чины.

Но ничего подобного не произошло. Упоенные первыми военными успехами, уже предвкушая скорое взятие Москвы и полную победу, гитлеровцы не обратили никакого внимания на Окаевова — он был для них всего-навсего еще одним пленным младшим офицером, по большому счету. А когда Окаемов слишком решительно потребовал, чтобы его безотлагательно доставили в штаб,

рыжий прыщеватый капрал, которому он сдался в плен, удивленно посмотрел на него и рассмеялся:

— Фюрер сегодня занят. Он поручил мне побеседовать с тобой по всем важным вопросам...— С этими словами рыжий капрал свинцовым кулаком сшиб Окаево́ва с ног.

Засыпая на ходу, Окае́мов брел в колонне пленных по пыльной дороге. «Не упасть, не упасть...» — повторял он про себя в ритм шагам. Упавших пристреливали. Потом в эшелоне Окае́мов отсчитывал минуты жизни стуком вагонных колес. Когда из вагона выбрасывали очередной труп, он говорил себе: «А я жив!» Затем три месяца в концентрационном лагере он каждую минуту думал об одном: как сохранить жизнь? Первые две недели в лагере не было заключенного более старательного и исполнительного, чем Окае́мов. Пленные выполняли бессмысленную работу — с утра до вечера перетаскивали с места на место тяжелые камни. Окае́мов переносил камни почти бегом. Охранники, глядя на него, хохотали. Пленные считали его сумасшедшим. Вскоре Окае́мов понял свою ошибку и стараться перестал. Наступила осень. По ночам невозможно было уснуть от холода и надсадного кашля несчастных обитателей барака. Рядом с Окае́мовым на нарах лежал пожилой солдат, которого все звали Степаныч. Это он первый сказал Окае́мову, чтобы тот бросил стараться на каменоломне, если хочет выжить. Услышав ночью, что Окае́мов лязгает зубами от холода, Степаныч придвинулся к нему и прошептал:

— Ляжем вместе под две пинели, будем греть друг друга...

Окае́мов прижался к нему и вскоре заснул. Потом они так спали всегда.

Если Окае́мов долго не засыпал, Степаныч шептал ему:

— Ты о Родине думай, сразу душа успокаивается... Окаемов молчал.

Постепенно в лагерь начали просачиваться сведения о том, что молниеносное продвижение гитлеровской армии затормозилось. Прибывавшие партии пленных становились все малочисленней. О том, что на фронте дела у немцев ухудшились, можно было прочитать и на лицах лагерных охранников.

Вечером второго ноября Окаемов влез на нары и прилежал к Степанычу. Они накрылись шинелями.

— Слушай меня,— зашептал Степаныч.— Мы тут решили отметить октябрьский праздник. В ночь на седьмое бежать собираемся. Пойдешь?

Окаемов притворился, будто мгновенно заснул, и не ответил. Утром на каменоломне, очутившись возле охранника, Окаемов тихо сказал ему по-немецки:

— У меня есть очень важное сообщение для начальника лагеря. Я из барака семь. Номер 57689.

Охранник немедленно доложил кому следовало, и после вечерней поверки в седьмой барак явился начальник лагеря. О, эта белобрысая собака знала, что делала,— он взял с собой из барака не одного Окаемова: для маскировки вместе с ним в комендатуру погнали еще пять человек...

Степаныча повесили на другой день во время утренней поверки. Окаемов стоял в строю пленных и думал: неужели и теперь лагерное начальство им не интересуется?..

Вскоре Окаемов узнал, что с партией пленных в лагерь в форме рядового прибыл какой-то советский полковник. Узнал — доложил. После этого Окаемов был переведен рабочим на кухню. Зимой началась уже его большая карьера. Он стал провокатором-гастролером. Его «подсаживали» в те лагеря, где возникали организации Сопротивления и он эти организации проваливал.

Последние месяцы войны он «работал» в лагере, нахо-

дившемся в Западной Германии. Когда войска западных держав были в ста километрах от этого лагеря, Окаемов отправил на расстрел семнадцать заключенных и решил: довольно! Теперь надо ждать. Прихода чужих войск он почти не боялся. Большие инстинктом, чем разумом, был уверен, что они его не тронут.

3

Окаемов сидел перед сухопарым флегматичным полковником. Допрос происходил в помещении школы. На заляпанном чернилами учительском столе стоял сифон с сельтерской водой. Он был пронизан солнцем. Окаемов следил, как в сифоне поднимались со дна сияющие пузырьки. За окном галдели одетые в непривычную форму солдаты. Позади Окамова за партой, как школьник, сидел человек в штатском. В допросе он участия не принимал, но почему-то Окаемов чувствовал, что главная опасность находится у него за спиной. Да и полковник, лениво задавая вопросы, то и дело поглядывал на штатского.

— Значит, вы предателем не были?

— Не был и не мог быть...

И этот вопрос и спокойный ответ Окамова прозвучали в этой комнате в третий раз. Полковник посмотрел на штатского и вдруг резко свистнул сквозь зубы. В дверях появился солдат.

— Пусть войдет...

Солдат скрылся за дверью, и в класс вошел начальник лагеря, майор гестапо Фохт. На нем был хороший штатский костюм; в руках он держал широкополую шляпу. Фохт подошел к столу и посмотрел на сгорбившегося от ужаса Окамова.

— Он? — спросил полковник.

— Он, — ответил Фохт.

— Спасибо. Идите.

Фохт вышел.

— Ну? — насмешливо произнес полковник.

Окаемов заговорил быстро, сбивчиво, пересыпая английскую речь русскими и немецкими словами. Он рассказывал свою жизнь. Полковник с безразличным лицом слушал его минуты три, потом посмотрел на штатского и поднял руку:

— Довольно! Все это описано здесь...— Он постучал пальцем по лежащей перед ним синей папке.— Это ваше личное дело... из гестапо...— Полковник снова переглянулся со штатским, встал и вышел из комнаты.

Его место за столом занял штатский. Это был немного обрюзгший мужчина лет сорока пяти. Тоненькие усики под горбатым носом и смуглый цвет кожи делали его похожим на жителя южноамериканской страны. Он был бы красивым, если бы не глаза, которые точно по ошибке попали к нему совсем с другого лица — светло-серые, водянистые, абсолютно ничего не выражающие, но накладывающие на лицо печать неопределенности.

— Передавать вас русским мы не собираемся. Это — первое,— сказал он тихим, приятным голосом.— Второе: вы хотите работать у нас?

— Безусловно,— поспешно ответил Окаемов, уже прекрасно понимая, о какой работе идет речь.

— Ну вот и прекрасно! Вы голодны?

— Я ничего не ел со вчерашнего дня,— почти сердито ответил Окаемов и протянул руку к сифону.— Разрешите мне выпить?

— Подождите. Мы сейчас поедем ко мне обедать...

Маленький особнячок, куда они приехали, стоял на окраине города. Рослая, мужеподобная немка провела их в гостиную и стала в дверях, ожидая распоряжений.

— Обед на двоих. Французского вина. Сигареты...

Немка ушла. Штатский пригласил Окамова сесть за низенький столик.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Барч.

— Окаемов.

Они пожали друг другу руки и рассмеялись.

— Вот что делает война, мистер Окаемов,— продолжая смеяться, сказал Барч.— Она не только повергает в прах государства, но и хитро перетасовывает людей. И не только хитро, но и умно. Вы не находите?

— Я бы сказал иначе,— Окаемов, хитро прищурясь, смотрел на Барча: — она порождает умные случайности.

— Случайности?..— Барч задумался.

— Умные случайности,— повторил Окаемов.

Барч махнул рукой и рассмеялся:

— Я еще в колледже ненавидел философию. Помому, вся она состоит из мудростей, которые так же легко доказать, как и опровергнуть.

— Одно могу сказать,— Окаемов улыбнулся: — с таким взглядом на философию в России вы успеха не имели бы...

— О да! — Барч захохотал.— Марксисты съели бы меня с потрохами!

Пока немка накрывала стол, они молчали. Потом Барч налил в бокалы вина и сказал:

— Так или иначе, давайте выпьем за наше знакомство.

Они выпили и закурили сигареты. Барч сказал:

— А теперь расскажите мне свою жизнь. В вашем личном деле немцы с присущим им педантизмом пронумеровали даты и события вашей биографии, а меня интересуют живые детали, психология, в общем то, что люди называют судьбой. Времени у нас достаточно. Пожалуй-ста, прошу вас...

Окаемов начал рассказывать. Впервые за всю свою жизнь он рассказывал о своей жизни правду. Все анкеты, которые он заполнял там, в Советском Союзе, отражали жизнь выдуманную. Поначалу говорить ему было

трудно, то и дело на правду напoлзала ложь, и он сбивался, но затем впервые переживаемое ощущение, что перед ним сидит человек, которому он может сказать все, точно встряхнуло его память, ложь как бы отступила, и вся его жизнь предстала перед ним во всей своей жестокой правде...

Григорий Окаемов помнил два своих детства. Одно — уютное, теплое, светлое. Другое — тревожное, холодное, злое. Первое прошло в большом белокаменном доме, стоявшем на Соборной площади богатого сибирского города. Зимой он любил из громадного окна полукруглой гостиной смотреть, как на площади хороводила злая метель, как безжалостно хлестала она пешеходов и быстро наметала ребристые сугробы. А в гостиной было тепло и тихо; вокруг точно лакированные блестели листья фикусов; за спиной в камине весело потрескивали сухие дрова... Ровно в четыре приезжал отец. Кауры́й жеребец с завитой гривой выносил на площадь расписной возок, в котором неестественно выпрямясь, сидел отец. Его полковничья папаха лихо заломлена назад, руки в белых перчатках сложены на эфесе серебряной пашки. Возок останавливался у крыльца, кучер откидывал козловую полость, и отец грузно сходил на присыпанный песочком тротуар. Григорий бежал навстречу отцу...

Со страшной точностью помнил Григорий одно рождество — последнее рождество уютного детства. В гостиной, маковкой упершись в потолок, стояла густая, пахучая елка. Вечером на ней зажглись бесчисленные свечи, и запах хвои смешался с запахом воска. Волосатый старик играл на пианино вальс. Гости пестрой толпой стояли вокруг елки и ахали. И тогда отец взял его за руку и подвел к елке.

«Ну, сынок, — сказал он, — давай посмотрим, что принес тебе дед Мороз...» — Он приподнял нижние ветки елки — там, в спящей тени, стоял, поблескивая никелем,

трехколесный велосипед. Еще не совсем веря этому счастью, Григорий бросился на шею отца, и в это мгновение раздался звон разбитого стекла, на улице грохнули два гулких выстрела. Отец схватился за плечо и, шатаясь, пошел на елку. Крики, женский визг. Мать подхватила Григория на руки и утащила в детскую...

Это было рождество семнадцатого года, и собственно с этих двух выстрелов в окно и началось второе, злое детство Григория, навсегда связанное в его памяти с перестуком вагонных колес, с диким холодом и беспорядочной стрельбой.

Только много лет спустя Григорий узнал, почему судьба дала ему два таких разных детства. Узнал и понял все. И среди этого всего — самое главное и самое страшное то, что отец его был расстрелян большевиками вместе с адмиралом Колчаком, в контрразведке которого отец работал. Григорий узнал это, когда ему было семнадцать лет. В это время он жил у брата матери на Орловщине. В двадцать четвертом году его привезла сюда мать. Через год она умерла от тифа. Дядя его усыновил и дал ему свою фамилию — Окаемов. Тревожное детство переходило в юность в крепком пятистенном дядином доме, в котором все дышало достатком. Дяде принадлежала изрыгавшая кислую вонь сукновальня и мельница с нефтяным двигателем «Перкун», оглашавшим округу деловитым стуком. Своих детей у дяди не было, и он частенько, печально глядя на Григория, говаривал: «Все будет твое, из рук в руки передам...» В двадцать девятом году дядю раскулачили.

— Что значит — раскулачили? — спросил Барч.

— Что? Большевики решили всю деревенскую голытьбу собрать в колхоз, а всех богатых крестьян уничтожить, — словом, знаете, ликвидировать как класс...

Окаемов видел, что Барч не понимает его, да и самому ему о тех событиях хотелось рассказать не этими словами,

а поведать то, что было пережито им самим — живым человеком, которого тоже должны были «ликвидировать».

...Уныло, словно нехотя, тянулся дождливый сентябрьский день. Григорий Окаемов сидел дома и, прислонившись к оконному косяку, читал замусоленный комплект журнала «Нива». Дядин дом стоял на взгорке, и из окна открывалась заштрихованная дождем, грустная даль полосатой земли. Григорий читал рассказ о том, как в осенней глухомани, в обедневшем помещичьем доме умирал гвардейский офицер, некогда блиставший при царском дворе. Над его головой протекал потолок, и назойливые капли шлепались в лужу возле кровати. А умирающий старик перелистывал альбом и плакал над фотографиями, безжалостно напоминавшими ему о прожитой им веселой и бурной жизни в Петербурге. И когда он открыл фотографию, на которой царь милостиво похлопывал его по плечу, он умер... И вдруг Григорий Окаемов почувствовал тревогу. Он отложил журнал и осмотрелся. Нет, все стояло на своих местах. И между тем явно что-то случилось. Григорий обошел весь дом, вернулся в горницу и стал смотреть в окно. Тревога не проходила. И вот он обнаружил наконец, откуда оно, это беспокойство: в неурочный час прекратился стук мельничного двигателя.

В горницу, тяжело дыша, ввалился дядя. Его лицо было белым-белым, точно он вывалился в муке. Стоя у порога, он смотрел на Григория страшными, остановившимися глазами. Потом, не говоря ни слова, отпер сундук, вынул оттуда маленький сверток и подошел к Григорию.

— Гриша, гибель наша пришла, — хрипло сказал он. — Вот тебе золотые десятки: тут сотен пять, не меньше. Одевайся мигом потеплее, бери коня и скачи на станцию. Там коня брось, а сам садись в первый поезд и уезжай куда глаза глядят. А я встречу их картечью и умру вместе с моим добром...

Через три дня Григорий Окаемов был уже в Москве и словно растворился в кипучей громаде столичного города. Запратав непроходящую злобу в самый глубокий тайник души, он цепко и хитро делал жизнь. Думаете, это легко? Думаете, легко стараться на работе, всем улыбаться, ненавидя и работу и окружающих тебя людей? Думаете, легко было подготовиться, а самое главное поступить в институт и стать инженером? Но в те годы каждый новый инженер был на вес золота — окружающие и не подумали тщательно проверить, кто он такой, этот новоиспеченный инженер Окаемов? Так неразгаданным он и ушел в просторы ненавистной ему советской жизни. Может быть, он и прожил бы всю жизнь, не испытав наслаждения местью, но началась война...

Барч слушал рассказ Окаемова с искренним сочувствием и полным пониманием — ну конечно же, именно так, как оценивал Окаемов, представлялась ему революция и все планы коммунистов. И вот перед ним сидит живой человек, который «о коммунистической стране знает всю страшную правду!» Такие люди очень пригодятся. Барч считал, что ему здорово повезло — приказ искать полезных русских пришел недавно, а он уже нашел такого идеального русского.

Окаемов закончил рассказ и выжидательно посмотрел на Барча.

— По русские — наши союзники?.. — не то спросил, не то напомнил Барч.

— Немцы для разминирования дорог использовали даже свиней, — усмехнулся Окаемов, всем сердцем чуя, что он говорит то, что нужно...

4

Полтора года Окаемов учился в секретной разведывательной школе, шлифовал языки, изучал специальные дисциплины, связанные со шпионской и диверсионной

работой. Начальником школы был Барч. Он увидел в Окаекове талантливое ученика, лично заботился о нем. А когда преподаватели хвалили Окаекова, Барч с гордостью говорил: «Это мой человек!» Когда Окаеков окончил школу и ему предстояло отправиться в первую поездку по заданию разведки, Барч пригласил его к себе домой.

— Запомните, Окаеков,— проникновенно говорил Барч: — моя родина — благословенная страна для людей умных, деятельных и целеустремленных. Но она безжалостна к слабым. Вот и вас, Окаеков, моя страна полюбит и приласкает только сильного. И еще. В нашей опасной работе, как и во всех областях нашей жизни, действует жестокий закон конкуренции. Помните это и будьте всегда начеку. Удачников у нас уважают. Но всегда найдутся люди, которые хотели бы свалить удачника в канализационную яму.

Окаеков слушал и думал: «Все это я уже усвоил, пока учился в школе, а потому я и вам, мистер Барч, никогда не буду доверять до конца».

И вот началась работа Окаекова. Подлинное его имя спрятано в сейфе разведки. Он то Вольфганг Ритц — немецкий инженер эмигрант; то Луи Дюмениль — французский коммерсант, одержимый страстью собирать почтовые марки; то Ральф Уитсон — англичанин-спортсмен, готовый ради горной охоты совершить кругосветное путешествие; то Вацлав Михацкий — монах в краковском монастыре...

Первая поездка в Египет — задание обезвредить вожака одной мусульманской организации, отказавшегося служить хозяевам Барча. Не прошло и недели после появления Окаекова в Каире, как египетские газеты сообщили о скоростижной смерти вожака организации. Потом — Мадрид. Нужно было перехватить немецкого химика, который вместе со своими секретами

отправился жить в Испанию. Химик должен изменить маршрут и ехать совсем в другую страну. Если не захочет — обезвредить... Однако обезвреживать химика не понадобилось: узнав условия, он охотно изменил маршрут. Затем — Иран. Это была самая трудная поездка. Главное — Окаемов был лишен там самостоятельности. В Тегеране сидела целая группа разведчиков, возглавляемая желчным и отчаянно глупым полковником. В группе к Окаемому относились с брезгливым равнодушием. И только Барч, когда Окаемов вернулся из Ирана, сказал ему, что он работал отлично, лучше всех остальных, вместе взятых. Эта похвала была тем более приятной, что Барч в это время уже являлся одним из заместителей начальника европейского отделения разведки.

Окаемов ускоренно изучил польский язык, и его забросили в Польшу. Он — монах краковского монастыря и по совместительству временный резидент разведки. По ночам в келье монаха мерцают радиолампы передатчика и слышится дробный стук ключа радиотелеграфа. Плохо только, что польские органы безопасности раньше, чем ожидалось, начали интересоваться странным монахом, и пришлось сматывать удочки.

Всюду он работал бесстрашно, нагло и изобретательно.

Страх он переживал, только возвращаясь. Нет, нет, это не был страх перед начальством. Боялся он другого — боялся, что однажды он вернется из очередной поездки и Барч скажет ему: «Теперь — в Советский Союз».

Этого, единственно этого, он боялся и справиться с этим страхом не мог: он жил в самой его крови. В Чехословакии в поезде Окаемов оказался в одном купе с советской киноактрисой, которую знал по фильмам. Они разговаривали по-немецки, и он вел себя так глупо, что артистка, смеясь, сказала: «Вы так смотрите на меня, точно боитесь меня». Да, он боялся и ее. Он боялся каждого советского человека.

Тысячу раз обдумывая возможность поездки в Советский Союз, Окаемов говорил себе: «Прикажут — поеду. Отказаться нельзя. Но лучше, если этой поездки не будет...»

После возвращения из Чехословакии Окаемов гостил на даче Барча. Тихими весенними днями они гуляли по чистенькому, точно подстриженному и причесанному лесу. По вечерам играли в шахматы. И все время Окаемов чувствовал, что Барч чего-то не договаривает.

Расставляя шахматы, Барч задумчиво сказал:

— Все-таки самый серьезный наш противник — это русские. А мы действуем там удивительно бездарно. Беспольное топтание на месте, провалы — противно думать об этом... — Барч замолчал.

Окаемов настороженно ждал — да, видимо, вот сейчас и прозвучит то самое: «Теперь — Советский Союз».

Теплая ночь подступила к самой веранде. Мягкий зеленоватый свет настольной лампы отражался в полированной шахматной доске, густо заставленной фигурами. За стеклами веранды зияла чернота ночи, и только над самым горизонтом дрожало оранжевое зарево — там был большой город.

Партия только началась. Барч рассеянно смотрел на доску, ожидая хода Окаемова, который играл очень осторожно, подолгу обдумывая каждый ход. Обычно Барчу это нравилось, но сегодня ему хотелось поскорее окончить игру и приступить наконец к тому самому главному разговору, ради которого он позвал Окаемова в гости. А партия, точно назло, развертывалась лениво, неинтересно и грозила затянуться на несколько часов.

— У меня есть предложение, — откидываясь на спинку кресла, сказал Барч: — отложить нашу партию. Это ведь делают даже гроссмейстеры. Не так ли?

— Можно и отложить, — равнодушно отозвался Окаев, продолжая смотреть на доску.

Барч встал:

— Давайте включим радио. Послушаем, что болтают ваши русские друзья...

В беспокойном шорохе пространства возникла русская речь. Говорила Москва. Окаев пододвинулся к приемнику и стал слушать. Москва рассказывала об отъезде на целинные земли первой партии молодежи, о торжественных проводах ее на вокзале. Потом коротко выступила ивановская ткачиха, сообщившая о своем новаторском почине, давшем удивительное увеличение производительности труда. Затем говорилось о близком открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, о завоевании советскими хоккеем первенства мира, о премьере в театре оперетты. В сообщениях из-за границы был приведен отклик французской газеты по поводу достижений советских ученых в области атомной физики. Передача известий закончилась, начался концерт китайской музыки.

— Это пусть слушают русские. Выключите, — сказал Барч. — Ну, что они там поведали миру?

— Обычная пропаганда, — ответил Окаев, — у нас все хорошо.

— А вы считаете, что у них все плохо? — усмехнулся Барч.

— Нет, я этого не считаю. Они знают, чего хотят, и делают все с завидным упорством.

— И они, Окаев, — подхватил Барч, — величайшая опасность для всего мира цивилизации. Я как раз не одобряю тех наших газетчиков, которые уверяют нас, будто Советы — слабый противник. Гитлер тоже говорил, что Россия — колосс на глиняных ногах. Разве можно не считаться хотя бы с одним тем фактом, что они сделали атомную и водородную бомбы?

— Но, с другой стороны, обидно, когда их превозносят. Вот сейчас они привели утверждение французской газеты, что Советский Союз — самая могущественная атомная держава...

— Ну, французы! — Барч пренебрежительно махнул рукой. — Мы же с вами обязаны смотреть на вещи по-деловому. И мы видим два опасных для нас фактора. Москва теперь это не только Москва, но и Пекин, и Прага, и Варшава — треть человечества, черт побери! И у них есть атомная и водородная бомбы. И есть кое-что еще, о чем мы, к сожалению, почти ничего не знаем. Мы вообще о них очень мало и не весьма точно осведомлены. Вот еще год назад люди из нашего посольства в России пронюхали об институте какого-то профессора Вольского. Прошел целый год, а единственное, что мы смогли узнать, это название города, где находится институт. Все попытки узнать больше окончились скандальными провалами. Помните шум с высылкой из Москвы сотрудника нашего посольства? Парень сломал шею на этом деле. А все данные говорят, что профессор Вольский — объект огромной важности. Вчера приехал начальник нашего центра. Орет, называет нас бездельниками, трусами. Видать, ему как следует досталось от начальства. Его ведь вызывали туда специально по этому поводу.

Они замолчали. Окаемов все уже понимал, но ждал.

— Не хотите ли вы, Окаемов, поближе познакомиться с этим профессором? — быстро спросил Барч, пристально смотря на собеседника. Окаемов отвечать не торопился. — Думается мне, что только в а м это знакомство по силам. И разве вам не хочется расчитаться с теми, кто причинил вам столько горя?.. — Окаемов молчал. — По-человечески я отлично понимаю, что Россия для вас — тяжелое место. Но это необходимость, Окаемов! И я действительно не могу назвать никого, кроме вас, и быть уверенным

в успехе. Я даю вам слово — вернетесь оттуда, и я добьюсь вашего перевода в главное управление. У меня есть связи, и я это сделаю.

— Я вовсе не собираюсь уходить с оперативной работы,— обиженно сказал Окаемов.

— Но и нельзя рисковать бесконечно. И конечно же, эта операция — самая тяжелая, но зато ее успех даст вам такие преимущества перед всеми, что...

— Хорошо,— перебил его Окаемов,— я сделаю это. Только одна просьба -- не торопите меня с подготовкой и прикажите аппарату считать мою операцию делом номер один.

— Безусловно! Все ваши просьбы будут выполняться. И давайте на сегодня с этим покончим. Продолжим партию?

— Я играть не хочу.

— Может, выпьем?

— Не хочется.

— В кровать?

— Я пойду погуляю в саду.

— Пойдемте вместе?

— Я хотел бы один. Извините...

Окаемов готовился к операции почти два месяца, удивляя всех тщательностью, с какой он предусматривал каждую мелочь. Начальник центра ворчал по поводу медленной подготовки операции, но Барч свое обещание Окаемову выполнял неукоснительно, принимая на себя и ворчанье и насмешки начальника.

Наконец Окаемов сообщил, что он готов. В тот же день он рассказал о разработанном плане Барчу и начальнику центра. Действительно, план оказался умным, хитрым и предусматривающим все, что можно предусмотреть. Окаемов ставил себе три цели: похищение данных о работе института Вольского, уничтожение института

и самого Вольского. Но план был построен таким образом, что в случае непредвиденных осложнений Окаемов мог выбрать одну из этих целей и ею ограничиться.

Начальник похвалил план, подвергнув сомнению только два его пункта.

— Я что-то не понимаю...— сказал он.— Или я ослышался? Вы в начале операции появляетесь под своим настоящим именем?

— Да. И это тоже тактическая хитрость,— ответил Окаемов.— Во-первых, они такого шага не ждут. Открыв затем это обстоятельство, они примут это за ошибку неопытного разведчика и составят обо мне мнение, которое мне будет выгодно. Во-вторых, это дает мне надежное прикрытие на первые дни, пока я сориентируюсь, чтобы затем исчезнуть и появиться в совершенно новом и неожиданном для них виде.

— А вдруг женщина, к которой вы рассчитываете явиться, умерла или из этого города уехала? Или она возьмет и выдаст вас.

— Последнее исключается. Я ее хорошо знаю, и я приду к ней с таким ключом, который полностью откроет для меня ее сердце. Ну, а если ее не окажется, тогда сразу вступит в действие вариант второй.

— Допустим. Дальше — так глубоко внутрь их страны наши самолеты еще не летали. Что будет, если самолет подвергнется нападению до того, как вы выброситесь?

— Я консультировался с авиационными специалистами. Они утверждают: если мы пойдем на максимальной высоте, нападение почти исключается.

— Почти?

Окаемов усмехнулся:

— Это «почти» присутствует во всех наших делах.

— Ну хорошо...— Начальник центра пристально посмотрел на Окаемова.— День вылета определен?

— В ночь на ближайшее воскресенье,— сухо ответил Окаемов.

— Мы приедем на аэродром проводить вас.

— Не надо. Я не люблю проводов.

Возникла неловкая пауза. Окаемов встал:

— Я могу идти?

— Если у вас нет к нам вопросов.— Начальник центра тоже встал.— Разрешите позвать вам руку и пожелать удачи. Все мы будем думать о вас каждую минуту. И мы достойно отблагодарим вас.

— Я об этом не думаю,— сердито сказал Окаемов и повернулся к Барчу.— С вами мы еще увидимся?

— Непременно...

Окаемов вышел. Начальник центра вернулся за стол:

— Да, Барч, хочется верить, что он справится.

— Во всяком случае, он предусмотрел все.

— Кроме одного, Барч.— Начальник усмехнулся.— Того обстоятельства, что советская контрразведка похожа на иранскую, как лев на лягушку.

— Неверно. Именно, учитывая это, он потребовал себе права в случае осложнений избрать одну из задач.

— А вот мне это как раз и не нравится.— Начальник центра ребром ладони ударил по столу.— Нужно, чтобы сделано было все. Все! Понимаете?

— Если будет хоть малейшая возможность, он сделает все. Я знаю его не первый год. Такие, как он, на дороге не валяются. Кстати сказать, нам надо продумать способ его возвращения оттуда.

Начальник центра задумался:

— Не будем торопиться с этим. Пока он еще даже не отбыл туда. Я вижу, Барч, вы влюблены в него, как в свое детище, а я смею вас уверить, что среди сброда перемещенных русских таких, как он, можно найти десятки. Мы попросту плохо ищем. Думать о его возвращении стоит только в том случае, если он получит чер-

тежи. Если получит, сделайте все, чтобы он вернулся и не ожидая моих распоряжений. Если же не получит...— Начальник засмеялся.— Он уже отработанный пар. Его фотографии, небось, уже имеются во многих контрразведках.

В субботу, в двадцать три часа пятнадцать минут, с аэродрома где-то в Европе поднялся и исчез в черном небе тот самый самолет, о котором речь шла раньше. Остается только уточнить, что человек, прыгнувший в люк, был Григорий Окаемов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Майор Потапов хотел в субботу вернуться домой пораньше, чтобы вместе с женой ехать на дачу. Обещал ей прийти в четверть седьмого, а пришел в девять. На столе он нашел записку:

«Коля! Я не была бы твоей женой, если бы поверила, что ты придешь вовремя. Уехала одна. Звонил Гончаров, сказал, что удочки он захватит. Неужели опять рыбалка? Боюсь, что скоро наш Витька перестанет тебя узнавать.
Жду. Лена».

На дачу Потапов приехал в десять.

На ночном столике лежала новая записка:

«Я у Валежниковых. Заболела Ольга Ивановна, кормлю ее ребят. Обед и ужин в кухне. Все остальное на веранде. Приду в одиннадцать. Гончаров тебя ждет, а я уже не жду.

Лена».

Витька уже спал, раскинувшись поперек кровати. Потапов уложил его на подушку — мальчишка недовольно проворчал, но не проснулся.

«К черту рыбалку!» — решил Потапов и прошел на веранду. В началке лежал сверток с провiantом для рыбалки и коробка с крючками. Под шпагат, которым был перехвачен сверток, засунута еще одна записка:

«Обязательно возьми ватник, под утро у озера будет холодно. Отдыхай получше. Не забудь, что завтра воскресенье и к нам приедут мои предки, которые не видели тебя с прошлого века. Я не сержусь. Целую.

Лена».

«Да, рыбалку, пожалуй, надо отменить», — уже не так твердо, как минуту назад, подумал Потапов и пошел в кухню ужинать.

В открытое кухонное окно доносился смех и отрывистые восклицания: «Пас», «беру», «хожу...» Каждую субботу на веранде соседней дачи резались в карты. Как только не надоест им это занятие! По шоссе пронеслась машина; от ее фар в гуще сада метнулись быстрые тени. Где-то далеко-далеко протяжно крикнул паровоз, и донесся, быстро стихнув, мерный рокот прошедшего поезда.

Потапов задумался... Сегодняшний разговор с полковником Астанговым настолько встревожил его, что, возвращаясь от полковника в свой кабинет, он забыл обо всем на свете и об обещании жене быть дома пораньше. Почти два часа он мерил шагами кабинет. Полковник говорил с ним в своей обычной манере — резко и насмешливо. «Иные чекисты, — говорил он, — хотели бы уподобиться рыбакам, которые к удилицу прикрепляют звоночек, возлагая таким образом на рыбу обязанность будить их, если они вздремнут. Вы, Потапов, рыболовецкое дело знаете лучше меня, но я убежден, что рыбу надо искать. Нужно искать и изучать заводы, которые рыба любит. И тогда можно обойтись без звоночков...»

Этот неприятный разговор начался с того, что полковник Астангов спросил: «Как дела? Что нового?», а Потапов ответил: «Ничего. Полное затишье». Полковник,

прищурясь, посмотрел на Потапова и попросил присесть. Потапов понял — сейчас будет нагоняй. Нет, нет, полковник голоса не повысит и прямых жестких слов не скажет, но легче от этого не будет...

Так и было. Полковник рассказал притчу о попе, к которому люди перестали ходить на исповедь, и на этом основании поп решил, что в его пастве больше нет грешников, и сообщил по начальству, что отныне его приход следует именовать раем. Начальство послало ревизию, но пока ревизоры ехали, попа-оптимиста убили разбойники.

— Вы понимаете меня, Потапов? — спросил полковник, продолжая насмешливо щуриться. — Это к вопросу о вашем «полном затишье»...

Весь их разговор сводился к тому, что бдительность для чекистов не оборона, а нападение.

— На-па-де-ни-е! — отдельно произнес полковник и пристукинул по столу ладонью...

Задумавшись, Потапов не замечал, что его друг, старший лейтенант Павел Гончаров, уже давно стоит перед окном кухни. Увидев его, Потапов непроизвольно отшатнулся.

— Нервы, товарищ майор! — смеялся Гончаров. — И сдается мне, что разговор с полковником Астанговым не доставил вам большого удовольствия...

— А ну тебя... шастаешь по саду, как привидение.

— Да у вас все двери настежь, можно всю дачу унести.

— Ну как, идем?

— Я, пожалуй, не пойду.

— Да ты что — всерьез? Как же можно? Братишка целый день ловил для нас живцов и теперь их на помойку?

— Кого это на помойку? — из-за спины Гончарова неожиданно выглянула жена Потапова.

— Елена Романовна, — обратился к ней Гончаров, — это не вы, случаем, поломали нашу рыбалку?

— Я? И не думала. Я все собрала... Коля, что это с тобой? Ты не заболел?

— Здоров, как всегда.

— Тогда слушайся начальства. На веранде сверток с провиантом. Бери ватник и марш на озеро. Завтра ты мне нужен на весь день, приедут родичи. А сегодня ты все равно до рассвета проспоришь с Гончаровым. Так спорьте лучше не в табачном дыму, а на лоне природы. Словом, марш, и никаких разговоров!..

Друзья шли к озеру молодым сосновым леском, наполненным пряным ароматом хвои. Кругом была разлита такая покойная тишина, что ее не хотелось нарушать разговором.

Над уснувшим озером курился туман. В его белом молоке полоскала свои тонкие ветви склонившаяся над озером ива. Вода вкрадчиво хлюпала под корягой; казалось, там осторожно пошевеливалась огромная рыба.

— Сперва кружкí поставим,— тихо сказал Гончаров и вытряхнул из рюкзака целую кучу деревянных дисков.

Они пошли вдоль берега. Потапов нес кружкí и ведро с живцами. Пройдя шагов десять, Гончаров брал новый кружок, крепил на крючок живца и исчезал в кустах. Потом они шли дальше. Поставив последний кружок, они вернулись обратно.

— Девятнадцать штук заброшено, не забыть бы,— сказал Гончаров и снова исчез в кустах.

Вскоре он появился с ворохом сучьев и начал ладить костер. Все он делал быстро, умело и с удовольствием. Когда костер разгорелся и его веселое пламя оранжевым бликом расплылось по озеру. Гончаров лег навзничь, подложив под голову сцепленные руки.

— И чего я пошел в чекисты — сам не понимаю,— улыбаясь черному небу в звездах, сказал он.— До двенадцати лет знаешь о чем мечтал? — Он посмотрел на сидевшего перед костром Потапова.— В кино раз увидел, как

сибирские охотники белку промышляют, и прямо заболел. Каждый день матери твердил, что в Сибирь уеду. Потом решил: десятилетку кончу и уеду. Потом решил: институт кончу и уеду. Может, я и на педагогический пошел, думая, что учителя нужны и в Сибири. И вдруг вызывают в райком партии... и — здравствуйте, пожалуйста! — мы мобилизуем вас в органы безопасности. И все мои мечты о сибирской белке полетели в преисподнюю. Вот только на рыбалке душой и отдыхаю...— Гончаров притворно вздохнул.

Потапов молчал. Он продолжал думать о разговоре с полковником Астанговым, и то, что говорил Гончаров, его раздражало. «Сказал бы ты о своей мечте полковнику,— подумал Потапов,— он выдал бы тебе притчу о белочках».

Гончаров, точно подслушав его мысли, спросил:

— Полковник ругался?

— Он никогда не ругается...— неохотно ответил Потапов.

— Знаю. Лучше б уж ругался.

Потапов разговора не продолжал. Гончаров понял, что он о делах говорить не хочет, и больше ни о чем не спрашивал.

Костер догорел, уголья подернулись серой пленкой, и сразу чувствительной стала холодная сырость, которая ползла с озера на берег. Потапов расстелил ватник, и они легли на него, тесно прижавшись друг к другу. Поверх накрылись плащом Гончарова. И тотчас усталость от прожитого дня точно придавила их к земле. Они уснули.

2

Готовясь к операции, Окаемов совершил четырнадцать ночных прыжков с парашютом. Его сбрасывали над лесными массивами. Приземление происходило довольно просто, и Окаемов на чем свет стоит ругал тех, кто наса-

дил эти ровненькие, подстриженные леса, так не похожие на те лесные бурливые океаны, где предстояло ему снизиться там, в Советском Союзе.

...Парашют раскрылся мгновенно. Окаемова тряхнуло и во всю длину строп мотнуло воздушным потоком от самолета. Гул моторов быстро затих, и Окаемов погрузился в глухую темень и тишину. Он посмотрел вниз — глубоко-глубоко, словно на дне темноты, он увидел медленно передвигающуюся цепочку огоньков. «Сбросили точно, — отметил Окаемов. — Железная дорога должна быть именно там»... Далеко виднелось бледное зарево над каким-то большим городом. Окаемов знал — над каким, — именно этот город и был его целью.

Но сейчас он думал о том, что внизу под ним на десятки километров раскинулось косматое море дикого леса. именуемого «Черный бор» — это вам не подстриженный немецкий лесок. Окаемов проверил, крепко ли держатся очки, которые должны предохранить глаза от сучьев. И в это мгновение над самой его головой пронеслись черные тени, его обдало горячим воздухом, замотало, закружило, оглушило ревом и свистом. Окаемов в ужасе съёжился, не понимая, что произошло. Напряженный рев через секунду стих и превратился в характерный звук летящих реактивных самолетов. Окаемов все понял и облегченно вздохнул: «Хорошо, что я успел выпрыгнуть». О судьбе своего летчика он даже не подумал.

Снова Окаемова со всех сторон обступила глухая тишина...

Прежде чем увидеть Черный бор, Окаемов его услышал — снизу быстро надвигался ровный шум. Рядом мелькнула, взлетая вверх, острая башня высоченной ели, и тотчас ноги Окаемова погрузились в упругую массу ветвей. Треск ломающихся сучьев. Удар о крепкий сук отбросил Окаемова в сторону, но в это время купол парашюта лег на кроны деревьев — падение замедлилось

и прекратилось. Окаемов повис на стропах. Увидев поблизости ствол дерева, он раскачался и ухватился за него. Взобравшись на крепкий сук, Окаемов обрезал стропы и стащил парашют с ветвей. Потом по стволу дерева он осторожно спустился на землю. Прислушался — лес гудел ровно, спокойно, ни одного опасного звука.

И вот Окаемов сделал первый шаг по земле, которую он предал. И земля точно разверзлась под ним. Он кубарем скатился в глубокую яму и на ее дне ударился головой о камень. Окаемов злобно выругался. Хотел опереться на руку — из-под ладони с писком рванулась шершавая жаба. Окаемов вскочил на ноги и брезгливо вытер руку парашютом. «Спокойно, спокойно,— сказал он себе.— Пригодится нам и эта яма». Он затоптал ногами парашют, присыпал его землей и вынул карту, осветив ее тоненьким лучиком электрического фонарика. «Я примерно здесь»,— лучик фонарика, точно игла указки, остановился в центре курчаво-зеленого пятна на карте. «Город с профессором Вольским отсюда — прямо на юг»,— лучик света уперся в то место на карте, где неподалеку от излучины морского залива был нарисован большой черный кружок. «Но мы пойдем прямо на север, вот сюда»,— лучик подполз туда, где Черный бор сужался и где под острым углом пересекались шоссе и железная дорога. Место идеальное: близко и шоссе и железная дорога. Тут мы спрячем снаряжение и затем исчезнем. Вперед!..

Окаемов энергично выбрался из ямы. Вынув из кармана плоский металлический флакон, он сел на землю и жидкостью из флакона смочил подметки сапог. Потом еще раз сверился по компасу и зашагал в густую темень леса.

Он шел, выставив вперед руку, чтобы не наткнуться на деревья. Сперва он довольно часто останавливался и напряженно прислушивался, но мирный шум леса все

более успокаивал его, и он останавливался реже и реже. Пройдя километров пять, он попал в полосу дикого бурелома. Деревья, падая, валились друг на друга и теперь лежали вкривь и вкось. Окаемов то и дело натывался на глыбы земли, вывернутые корневищами сваленных великанов. Ему приходилось то перелезать через полусгнившие, скользкие стволы, то проползать под ними, прижимаясь к мокрой земле, задыхаясь от затхлого воздуха. Спина у него взмокла, соленый пот тек по лицу и щипал глаза. «Вперед! Вперед! Все идет прекрасно».

У самого лица Окаевова метнулось что-то белое и теплое. Он ничком упал на землю и, точно краб — боком, боком, — отполз в сторону и замер. Сердце билось частыми, судорожными толчками. Озноб страха мгновенно высушил пот. Но то неизвестное прошуршало в ветвях, затихло и вдруг закричало почти человеческим голосом: «Гу-гу-у-у-у!» Окаемов тихо засмеялся — сова, черт бы ее побрал! Он встал и пошел дальше.

Когда в вершинах деревьев чуть проглянул рассвет, Окаемов пришел в намеченное место. На маленькой полянке с надежной приметой — трехствольная ель — он быстро зарыл в землю свое имущество, оставив себе только потрепанный портфель со сменой белья и папкой, набитой чистой бумагой. Последний раз он внимательно рассмотрел карту и затем сжег ее. Лопату и компас он бросил в наполненную водой яму. У этой же ямы он умылся, привел в порядок одежду и быстро зашагал к железной дороге.

Ранним утром со стороны, противоположной лесу, в поселок при станции Лесной вошел рослый человек в сером костюме. Весело помахивая портфелем и пасивистывая задорную мелодию, он направился на базар, где уже толпился народ.

На длинные дощатые столы рынка точно радуга легла: ярко-зеленый лук, красные помидоры, оранжевая морковь, желтая репа, синие баклажаны. Пахло свежим сеном и парным молоком. Вдоль столов сновали домохозяйки с непроницаемыми лицами.

Окаемов прямо из горлача выпил молока и закусил теплым ржаным хлебом. Отойдя в сторонку, он присел на бревно и задумался. Появление истребителей, погнавшихся за самолетом, нарушало стройность задуманного плана. Это означало, что его высадка уже раскрыта и с минуты на минуту здесь начнут поиски. Нельзя было и думать о возможности воспользоваться железной дорогой. Сейчас нужно любым способом выбираться отсюда и уходить в любом направлении и как можно дальше, а уже оттуда пробираться в город.

Окаемов вышел с базара на улицу, надеясь подсесть на какую-нибудь попутную машину. Попутной машиной ему была любая — лишь бы она направлялась подальше отсюда.

К базару на мотоцикле подкатил парень в запыленной добела лыжной куртке. Оставив мотоцикл, парень подбежал к базарным столам, одним махом выпил кружку молока и вернулся к машине.

— Куда едем? — приветливо спросил у него Окаемов.

— В Островск. А что?

— Может, подвезешь? Не обижу.

— Меня и черт не обидит! — Парень засмеялся, завел мотоцикл и крикнул: — Садись! Да держись крепче... — Окаемов быстро уселся на заднее сиденье. — Хошь — за скобу держись, хошь — за меня!

Мотоцикл рванулся с места и, подняв клубы пыли, исчез за поворотом улицы. Окаемов представил себе выученную на память карту местности. «Островск... Островск... — трясаясь на жестком сиденье, припоминал

он.— Так. Это на северо-запад. Километров пятьдесят. Прекрасно...»

Парень гнал машину на предельной скорости, не думая о своем пассажире, подсакивавшем на каждой ямке.

— Куда так торопишься? — взмолился Окаемов.

— На свадьбу! Дружок мой в Островске женится. Тоже тракторист,— не оборачиваясь, прокричал парень.

Стремительно пролетали мимо кусты, столбы, каруселила всем горизонтом земля, ветер бил в лицо, вызывая в глазах слезы... «Хорошо бы на этом мотоцикле добраться и до города»,— подумал Окаемов, и мысль его заработала в этом направлении. Спросить у парня — не довезет ли он до города? Нет, куда там, свадьба дружка ему явно дороже любых денег. Окаемов выглянул из-за плеча парня и увидел, что впереди дорога исчезала в лесном массиве. Мгновенно пришло решение захватить мотоцикл. И хотя в это решение входило убийство парня, об этом Окаемов думал меньше всего. Это подразумевалось само собой — оставлять живого свидетеля нельзя. Окаемов думал о другом: хватит ли в мотоцикле бензина, чтобы добраться до города? И затем — как поступить с мотоциклом?

— Далеко ты от дома едешь! — прокричал Окаемов в ухо парню.— А как бензина не хватит?

— А шоферы на что? — смеясь, отозвался парень.

Они въехали в лес, и сразу парню пришлось убавить скорость. Развороченная еще с весны лесная дорога была вся в ямах. Стук мотора отдавался в лесу трескучим эхом.

У маленького разбитого мостика парень остановил мотоцикл:

— Слезай. Мост форсируем пёхом.

Окаемов слез и осмотрелся — кругом ни души. Парень взялся за руль и покатил машину через мост. Шедший чуть позади, Окаемов быстро вынул пистолет и выстре-

лил в голову парня. Пистолет был с глушителем — выстрел прозвучал не громче хлопка в ладоши.

Окаемов подхватил падающего парня, стащил его с дороги и запихнул под мост...

В Островск Окаемов не заехал. Не доезжая до него километра три, он прямо по полям перебрался на другую дорогу, которая пролежала в сторону нужного ему города. Эта дорога была получше, и он дал максимальную скорость.

В середине дня Окаемов въехал в город. На окраине, где трамвай делал круг, он остановился возле почтового отделения, прислонил мотоцикл к стене и зашел в помещение. Несколько минут потолкавшись там, он вышел и, точно забыв, что у него был мотоцикл, перешел через улицу и сел в трамвай, направляющийся в центр города.

3

В ранний утренний час дежурный по Управлению, ожидая смены, сидел в кресле, упершись руками в край стола, глаза его были закрыты, но мозг отмечал каждый звук, долетавший из открытого окна. Дежурный услышал ритмический шорох метлы по асфальту. «Дворники уже вышли на работу, — подумал он, — скоро смена».

Зазвонил один из телефонов. Дежурный безошибочно схватил нужную трубку.

— Дежурный по Управлению слушает!.. Так-так... Минуточку... — Он подвинул лист бумаги, зажал плечом трубку телефона и начал записывать. — Так... так... — В это время зазвонил другой телефон. Дежурный схватил вторую трубку: — Минуточку... — Он торопливо закончил разговор по первому телефону. — Дежурный слушает! Так... так... Все ясно. Поздравляю... Хорошо. Ясно. Спасибо! — Дежурный снял трубку третьего телефона: — Дайте квартиру полковника Астангова... Товарищ полковник, докладывает дежурный по Управлению. Только что звони-

ли из района Лесной. Вернувшийся из ночного колхозник сообщил, что примерно в два часа ночи над Черным бором кружился самолет, который затем улетел в западном направлении. И одновременно позвонили из авиации — в семидесяти километрах от Черного бора сбит самолет неизвестной принадлежности. Идет выяснение. По всем данным, с этого самолета был сброшен... Слушаю вас... Так-так-так... — Дежурный снова записывал. — Все ясно. Действую... — Настала очередь четвертого аппарата: — Гараж?.. Говорит дежурный. Срочно машину полковника Астангова к нему на квартиру. Дежурную машину на дачу за Потаповым и Гончаровым. На одной ноге!.. Алло! Коммутатор? Заснули?.. Следите за соединением! Экспедицию!.. Экспедиция?.. Говорит дежурный. Посыльного — ко мне, и приготовьте ему мотоцикл. Быстро!

Оставив на минуту телефоны в покое, дежурный написал записку и вложил ее в конверт. Вошел посыльный.

— Вот это — майору Потапову. Лично. В собственные руки. Знаете его дачу?

— Знаю... не впервой.

— Полковник Астангов предполагает, что Потапов и Гончаров на рыбалке. Озеро знаете?

— Знаю.

— Найдёте, в случае чего, там. Быстро!..

Потапов и Гончаров с удочками в руках сидели на берегу уютного заливайки, затемненного густой ивой. Перед ними недвижно лежало тихое, порозовевшее от зари озеро.

— Сейчас самый клев, — шепотом сказал Потапов, поживаясь от утреннего холода.

Гончаров засмеялся:

— Слышал об этом не раз, убедиться никак не могу. Вся надежда на кружки!

— Не знаю, как бы ты повел себя с белками в Сибири, но к рыбе твой характер не приспособлен. Рыба не терпит неврастеников. Ну, что ты поминутно вытаскиваешь удочку?

— Червя проверяю — вдруг сожрали?

— Закинь и замри.

— Есть замереть, товарищ майор.

Минут десять они молча созерцали свои поплавки, но те были неподвижны, как забитые в стену гвозди.

В прозрачной тишине утра слышался приближающийся стрекот мотоцикла. Гончаров прислушался и подмигнул Потапову:

— Пари на месячную зарплату — это за нами.

— Неужто за одно лето нас третий раз с озера снимут? — Потапов положил удочку и поднялся на взгорок.

Мотоцикл вылетел из соснового перелеска и, замедлив ход, катился вдоль озера. Завидев Потапова, мотоциклист прибавил скорости и вихрем домчал к заливчику. Потапов прочитал записку дежурного:

— Сматывай удочки, Павел. Надо ехать в город.

— Машина ждет вас на даче. — Посыльный козырнул, вскочил на седло, круто развернулся и вскоре исчез в сосняке.

С каждой минутой непроизвольно ускоряя шаг, майор Потапов и старший лейтенант Гончаров молча шли к даче, забыв, что, на радость ребятам, они оставили в озере девятнадцать запущенных кружков.

4

Поиск в Черном бору, начавшийся утром, продолжался весь день. Впереди медленно двигались прибывшие из города проводники с собаками. За ними раскинувшейся на километр шеренгой шло более ста человек. Руководивший поиском старший лейтенант Гончаров все время передвигался вдоль цепи. Ему казалось, что поиск ведет-

ся небрежно и только поэтому за целый день не дал никакого результата.

Бор шумел ровно и спокойно, точно хотел обмануть бдительность людей, делая вид, что ничего здесь не случилось — всё, мол, здесь, как сто лет назад, и зря вы там суеитесь, посмотрите, как я спокоен... Гончаров злился. Был он чекистом молодым и еще не успел выработать в себе хотя бы для внешнего вида холодную выдержку.

Первый заметил что-то подозрительное мобилизованный для участия в поиске местный учитель. Он подозвал Гончарова и показал на вершину высокой осины, где среди живой кроны виднелись сломанные сучья с чуть пожухлой листвой.

— Передать по цепи — остановиться! — крикнул Гончаров.

И тотчас одна из собак зарычала, остановившись на краю ямы.

Да, это была та самая яма, некогда вырытая охотниками для волков, в которую после приземления свалился Окаемов.

Гончаров сделал несколько снимков местности, не спускаясь в яму, произвел замер видневшихся на ее дне следов и затем осторожно спустился. Земля под его ногами мягко спружинила. Гончаров копнул носком сапога — и сразу открылся чуть присыпанный землей белый шелк парашюта. Гончаров осторожно извлек скомканный купол, передал его на поверхность и начал тщательно обследовать каждый сантиметр дна ямы. Но больше он ничего найти не смог, только жаба без усталости кидалась на стенку ямы и скатывалась под ноги Гончарова. Он смотрел на нее с ненавистью: эта образина знает все, что здесь произошло, а я — ничего...

Гончаров выбрался из ямы и приказал проводникам искать след. Собаки снова заматались по лесной чаще, но все они, покружившись, возвращались к яме. Вскоре

к Гончарову подошел один из проводников и молча протянул плоский металлический флакон, найденный собакой.

— Хорошо, — кладя флакон в карман, автоматически произнес Гончаров.

Он в эту минуту уже думал о том, что вот, совсем недавно, самой большой радостью казалось ему обнаружение места высадки диверсанта, но вот это место найдено, и вместо радости его мучает ясное понимание того, что самое важное и самое трудное — поиск потайной базы диверсанта — впереди. Попробуй найди ее! Диверсант отсюда мог пойти в направлении любого из триста шестидесяти градусов круга. По опыту Гончаров знал, что база запрятана не меньше, чем в десяти-пятнадцати километрах от места высадки, а уже в пяти километрах отсюда градусы круга разойдутся на сотни метров. А база — это ведь всего-навсего квадратный метр тщательно замаскированной земли, точка в безбрежном бору. И найти эту точку он был обязан.

Гончаров разбил поисковый отряд на четыре группы; они должны были двигаться от ямы в четырех направлениях и затем вернуться сюда, чтобы взять новые направления. И тут только Гончаров заметил, что быстро темнеет. Вести поиск ночью было нелепо. Приказав людям располагаться на ночлег, Гончаров взял парашют и направился к лесной дороге, где его ждала машина. Он решил повидаться с Потаповым, который должен был находиться на ближайшей к бору станции Лесной...

Потапова на станции не оказалось. Дежуривший там сотрудник оперативной группы сказал, что Потапов поездом уехал в город — понадобилось обследовать этот поезд. Обещал к утру вернуться на станцию.

Маленькая, глухая станция казалась совершенно безлюдной. Свет горел только в окнах домика, стоявшего за

станцией. Тесный зал для пассажиров тускло освещал установленный над дверью фонарь со свечой.

— Ну и глушь, точно вымерли все. Кто же тут поезда встречает? — спросил Гончаров, садясь на жесткий диван и решив дожидаться здесь Потапова.

— Да тут за сутки один поезд проходит, — ответил сотрудник. — Это же дорога не сквозная, ветка к лесозаводу, и всё. Ну, а как ваши дела?

— К концу дня нашли место приземления. Теперь предстоит найти игодку в стоге сена, — раздраженно ответил Гончаров.

— Найдем, — уверенно произнес сотрудник.

— «Найдем»! Шапками закидаем! — разозлился Гончаров.

Сотрудник промолчал и через минуту ушел на перрон.

В это время Потапов входил в кабинет полковника Астангова.

— Докладываю — поезд обследован тщательно. Ничего...

— Ничего не нашли, знаю, — перебил его Астангов. — И не могли найти. Интересующая нас личность уже в городе. Вот, читайте...

Потапов прочитал запись двух телефонограмм. В одной сообщалось, что на окраине города, близ сто первого почтового отделения обнаружен оставленный кем-то мотоцикл ижевской марки. В другой говорилось, что в двадцати километрах от Островска колхозный пастух обнаружил в лесу под мостом труп молодого человека, который оказался трактористом из Понизовья.

— Я уже говорил с Понизовьем, — продолжал Астангов. — Тракторист Сергей Любченко на рассвете выехал в Островск на собственном мотоцикле ижевского завода. Полчаса назад вернулись из Островска люди, которых я туда посылал. Ничего существенного не привезли. Люб-

ченко убит выстрелом в затылок. Пастух слышал шум мотоцикла, а выстрела не слышал. В общем, ясно — прибыл субъект сильный, хорошо оснащенный. И не случайно прыгал он под воскресенье — расчет на то, что мы в этот день не работаем. Ясно, что он поставил перед собой задачу — любым способом в течение дня добраться до нашего города. Здесь ему и скрыться легче, город большой... Что там у Гончарова?

— Не знаю. Я его не видел.

— Поезжайте сейчас же на станцию Лесную, найдите Гончарова, пусть продолжает поиск и два раза в сутки звонит мне. Посмотрите, как он там все организовал, и возвращайтесь. Я жду вас не позднее десяти часов утра...

5

Примерно в этот же час Окаемов остановился возле маленького домика на окраинной улочке. Оглянувшись по сторонам, он подошел к воротам дома и взялся за кольцо перекосившейся калитки, над которой висел номерной знак дома: «Первомайская ул., д. № 6, А. П. Гурко».

Хозяйка дома Адалия Петровна Гурко через окно удивленно смотрела на вошедшего во двор незнакомца, который уверенно направился к крыльцу.

Окаемов перешагнул порог и остановился, с улыбкой смотря на Адалию Петровну:

— Не узнаете?

— Простите... нет... — растерянно произнесла она.

— Окаемов. Григорий Максимович Окаемов.

— Григорий Максимович? — вскрикнула Адалия Петровна и, точно испугавшись произнесенных слов, зажала рот рукой.

— Я, я, Адалия Петровна, я — собственной персоной, — добродушно смеялся Окаемов.

Адалия Петровна подошла к нему вплотную, присталь-но посмотрела в его лицо:

— Не верю... Не может быть...— прошептала она, и вдруг ее глаза округлились: — Он! Он! Григорий Максимович!..— Она заплакала и уткнулась лицом в плечо Окаемова.

О, он прекрасно знал, почему она плачет, и терпеливо ждал, пока она успокоится...

И вот они сидели за столом, друг против друга, и Адалия Петровна не сводила с Окаемова восторженных и будто еще не верящих глаз.

— Гляжу, гляжу на вас, Григорий Максимович, и все понять не могу — во сне это происходит или наяву?

— Нет, нет, Адалия Петровна, я не привидение...

— Вы поймите меня. Мой Саня через месяц, как уехал на войну, прислал письмо, что вы с ним в одной части. А еще через месяц пишет — Окаемов погиб при отступлении. А больше писем от него и не было...— Готовая заплакать, Адалия Петровна поднесла к глазам платок.

— Война, Адалия Петровна, война...— Окаемов замолчал, тревожно думая о том, что, оказывается, часть его саперов тогда у реки все-таки спаслась.— Лучшие сыны народа погибали первыми. Саней вы можете гордиться. О его храбрости говорил весь батальон. Его любили, и кто остался жив — никогда его не забудет.

— Спасибо, родной,— сквозь слезы бормотала Адалия Петровна.— Каждое слово о Сане — моя единственная утеха...— Успокоившись, Адалия Петровна неловко спросила: — А как же это вы?..

— Как я воскрес? — помог ей Окаемов.— Довольно, обычная история. Тогда в августе меня тяжело ранило. Фронт откатился. Меня подобрали и спрятали колхозники. Они меня и выводили. Потом — партизанский отряд.

Потом — снова армия и с ней поход до Берлина. А там на колонне рейхстага рядом со своей фамилией я написал и имя вашего Сани: сержант Александр Гурко...

— Вы говорите правду? — Глаза Адалии Петровны снова набухли слезами.

— Адалия Петровна, в таких делах...

— Не обижайтесь на меня, дуру. Можно мне вас поцеловать? — Адалия Петровна порывисто обняла Окамова и поцеловала его в лоб. — Я ведь думала, что о Сани одна я помню...

— Как вам не стыдно!.. — Окамов выждал приличествующую моменту паузу. — Ну вот... А знаете, кем я стал? Книги пишу.

— Книги? Да что вы? Как же это?..

— Война, Адалия Петровна, многих сделала писателями. Мы столько пережили там... на войне. Слишком много пережили. Трудно молчать. Народ должен знать, чего стоит наша победа. Знать и всегда об этом помнить. А книгу, над которой я сейчас начал работать, я хочу посвятить светлой памяти вашего Сани.

— Я прямо не знаю, что и сказать вам... — Адалия Петровна задохнулась от волнения. — Я — мать, потерявшая единственного сына. И вы такой человек, такой человек!..

— Да оставьте вы, ей-богу. Я самый обыкновенный человек, который не забывает дорогих и близких ему людей. И всё. Вот, скажем, я ехал в ваш город собирать материал для книги, а думал: увижу вас, сумею ли сказать вам то, что обязан сказать о вашем славном сыне. И теперь, как камень с души свалился...

— Спасибо, родной. Спасибо от матери... Вы где же остановились? Небось в гостинице?

— Нет. И как раз я хотел просить вас: не можете ли вы приютить меня на недельку?

— Как вы можете сомневаться!

— Я не хочу жить в гостинице. Мне надо немного — тихий и скромный угол, чтобы спокойно поработать.

— Мой домик, Григорий Максимович, в вашем распоряжении.

— И вы расскажете мне о Сане. Я ведь его детства совсем не знаю. Когда до войны бывал у вас, бегал тут вот такой... с белыми вихрами. И всё.

— Да, бегал...— Адалия Петровна всхлипнула.— И нет его.

— Нет, Адалия Петровна, он... есть! Он живет в сердцах всех, кто его знал. Он будет жить в моей книге.

— Я вам все-все расскажу о нем. Он ведь и в детстве был удивительным мальчиком. Когда умер мой муж, вы в нашем городе уже не жили?

— Да, я уехал раньше.

— В общем, Саня остался без отца пятнадцати лет. Мы вернулись с кладбища, а он говорит мне: «Мама, не волнуйся, теперь о тебе буду заботиться я, и все будет хорошо, вот увидишь». Я ему сказала...

— Адалия Петровна,— осторожно перебил женщину Окаемов,— вы все это расскажете мне последовательно. Мы посвятим этому все вечера. Идет?

— Хорошо, хорошо... Боже мой, что же это я не спрошу вас,— вы небось с дороги не кушали?

— Не откажусь, Адалия Петровна.

— Я сейчас, сейчас.

— Дайте мне пока почитать фронтовые письма Санни. Можно?

— Конечно! Они вот здесь.— Адалия Петровна поставила на стол деревянную шкатулку и ушла на кухню.

Окаемов открыл шкатулку. Сверху в ней лежали паспорт и пенсионная книжка хозяйки дома. Он быстро просмотрел их и с удовлетворением отметил, что штамп

прописки в паспорте был точно такой же, как и в его паспортах, изготовленных в разведывательном центре.

«Все идет прекрасно,— думал он.— И главное, я на первое время уже имею надежную крышу».

Когда Адалия Петровна вернулась, Окаемов читал Санины письма, согнутым пальцем смахивая непрошеные слезы.

6

На столе была разостлана большая карта города и его окрестностей. Косой луч раннего солнца падал на карту и, отражаясь от ее глянцевой поверхности, слепил глаза склонившимся над картой Астангову и Потапову.

Астангов выпрямился и потер пальцами уставшие от солнца глаза:

— К сожалению, карта не отвечает на вопрос: зачем он сюда прибыл? И чем больше я смотрю на карту, тем больше вижу объектов, которые могут его интересовать. Да, зачем он прибыл? Этот вопрос, пока на него нет ясного ответа, определяет всю суть первого этапа нашей работы.

— Но возможно, что наш город — всего лишь обманный маневр, и он переберется совсем в другое место? — предположил Потапов.

— Не думаю,— помолчав, сказал Астангов.— Раз уж они решились сбрасывать его так далеко от границы, им незачем было рисковать только ради того, чтобы нас обмануть. Их расчет, по-моему, таков: высадка в глубине нашей территории с целью мгновенного приближения к объекту. И к большому городу, где легче спрятаться. Так или иначе, мы обязаны за исходное взять уверенность, что он прибыл именно к нам. Не забывайте, Потапов, что институт Вольского находится в нашем городе, а это для них очень лакомый кусок. Возможно, институт Вольского.— Астангов синим карандашом нарисовал на

карте круг, обнявший несколько кварталов города. — Это зона деятельности вашей оперативной группы. Но не забудем и другие объекты. — Астангов сделал на карте еще несколько кругов. — Железнодорожный узел... Военный аэродром... Артиллерийский полигон... Здесь будут работать другие группы. Но институт Вольского — это главное. Убежден. Организуйте самое тщательное наблюдение за институтом и его загородным филиалом. Проведите беседы с людьми Вольского: с его шофером, секретарем, — все должны быть начеку. Посмотрите его дачу. Установите наблюдение и там. Поговорите с самим Вольским. Он тоже должен быть осведомлен о возникшей угрозе...

Узнав, что Вольский приезжает в институт к одиннадцати часам, Потапов решил повидать его сейчас же, а заодно осмотреть и его дачу.

Дача Вольского находилась на краю поселка, и прямо перед его воротами начинался сосновый лес. Дача была обнесена высоким, глухим забором, по верху которого тянулась колючая проволока, — это Потапову понравилось. Но совсем не понравилось то, что калитка дачи оказалась распахнутой. Потапов прошел через весь сад до площадки перед домом и здесь увидел Сергея Дмитриевича Вольского. Профессор учил сына ездить на двухколесном велосипеде. Со взмокшей спиной он бегал вслед за вихляющим велосипедом, что-то кричал, ругался, хохотал. Потапов остановился, скрытый кустом георгинов. Ему не хотелось мешать профессору. «Моему еще и трехколесный не под силу», — подумал Потапов о своем сыне и, точно устыдясь этой ненужной мысли, решительно вышел из-за куста.

— Дурачок, ты действуй смелей! Вот так! — Профессор Вольский поставил ногу на педаль велосипеда и хотел уже оттолкнуться, как в это время увидел Потапова. — Вы ко мне?

— Да, профессор. Извините меня, разговор срочный... Вольский удивленно посмотрел на Потапова и пожал плечами:

— Ну что ж, пройдите на веранду, я только вымою руки...

Потапов поднялся на веранду. В это время сынишка профессора с веселым отчаянием на лице промчался на болтающемся велосипеде мимо веранды и через открытую калитку выехал на улицу. Вынув блокнот, Потапов записал: «Калитка. Мальчик».

— Я слушаю вас.— Профессор Вольский стоял в дверях, недружелюбно рассматривая Потапова, неловко запихивавшего блокнот в карман.— Мы можем разговаривать здесь?

Они сели за круглый стол. Потапов представился, Вольский удивленно поднял брови.

— Возникла необходимость, Сергей Дмитриевич, немедленно усилить вашу охрану,— сухо сказал Потапов.

— По-моему, институт охраняется достаточно хорошо,— сказал Вольский.

— Речь идет и об охране вас лично. И если бы не было для того основания, мы не позволили бы себе вас беспокоить.— Потапова немножко сердило, что профессор слушает его подчеркнуто равнодушно.

— Ну хорошо, я слушаю вас,— уже чуть любезнее сказал Вольский.

— Мы должны заблаговременно знать о всех ваших передвижениях в течение дня. Пусть об этом звонит нам ваш секретарь. Это — первое. Затем мы просим вас на этот период несколько ограничить свое общение с посторонними людьми. И, во всяком случае, быть постоянно настороже.

Вольский усмехнулся:

— Хорошо. Еще что?

— Пока все, Сергей Дмитриевич.

— И как долго будет длиться этот ваш... период?

— Точно не знаю.

— Черт побери!— искренне вырвалось у Вольского. Потапов рассмеялся:

— Не надо было вам делать открытий, которые так беспокоят разных господ.

— Ладно, подчиняюсь. Чаю хотите?

— Спасибо. У меня еще пропасть дел. Да и вам пора ехать в институт. Простите за беспокойство. До свидания.— Потапов сошел с веранды и обернулся: — Между прочим, ваш мальчик выехал на улицу. Лучше было бы туда его не пускать. И калитку запирать.

Профессор Вольский промолчал.

Потапов в машине возвращался в город. По сторонам, точно цветная кинолента, развевалась пестрая картина дачного пригорода. Мелькнули прыгающие у сетки волейболисты, дама в пестром халате с полотенцем на плече, велосипедист (не сынишка ли Вольского? Нет...), строй пионеров перед мачтой с флагом, держащиеся за руки девушка и юноша у крыльца, солнце плеснуло пламенем в цветные стекла дачной веранды... Потапов все это видел и не видел. В его мозгу неотступно и тревожно билась одна мысль: где сейчас тот, пока неведомый ему человек, которого он обязан найти?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Профессор Вольский проводил депутатский прием в помещении райисполкома. Пришедшие к нему избиратели сидели в коридоре и вели неторопливый разговор о своих делах.

Окаемов сидел у двери первым. Соседкой его была пожилая женщина с орденом «Знак Почета» на лацкане

синего бостонского костюма. Она то и дело посматривала на ручные часы и вздыхала. Уже давно в кабинет депутата зашел ветхий, беленький старичок, занимавший очередь перед Окаевым.

— Что-то дедушка застрял там...— сказал кто-то в очереди.

— Наверно, сложное дело,— отозвалась соседка Окаева. — А наш депутат такой — пока до правды не докопается, дело не оставит. Вот у меня на что уж сложный вопрос был, сам прокурор города допустил несправедливость. Так депутат и до прокурора добрался, подправил его как надо. Специально пришла спасибо ему сказать. Хоть и некогда, а дождусь.

— И я к нему второй раз иду, да только не за тем...— включился в разговор юноша в красной футболке. — Он написал обо мне бумажку в министерство, а там ноль внимания.

— Ох, он не любит этого! — воскликнула женщина. — По моему делу он первый раз прокурору по телефону позвонил. Тот, как полагается, заверил, а потом и пальцем не шевельнул. Я обратно к товарищу Вольскому: так, мол, и так — дело мое ни с места. Так у него даже лицо потемнело. И он такую бумагу прокурору отписал, что тот мигом дело мое решил.

Дверь распахнулась, в коридор вышел провожаемый Вольским седенький старичок.

— Пожалуйста, следующий,— обратился Вольский к очереди.

И вот они сидели друг против друга: Вольский и тот, кто хотел его уничтожить. Но нет, делать этого сегодня Окаев не собирался — он пришел сюда совсем с другими целями.

Окаеву нужно было любым путем приблизиться к институту Вольского и к нему самому. Разузнав, что Вольский регулярно проводит депутатские приемы,

Окаемов решил прежде всего использовать эту возможность. Во время посещения Вольского он рассчитывал либо выкрасть депутатский бланк профессора, либо добиться, чтобы Вольский написал на бланке какую-нибудь записку. Словом, именно бланк Вольского, его личная подпись, его почерк Окаемому очень могли пригодиться...

Вольский извинился перед Окаемовым и набрал телефонный номер:

— Заведующий горсобесом? С вами говорит депутат Верховного Совета Вольский... Здравствуйте. Сейчас к вам с моей запиской придет персональный пенсионер товарищ Сугробов. (Окаемов отметил про себя: «С моей запиской»). Примите его, пожалуйста, без очереди и внимательно выслушайте — ваши люди обидели старика... Ну вот и хорошо. До свидания. — Вольский положил трубку и повернулся к Окаемому: — Я слушаю вас.

Идя на прием к Вольскому, Окаемов до мельчайшей детали продумал, как и о чем будет с ним говорить. Он решил по возможности уклониться называть свою какую бы то ни было фамилию, но на случай, если это придется сделать, он по старым газетам узнал округ, где баллотировался Вольский, и в списке жильцов одного из домов выбрал себе простую фамилию — Егоров — и запомнил адрес этого Егорова. Если бы Вольский начал проверять, он убедился бы, что такой человек действительно существует. Вдобавок Окаемов придумал хитрый повод для посещения депутата...

Положив сцепленные руки на стол и рассматривая их, Окаемов заговорил со сдержанным волнением и подкупающей искренностью:

— Я человек маленький. Всего-навсего бухгалтер в промартели. Но у маленького человека могут быть большие страдания... Все началось около года назад, ког-

да к нам в артель прибыл новый технорук. Человек этот оказался ловкий, знающий, как делать деньги и для государства и для себя. Сперва все шло нормально и ничего нечестного не делалось. Но затем пошли делишки скверные. И, признаюсь, я не сразу в них разобрался. Все понял только тогда, когда он вручил мне первый подарок — пятьсот рублей. Семья у меня немалая — восемь душ. Мал мала меньше. Старшой в этом году пойдет в десятый класс. Мишкой его зовут. И вот с ним-то и произошла вся драма...— Окаемов вздохнул и продолжал: — Получив первый подарок, получил и второй и третий. Словом, в доме появились небольшие, но деньги. И вот однажды жена пристала ко мне с ножом к горлу — откуда деньги? А я возьми и скажи ей всю правду. А Мишка этот разговор случайно услышал. Вскоре он словил меня с глазу на глаз и говорит: «Я комсомолец и не желаю, чтобы отец у меня был вор. Одно из двух, говорит, или ты пойдешь куда следует и все расскажешь, или я уйду из дому...» Да, легко ему это сказать, а как-то мне это сделать? Это же означает суд и тюрьму, и семья останется без кормильца. В общем, сын на прошлой неделе ушел и живет у товарища. Говорят, ищет работу. Я пришел к вам, Сергей Дмитриевич, просить совета — как быть?..

Вольский слушал Окаемова несколько растерянно: впервые к нему пришел избиратель с таким неожиданным и сложным делом. Он совершенно не представлял, как можно помочь этому человеку.

— Право, не знаю, что вам и посоветовать,— сказал Вольский.— Я понимаю и вашего сына и понимаю вас. То-есть я, конечно, не оправдываю вас...

— Я и сам знаю, что виноват,— вставил Окаемов,— и знаю, что наказания мне не избежать. Но семья... четверо одних ребят...

— Вот-вот, именно это...— Вольский подумал и спросил: — Много вы так... заработали?

— Много не много, а тысячи три перепало.

— А если вы эти деньги внесете одновременно с заявлением в прокуратуру?

— Вы думаете? — Окаемов в упор смотрел на Вольского с таким выражением лица, будто он напряженно обдумывал это предложение депутата.

— По-моему, это единственный выход. И тогда смогу вам помочь и я. Позвоню прокурору, попрошу его отнестись к этому делу не формально, а по-человечески. Ведь и законники не имеют права не подумать о вашей семье.

— Вот именно. Вы это сделаете? Правда?

— Да, да. Твердо вам обещаю.

Окаемов встал:

— Сергей Дмитриевич!..— Глаза его стали влажными. — Вот чувствовал я, что встречу здесь человека, которому можно сказать все. Огромное вам спасибо. Я еще зайду к вам, как сделаю все по вашему совету. Можно?

— Обязательно. Я прямо при вас и позвоню кому надо.

— До свидания, Сергей Дмитриевич...— Окаемов направился к двери и вдруг остановился — Чуть не забыл. Тут такая еще беда — ушел-то я к вам в рабочее время, могут в артели шум поднять. Не дадите ли мне записочку, что был я у вас на приеме? Очень прошу.

— Это можно.— Вольский придвинул к себе депутатский блокнот и задумался, как писать. — Кому же писать? Директору?

— Да. Председателю промартели имени Первого мая...

— Так... Председателю промартели... имени... Первого... мая,— повторял вслух Вольский, надписывая адрес.

— А знаете, почему я решил идти именно к вам? (Вольский оторвался от записки и слушал Окаемова.) Вспомнил, как вы, выступая перед избирателями,— он и это вычитал в старых газетах,— сказали, что у депутата не может быть дел больших и малых, все — большие!

— Ерунда! — резко произнес Вольский и положил ручку на стол. — Я этого никогда не говорил!

— Как не говорили? Что вы, Сергей Дмитриевич? Я же сам слышал. — Окаемов улыбался.

Но в выражении его лица Вольский видел непонятный испуг.

— Да вот так — не говорил, и всё. Это в газете такую чушь написали! Я говорил совсем другое: что для депутата не может быть разделения избирателей на людей больших и маленьких. Людей — понимаете? — Вольский разошелся. Он вдруг вспомнил эту историю, как ругался с газетой, как редактор обещал поместить поправку и не поместил. Одновременно ему вдруг и этот посетитель показался в чем-то неприятным, а его дело какой-то достоевщиной для бедных. — Вот так... И если у вас там в артели заговорят по поводу вашей отлучки сегодня, пусть мне позвонят по телефону, я скажу все, что надо. Писать не обязательно.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Окаемов. — До свидания.

Окаемов вышел из кабинета злой и растерянный. Идя сюда, он предусмотрел многое, но никак не ожидал, что его план сорвется из-за недобросовестной работы какого-то газетного репортера. Он успокаивал и утешал себя тем, что все же польза от этого визита есть — он повидал и поговорил с человеком, ради которого сюда послан. Это ведь все пригодится.

Окаемов вышел на улицу. У подъезда, сверкая на

солнце лаком, стоял темно-синий «ЗИМ». «Наверно, его машина,— решил Окаемов.— Надо проверить».

— Дорогой товарищ,— обратился он к шоферу,— вы, случайно, не с нашим депутатом ездите?

— А что такое? — насторожился шофер.

— Да вот был сейчас у него на приеме. Горе у меня — сына потерял. Велел мне в субботу заявление принести. Что Вольский и что Сергей, это помню, а как по батюшке — не знаю. Спросить не решился. Неудобно, вроде...

— Дмитриевич.

— Вот спасибо, дорогой. Ну да, Дмитриевич. Как выбирал его — помнил, а тут враз вылетело.

— Бывает...

«Так. Машина — его,— думал Окаемов, медленно идя по улице.— Номер десять сорок семь... десять сорок семь. Водителю лет тридцать. У правого глаза маленький шрам. На разговор идет...»

Потапов уже давно имел в виду депутатские приемы Вольского и сейчас торопился в райсовет, чтобы посмотреть, в какой обстановке они проходят и не может ли здесь оказаться удобная щель для врага.

— Товарищ начальник, можно вас на минуточку?

Потапов сделал вид, что ничего не слышит, и обернулся, только открывая дверь райсовета,— его звал сидевший в машине шофер Вольского.

— А, товарищ Ильин! — Потапов вернулся к машине.— Здравствуйте. Что нового?

— Сейчас подходил ко мне гражданин — интересовался отчеством профессора. Сказал, что был у него на приеме насчет пропавшего сына и что ему надо заявление профессору писать.

— Так, так. И давно это было?

— Ну, минут пять как ушел.

— Куда он пошел?

— Вон туда. Откуда как раз вы шли.

— А как он выглядел?

— Да ничего особенного. В сером пиджаке, брюки в сапоги.

— Так... так...— Выработавший в себе привычку запоминать все, что попадает на глаза, Потапов вспомнил, что на перекрестке он только что повстречал рослого человека в сером пиджаке и как раз заметил, что это был этот человек в сапогах, но лица человека память не отметила.— Спасибо, товарищ Ильин. Подумаем...

В очереди к Вольскому оставалось четыре человека. Потапов подсел пятым. Примерно через час пришел его черед, и он вошел в кабинет. Увидев его, Вольский нахмурился:

— Ну, а вы что будете просить?

— Все то же, Сергей Дмитриевич,— улыбнулся Потапов.— Настороженности.

— Может, поставим сюда часового с винтовкой?

— Пусть лучше часовой этот будет у вас внутри,— сухо сказал Потапов и, помолчав, спросил: — Кто же из интересных людей был у вас на приеме сегодня?

Вольский удивленно поднял брови:

— Ну, батенька мой, додумались. Как всегда, много разного народу. А что такое?

— Да, так... пустяк. Один посетитель выяснял у вашего шофера, как зовут вас по отчеству? Сын у него пропал, что ли?

— Не пропал, а ушел... Странно — здесь он все время обращался ко мне по имени-отчеству.

— Он был в сером пиджаке и в сапогах? — быстро спросил Потапов.

— Да, да.

— Ваш избиратель?

— Да. Бухгалтер из промартели...— Вольский заглянул в блокнот.— Из промартели имени Первого мая.

— А как его фамилия?

— Фамилия? Он не назвал. Не успел назвать. А мне спрашивать было неудобно — он мог подумать не то, что надо. Я должен был написать ему записку, потом передумал.

— Какую записку?

— Что он был у меня на приеме. Он ушел ко мне в рабочее время.

— Он у вас справку просил?

— Да.

— А почему же вы передумали?

— Да так. Разозлился... совсем по другому поводу.

— Можно узнать, по какому?

Вольский рассердился:

— Ну, это уже не имеет никакого отношения к тому, чем вы занимаетесь!

2

Адалия Петровна встретила Окамова неожиданной и страшной новостью:

— Вас тут целый час человек дожидался...

Окамов медленно повернулся к хозяйке дома. Выражение его лица было таким, что она растерялась.

— Не беспокойтесь, дорогой Григорий Максимович,— залепетала она.— Он у вас много времени не отнимет. Это наш сосед. Тут я во всем виновата. Нечаянно сказала ему, что вы пишете, и он хочет рассказать вам что-то очень важное...

Окамов перевел дыхание, облизнул пересохшие губы.

— Адалия Петровна,— заговорил он хриплым от злости голосом,— я бы просил вас и самым решительным образом — не делать мне базарной рекламы! Я же по-рус-

ски говорил вам — мне тихий угол для работы нужен! Иначе я бы остановился в гостинице. Мне нужно работать, а не болтать с вашими соседями! Ну как вы могли...

Окаемова прервал решительный стук в дверь.

— Это он, шепотом произнесла Адалия Петровна. — Григорий Максимович, родной мой, ну, ругайте меня, старую дуру. Но не гнать же человека. Сосед. Поговорите с ним хоть несколько минут.

Дверь открылась, и в комнату вошел плотный мужчипа лет пятидесяти, с желтыми, обкурёнными усами.

— Добро пожаловать! — сказал он самому себе и церемонно, в пояс поклонился Окаемову. — Извините, конечно, но не знаю, как вас звать-величать.

— Заходите, заходите. — Окаемов дружески взял вошедшего под руку и провел к столу. — Садитесь.

От прищельца пахло вином, и это несколько успокоило Окаемова. Адалия Петровна на цыпочках вышла из комнаты.

— Благодарствую, опять же не ведаю, как вас звать-величать. А я буду, значит, Горбылев. Кирилл Евгеньевич Горбылев. Соседом прихожусь хозяйке вашей, Адалии Петровне. А до вас дело имею. Можно сказать, секретное дело.

— Слушаю вас, товарищ Горбылев. — Окаемов пристально смотрел на гостя, думая: «А вдруг этот человек подослан чекистами?»

— Вы, значит, писатель и можете прописать в газете про наши безобразия.

— Интересно, какие же это безобразия? — механически спросил Окаемов.

— Какие? Очень простые, товарищ писатель. Они хотят из пальца высасывать проценты и получать за это премиальные, а я им мешаю.

— Ничего не понимаю. Какие проценты? Кто — они?

— Они — это, значит, Пыриков — председатель нашей промартели. А я там, опять же, мастер. Так вот, значит, артель плана не тянет. Тогда Пыриков изобрел, значит, обман — как надуть проценты из ничего, перевыполнить опять же план и загрести премиальные. А я ему мешаю, поскольку я человек честный. Он, значит, принялся меня обхаживать — так, мол, и так, хороший ты мой, подпиши дутую рапортчку, и я тебя не забуду. Ну, а я...

— Послушайте, товарищ Горбылев! Я писатель. В газетах не сотрудничаю, и такие факты меня совершенно не интересуют.

— Как так — не интересуют? — Горбылев от удивления даже встал. — Тут же мы имеем чистое жульничество и, опять же, за счет государства. А вам, значит, не интересно? Не пойму — как же это так?

— Очень просто. Я пишу про войну, и мне...

— А это разве, опять же, не война? Только тут враг, значит, внутренний. Может, вы еще не разобрали, в чем тут соль? Так слушайте... Артель за квартал должна дать три тысячи двести штук жестяной посуды по четырем артикулам. Так? А дает, значит, от силы две тысячи с хвостиком. А если взять и один артикул выкинуть, вроде, значит, его и не было...

— Хватит, товарищ Горбылев! Мне это совершенно неинтересно! Понимаете?

— Ну ладно, — неожиданно согласился Горбылев. — Про бидоны да кастрюли неинтересно. Но он же решил сожрать живого человека! Че-ло-ве-ка! Меня, то-есть. Раз я, опять же, на его комбинацию не иду, значит, надо меня вышвырнуть на улицу, и дело с концом. Это вам тоже неинтересно?

— Послушайте, Горбылев! — Окаемов встал. — У меня нет времени слушать ваши истории. Понимаете? Нет времени. Прошу вас — оставьте меня в покое.

— Гóните, значит? — тоскливым голосом спросил Горбылев.

— Понимайте как хотите. До свидания.

Горбылев нахлобучил кепку:

— Эх вы, писатель! Заодно с ворами думаете! — Он махнул рукой и вышел, хлопнув дверью.

Окаемов с трудом подавил озлобление, вызванное этим дурацким визитом, и задумался. Нелепая история! Какой-то Пыриков... артикулы... бидоны... А из-за этой чепухи приют под крышей Адалии Петровны перестает быть надежным. О существовании здесь писателя уже знает этот тип. Завтра он скажет еще кому-нибудь... Жаль, конечно, но рисковать нельзя — надо уходить. Надо пробираться к базе, взять там все, что нужно, и сменить кожу. А, черт!.. И все испортила эта болтливая баба! Окаемова снова захлестнула злоба.

— Извините меня, Григорий Максимович... — В дверях появилась Адалия Петровна.

— Что ж вас извинять... Вас можно только еще раз просить о том же — не делать мне базарной рекламы, — еле сдерживая себя, сказал Окаемов.

— Никогда и никому! — торжественно произнесла Адалия Петровна.

— Вот и прекрасно! — Окаемов посмотрел на часы. — Через час я уезжаю в Борск. На пару дней. Нужно повидать там однополчанина. Вы уж, если можно, никому мой диван не сдавайте.

— Ах, Григорий Максимович, зачем вы так говорите!

— Ну хорошо, хорошо, мир. — Окаемов протянул хозяйке руку. — Извините, Адалия Петровна, если я сгоряча сказал что-нибудь резкое. И до свидания.

— Я буду ждать вас, Григорий Максимович.

— Во вторник к вечеру вернусь, бог даст.

— Впрочем, хорошо — я согласен. Поищите этого бухгалтера. Сколько в городе артелей имени Первого мая?

— Одиннадцать.

— Сколько отнимет это времени?

— Думаю, к вечеру управиться.

— Гончаров звонил? Что у него?

— Ничего. Нервничает он, товарищ полковник.

— Я тоже нервничаю... Сколько народу участвует сейчас в поиске?

— Человек двадцать. Остальных пришлось отпустить — людей-то сорвали с работы, думали на два-три дня. Гончаров сказал, что в воскресенье дает отдых всем. Ведь там многие уже неделю в лесу живут, обросли, как партизаны...

— Но сам-то он спать не ляжет?

— Я думаю, что он спать вообще разучился, товарищ полковник.

— Ну хорошо. Действуйте...

Побывав в четырех артелях, Потапов начал думать, что полковник Астангов был прав, когда вначале сомневался в необходимости этого поиска. В самом деле, на приеме у Вольского мог быть и подлинный бухгалтер. И если он этого бухгалтера обнаружит, это ровно ничего не даст. А если бухгалтером назвался кто-то другой, то он не окажется в артелях. Только две детали в конце концов склонили Астангова к решению провести поиск: а вдруг диверсант действительно укрылся в артели? И, наконец, почему он расспрашивал шофера об отчестве Вольского? Это подозрительно, и если ни в одной из артелей не окажется бухгалтера, который в минувший четверг был на приеме у Вольского, тогда можно будет сделать не очень твердое заключение, что на приеме у Вольского был тот,

которого они ищут... И вот Потапов еще в одной артели имени Первого мая.

Он прошел в клетушку, на дверях которой значилось: «Председатель Г. Г. Пыриков». В большом зале, в углу которого притулилась директорская клетушка, стоял такой грохот молотков по жести, что Потапов не знал, как ему вести разговор.

— Что у вас? — крикнул ему Пыриков.

Потапов молча протянул директору свое удостоверение. Пыриков судорожно глотнул воздух и мгновенно побледнел.

— Мне нужно поговорить с вашим бухгалтером, — склонившись через стол к самому лицу Пырикова, сказал Потапов.

— Он на бюллетене, — сорвавшимся голосом ответил Пыриков.

— Давно?

— Третий день... Но я все понимаю. Возможно, что нами допущена ошибка. Мы...

— Дайте мне его домашний адрес, — перебил председателя Потапов.

— Сию минуточку! — Пыриков схватил со стола тетрадку, но руки его так тряслись, что он не мог открыть нужную страницу. На лице у него выступил пот. — Вот... Горная улица, дом двадцать, Прохор Анисимович Кучин. — Пыриков встал: — Мне следовать за вами?

— Сначала я поеду к товарищу Кучину, — еле сдерживая улыбку, сказал Потапов и быстро вышел.

Бухгалтер Кучин, оказавшийся совершенно здоровым человеком, рассказал Потапову о темных делишках председателя артели и предупредил, что мастер артели Горбылев уже ходил куда-то жаловаться на председателя. Именно поэтому он и решил «забюллетенить», боясь, что Пыриков заставит его оформить незаконные документы.

— К кому ходил мастер Горбылев?

— Сказал мне: «Иду к одному большому человеку».

— Горбылев сейчас в артели?

— Как — в артели? Пыриков его уволил.

...Домик мастера Горбылева, соседний с домом Адалии Петровны Гурко, утопал в густых кустах сирени. — Потапов еле разыскал на нем номерной знак.

На ощупь отыскивая в темных сенях дверь, Потапов услышал, как басовитый женский голос укоризненно сказал:

— Эх ты, старатель. Тебе больше всех надо? Да?

— Молчи, говорю! — отвечал мужской голос. — Не твое, опять же, бабское дело.

— Не мое? А чем я теперь буду тебя кормить? Небось спросишь?

— С голоду не умрем...

Потапов постучал. Пауза, а потом мужской голос:

— Входите. Кто там?

Потапов представился вышедшему ему навстречу Горбылеву. Тот победоносно посмотрел на жену:

— А, видишь? Есть, опять же, правда на земле? Есть! Вы насчет фокусников из нашей артели?

— О фокусниках потом, Кирилл Евгеньевич, а сейчас я хотел бы узнать: вы в минувший четверг не были на приеме у депутата Верховного Совета товарища Вольского?

— В четверг? У депутата? — Горбылев недоуменно посмотрел на Потапова, на жену, и вдруг лицо его померкнуло. — Значит, он еще и депутат?

— Кто?

— Кто-кто! Писатель, что живет у соседки. — Горбылев через окно показал на соседний дом. — Да, был я, опять же, у него, был, а-он меня выгнал. Тут и вся песня.

— Погодите, погодите, меня интересует не писатель, а депутат Верховного Совета профессор Вольский. У него вы были?

— Профессор! — усмехнулся Горбылев. — Все они профессора. Приходит к писателю живой человек, говорит, что его хотят сожрать жулики, а писатель того живого человека гонит в шею. Вот я и есть уже съеденный — из артели меня, значит, убрали. Профессор! Тьфу!

— Погодите. Как фамилия этого вашего писателя?

Горбылев махнул рукой:

— А кто его знает. Опять же, и знать не хочу. Ходит под народ — штаны в сапоги, а народа чурается. Профессор...

— Так, так. А у профессора Вольского в Заречном райсовете вы не были?

— Не был. Не удосужился. У писателя был, и то выгнали. Так, значит, и вас наши акулы не интересуют? Или раз акула зовется председателем, так с нее и взятки гладки?

— Не беспокойтесь, Кирилл Евгеньевич. — Потапов вырвал из блокнота листок и записал на нем номер телефона. — Позвоните завтра утром по этому телефону, и вас немедленно примут и все, что нужно, сделают. А сейчас, извините, мне надо ехать.

— Сделают? — недоверчиво рассматривая бумажку, спросил Горбылев. — Ну что ж, опять же, посмотрим — увидим.

Потапов вышел на улицу и сел в машину. Шофер завел мотор.

— Погоди-ка, Коля, выключи, дай подумать. — Потапов смотрел прямо перед собой, напрягая память, — какая-то фраза, сказанная Горбылевым во время разговора, чуть царапнула тогда сознание и тут же проскочила мимо, а теперь эта забытая фраза тревожила Потапова, тревожила и что-то обещала. Он стал припоминать весь разговор по порядку. Вспомнилось: «Ходит под народ — штаны в сапоги, а народа чурается».

— Коля, я зайду еще вот в этот дом.

Потапов вылез из машины и пошел к дому Адалии Петровны Гурко, на ходу придумывая повод для оправдания своего визита.

Адалия Петровна во дворе развешивала белье. Увидев вошедшего в калитку Потапова, она решила, что это явился еще один визитер к Окаемому, и решительно вышла ему навстречу.

— Вы к кому? — сердито спросила она.

— Могу я повидать живущего у вас писателя?

— Григория Максимовича?

— Да.

— Вы его знакомый?

— С писателями, можно сказать, знакомы все его читатели, — приветливо улыбнулся Потапов.

— Он уехал, — помолчав, недружелюбно произнесла Адалия Петровна.

— Когда?

— Вчера.

— А куда?

— А для чего вам знать? Уехал, и всё. — Адалия Петровна демонстративно вернулась к тазу с бельем.

Но именно это ее нежелание сказать, куда уехал писатель, показалось Потапову подозрительным, и он попросил Адалию Петровну пройти в дом.

— Нам нужно поговорить...

Сначала разговор у них не ладился, но постепенно вопросы Потапова и ответы женщины начали прояснять довольно странную историю.

— Итак, его фамилия Окаемов? Григорий Максимович Окаемов? Что-то я такого писателя не знаю. Одну минуточку, простите... — Потапов подошел к окну на улицу и позвал шофера: — Коля, мигом слетай в Союз писателей и пусть по всесоюзному списку проверят, есть ли такой писатель — Окаемов Григорий Максимович? Запи-

ши. Только мигом! И возвращайся сюда... Так, Адалия Петровна. И вы давно его знаете?

— Что он — писатель, я узнала, только когда он теперь ко мне приехал. До войны был инженером-строителем. Он пишет сейчас книгу о моем погибшем на войне сыне.

— Они были знакомы?

— Вместе воевали...— Адалия Петровна рассказала всю историю знакомства их семьи с Окаемовым, и как он, воскреснув, появился теперь в ее вдовьем доме.

— Когда он к вам приехал? — спросил Потапов и замер, ожидая ответа.

— В позапрошлом воскресенье, — твердо ответила женщина.

— Утром? Вечером? — быстро спросил Потапов.

— Под вечер.

— Так...— Потапова от волнения зазнобило.

В это время в окне показался шофер Коля:

— Вот, товарищ майор. Говорят, что такого не было и нет.

— Конечно, нет и не могло быть, — рассеянно сказал Потапов, даже не посмотрев в сторону шофера.

Адалия Петровна еще ничего толком не понимала, но уже чувствовала — случилось что-то тревожное.

— Не волнуйтесь, Адалия Петровна, — успокаивал ее Потапов, сам волнувавшийся оттого, что теперь он был почти уверен в беспокоившей его мысли. — Значит, он уехал вчера?

— Да, да... Сказал: «Еду на пару дней в Борск повидать однополчанина». С ним что-нибудь случилось? Или он...

— Успокойтесь. Скажите, когда он жил у вас, он больше бывал дома?

— Да, больше дома сидел. Газеты читал. Писал.

— Никаких своих вещей или бумаг он, конечно, не оставил?

— Даже газеты и те взял с собой.

— А какие у него были вещи?

— Все что на нем и портфель. Больше ничего. Он говорил, что вещи его идут багажом из Ленинграда.

— Ясно. Опишите мне его внешность.

— Боже мой, ну как это сделать? Я не умею...

— В чем он был одет?

— Господи, дай памяти. Значит, пиджак... серый. Брюки в сапоги. Украинская рубашка, такая... с тесемочками на воротике...

— Ясно. А какое у него лицо, глаза, волосы?

— Ой! — Адалия Петровна вскочила, сбегала в соседнюю комнату и вернулась с пухлым семейным альбомом. — Тут есть его фото. Мой муж и он. Они сфотографировались когда-то. На курорте, где и познакомились. Еще до войны. Вот...

Потапов впился взглядом в фотографию. Адалия Петровна хотела пояснить, кто на фотографии Окаемов, а кто — ее муж, но Потапов остановил ее.

— Окаемов вот этот? — прервавшимся от волнения голосом спросил он.

Фотография точно подсказала его памяти лицо того человека, которого он встретил на перекрестке, идя посмотреть, как проводит прием Вольский...

— Да, это он.

— По сравнению с этой фотографией он изменился сильно?

— Нет. Только седина в волосах появилась.

Потапов справился с волнением и встал:

— Ну вот и всё, Адалия Петровна. Я возьму у вас до завтра эту фотографию. Утром вы получите ее в полной сохранности.

— Пожалуйста, пожалуйста... Но что все-таки случилось?

Обдумывая ответ, Потапов пристально смотрел на встревоженную женщину. И он решил сказать ей все.

— Как это вам ни будет обидно, Адалия Петровна, вы должны знать, что приютили у себя в доме опасного человека. И, конечно, он никакой не писатель и не друг вашего сына. Он хитро и подло обманул вас, спекулируя на вашем материнском чувстве. Ему нужен был ваш дом, чтобы на время скрыться. И все...

Адалия Петровна выслушала это с окаменевшим лицом. Ее устремленный мимо Потапова взгляд выражал недоумение и страдание.

— Зачем? Боже мой... Я же мать...— тихо произнесла она.

— Для таких людей, Адалия Петровна, ничего святого не существует.

— Что же теперь делать? — растерянно спросила Адалия Петровна, и вдруг в глазах ее вспыхнул гнев.— Он же должен вернуться.

— Это, Адалия Петровна, исключено. Сюда он не вернется. Ну, а если вернется, ваш долг, ваша обязанность и виду не показать, что вы что-то знаете. А все необходимые меры примем мы. И вообще, прошу вас: никому ни слова о том, что я у вас был и обо всем, что вы сегодня узнали.

— Конечно, конечно...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Полковник Астангов проводил совещание с оперативной группой Потапова. Все сидели вокруг большого стола, перед каждым — лист бумаги. Можно было подумать, что

Эти люди находятся на тихом и спокойном учебном занятии. Между тем здесь происходил разбор боевой операции, которая была далеко не закончена, и каждый все время помнил, что враг ускользнул, и где он теперь, в эту минуту — неизвестно. Весь смысл совещания сводится к одному: как опередить врага и нанести ему удар раньше, чем он сможет совершить свое злодеяние?

Вольский и его шофер на фотографии, взятой Потаповым у Адалии Петровны, уверенно узнали того человека, который приходил на прием. В общем, Потапов был уверен, что Окаемов и есть тот человек, которого сбросили над Черным бором и которого он обязан найти. И его раздражало, что полковник Астангов до сих пор придерживается, как он говорит, «двух версий при возможности и третьей». Вот и сейчас полковник снова заговорил об этом...

— Проанализируем, товарищи, первую из этих версий, для нас самую удобную. — Полковник даже не взглянул на Потапова, но все поняли, что подчеркнуто сказанное им слово «удобную» адресовано именно ему. — По этой версии, сброшенный в Черном бору человек является убийцей тракториста Любченко и жильцом Гурко. И что он же был на приеме у Вольского и пытался добыть его именной бланк. И что он же затем, испуганный посещением мастера Горбылева, скрылся. И что его фамилия Окаемов. И что он тот же Окаемов, который в сорок первом году был взят в действующую армию и числится убитым.

— Так это и есть, — тихо сказал Потапов.

— Возможно, возможно, — миролюбиво согласился Астангов. — Подчеркиваю — возможно. Но разве вы имеете хотя бы одно косвенное доказательство, что сброшенный в Черном бору диверсант и Окаемов это одно и то же лицо?

— А то, что Окаемов появился у Гурко в то же воскресенье, когда был сброшен диверсант! — горячась, ответил Потапов. — Наконец, мотоцикл тракториста, оказавшийся в городе в то же воскресенье!

Слушая Потапова, Астангов согласно кивал головой, а потом сказал:

— А давайте-ка представим себе такую ситуацию: вражеской разведкой задумана диверсия против института Вольского. Как мы понимаем, этот объект для них крайне важен. И как мы знаем, именно здесь они уже имели скандальный провал. И вот теперь они решили успех диверсии застраховать всеми возможными способами. Послан, например, не один исполнитель, а два, три. И сброшенный в Черном бору — это один из них, а Окаемов — второй. И прибыли они в наш город разными путями, но в одно назначенное им время. Вы можете, Потапов, опровергнуть эту версию?

Потапов улыбнулся:

— Конечно, нет. Но с таким же успехом можно предположить, что в город прибыли двадцать исполнителей.

— Это не опровержение. Двадцать — абсурд! А два, три — вариант допустимый. А разве не могли они сбросить в Черный бор не одного, а двух или даже трех человек?

— Парашют-то найден один, — заметил Гончаров.

— Знаю, товарищ Гончаров. А может, второй и третий парашюты вы не смогли найти, как не нашли еще и потайной базы? Разве такое предположение не имеет основания?

Гончаров опустил голову и мгновенно покраснел. Вызванный на этот разбор из Лесного, он уже давно ждал укора полковника за безрезультатный поиск базы. И вот получил, сам нарвался...

— Нет, товарищи, — продолжал Астангов, — мы попросту не имеем права все сводить к одной гипотезе и не

предусмотреть всего, что должно предусмотреть... Вот вам, например, еще одна версия — сброшенный или сброшенные в Черном бору действует или действуют сами по себе, а Окаемов — сам по себе, и друг с другом они не связаны. Разве не может быть и такой ситуации?

— Это маловероятно, если они выпущены из одной берлоги, — смущаясь, сказал молодой сотрудник Кудрявцев из группы Потапова. — Вы же сами сказали, товарищ полковник, что им надо застраховать успех, а это значит: двое их или больше — все они должны действовать организованно.

— По логике это так, согласен. Ну, а что, если берлоги разные? Разве институт Вольского может беспокоить только одну берлогу? А кроме всего, может быть, и так: к нам в город прибыли, скажем, два исполнителя, один из них занимается институтом Вольского, а другой... ну, артиллерийским полигоном. Мы обязаны подумать и о такой гипотезе...

Астангов очень любил такие разборы операций. Он понимал важное значение их для всех сотрудников. Ведя этот разбор, он, конечно, прекрасно знал, что «потаповская версия» — самая надежная и больше других определившаяся самым ходом уже совершившихся событий, но он неутомимо предлагал все новые и новые гипотезы, высказывал сомнения, задавал вопросы, ибо знал, что в этом споре кристаллизуется и оттачивается мысль людей и они приучаются строить свои предположения на основании наиболее точных, тщательно отобранных данных. Наконец, целиком и безоговорочно стать на позицию Потапова полковник Астангов просто не имел права, ибо он отвечал за охрану от возможной диверсии не только института Вольского и был обязан предусмотреть любой шаг врага.

Потапов, в свою очередь, прекрасно понимал полковника Астангова, понимал его сомнения и версии его не

мог считать безосновательными. Сейчас его беспокоило другое — накануне полковник сказал ему, что собирается забрать у него двух сотрудников для укрепления другой оперативной группы, а вот с этим он никак не мог согласиться.

Перехватив взгляд полковника, Потапов сказал:

— А не может получиться так: мы займемся разработкой нескольких версий, распылим на это силы и упустим то, что уже довольно ясно обозначилось? Я имею в виду реального Окаемова.

— Я обязан думать о всех версиях, — сухо ответил Астангов. — Что же касается вашей группы, то, пожалуй, вашей целью следует оставить только Окаемова. И брать у вас людей я передумал.

Потапов не удержался — у него вырвался шумный вздох облегчения.

Астангов засмеялся:

— Гора с плеч?

Заулыбались и все сидевшие за столом. Только Гончаров продолжал сидеть, опустив голову.

— Но вернемся к версии с Окаемовым. Ваши соображения, Потапов! — Астангов пододвинул к себе бумагу.

— Итак, этап первый — высадка, — уверенно заговорил Потапов. — Отмечаем известные нам данные по этому этапу. Время высадки. Это мы знаем более или менее точно. Далее — место высадки. Знаем. Это нам Гончаров нашел. Отмечаем первый случай такого далекого от границы заброса. Учитывая судьбу самолета, вряд ли они сделают такое второй раз. Цель такого глубокого заброса была одна — чтобы в течение воскресенья достигнуть города, в котором находится институт Вольского. Все во имя этого, вплоть до убийства владельца мотоцикла. Убийство совершено оружием с глушителем. База упрятана хорошо. Словом, по первому этапу событий мы мо-

жем судить, что враг достаточно опытен, смел и предпримчив. Чего мы не знаем? Где он оборудовал базу. Но поиск базы продолжается... Этап второй — Окаемов в городе. Появление его у Гурко...

— Как вы расцепиваете то, что он явился под своей настоящей фамилией? — перебил Потапова полковник.

— Я считаю это его серьезной ошибкой, — ответил Потапов, — ведь речь идет о раскрытии не только фамилии, но и внешности.

— Я думаю иначе, — сказал полковник Астангов. — Такой опытный диверсант не мог не знать, к чему ведет раскрытие фамилии. Вспомните, какую хитрейшую отмычку придумал он к сердцу Гурко. Абсолютно безошибочный и тонкий ход! И вдруг он же не продумал шага с фамилией. Невероятно. Нет, товарищи, он жертвовал раскрытием фамилии ради приобретения надежной явки на первое, самое трудное для него время. Все это рассчитано с начала до конца, и со всех точек зрения нам лучше думать именно так, а не обольщать себя его ошибками... Продолжайте, Потапов.

Потапов помолчал, обдумывая то, что сказал Астангов, и продолжал:

— И все же на этом этапе им допущены бесспорные ошибки. Сознание этих ошибок, очевидно, и заставило его исчезнуть столь поспешно. Теперь я хочу изложить план дальнейших действий своей оперативной группы...

— Подождите минуточку, — снова перебил Потапова полковник. — Мне хочется обратить ваше внимание на две поучительные детали в ходе операции. Случай ли помог нам найти мастера Горбылева и Адалию Петровну Гурко? Нет, товарищи, и здесь я должен отдать должное майору Потапову. Это он настоял на проверке артелей и наткнулся на Горбылева. И дальше он проявил подлинно чекистское внимание к мелочам. Он помнил, что шофер Вольского о костюме расспрашивавшего его человека

сказал: «брюки в сапоги» и не пропустил мимо ушей эту же фразу в рассказе Горбылева. Видите? То, что могло бы показаться случайностью, на самом деле явилось результатом умной работы. Запомните это, товарищи!

Потапову, конечно, было приятно услышать это, но он с нетерпением ждал, когда полковник заговорит не о прошлом, а о будущем. Ведь пока они ведут этот разговор, Окаемов действует, и его надо искать каждый час, каждую минуту. Точно угадав нетерпение Потапова, полковник Астангов сказал:

— Здесь мы подводим черту под сделанным и займемся тем, что нам предстоит. А предстоит, я уверен, самое трудное... Прошу вас, Потапов, доложите ваш план.

В обсуждении плана приняли участие все, кроме Астангова и Гончарова. Полковник слушал, что говорили другие, делал какие-то записи и незаметно поглядывал на мрачного Гончарова, который, казалось, вообще ничего не слышал.

— План хороший, — сказал наконец Астангов. — Были и толковые замечания товарищей.

Он замолчал, и Потапов с тревогой заметил, что на лице полковника появилось выражение, с каким он обычно говорит колкости.

— Жаль только, что мы не можем согласовать этого плана с Окаемовым, а он как раз может нарушить его стройность. В плане, иными словами, я вижу один существенный недостаток — при всей своей обстоятельности в нем не выделено то главное, чем мы должны заняться завтра... Нет, не завтра, а сегодня... — Астангов посмотрел на часы. — Товарищ Гончаров, меня тревожит ваше настроение. (Гончаров вздрогнул и хотел встать.) Сидите, сидите. Дело в том, что ваш участок, товарищ Гончаров, сегодня, именно сегодня, главный. Вам не удалось отменить отдых поисковой группы на воскресенье?

— Полностью не удалось: мне поздно сообщили ваше приказание. Но человек двадцать будут работать.

— Двадцать... — Полковник помолчал: — Вот что, Потапов: сейчас же вместе со всей своей группой поезжайте в Черный бор. Дело в том, товарищи, что, по всем объективным данным, Окаемов сейчас бросится к своей базе. Плохо, что сейчас лето — оно дает Окаемому возможность существовать без кровли и маневрировать временем. Словом, или теперь же, или немного переждав, он пойдет к своей базе, и поэтому Черный бор сейчас для нас самый главный объект. Это бесспорно, и это следовало подчеркнуть в плане операции. Мы же помним, что у Окаимова с собой был только портфель с бумагами. Это значит, что без того, чтобы воспользоваться базой, он обойтись не может.

— Снимем наблюдение и за институтом? — встревоженно спросил Потапов.

— Эти дни за институтом посмотрит группа капитана Орлова. — Астангов усмехнулся: — Надеюсь, вас это не обидит? Товарищ Гончаров, карта Черного бора у вас с собой?

— Всегда.

— Тогда сделаем так: все, кроме Потапова и Гончарова, свободны. Час на сборы...

Когда сотрудники опергруппы вышли, Астангов взял у Гончарова карту и расстелил ее на столе:

— Давайте продумаем, как перекрыть все подходы к Черному бору. Ваши предложения, товарищ Гончаров.

2

Окаемов, считая, что из тревожной ситуации он вышел вовремя, действовал довольно смело. Несколько дней после ухода от Гурко он прожил в дачной местности, ночуя под открытым небом, затем вернулся в город, купил на вокзале билет до станции, следующей после Лесной,

и сел в поезд. Он решил, что безопаснее всего добраться до Черного бора именно поездом, в котором всегда едет много народу.

В поезде ему сразу же повезло — он оказался в вагоне, в котором ехала бригада эстрадных артистов. Окаемов мгновенно сообразил, что эта веселая компания может ему пригодиться, и уселся среди артистов. В два счета он перезнакомился со всей бригадой, подкупив артистов своим наивным восторгом по поводу того, что он первый раз в жизни разговаривает с артистами. Еще одна удача — выяснилось, что артисты едут с концертом на станцию Лесную. Почтенная эстрадная дама, жизнь которой началась явно на заре нашего века, заводя глаза под лоб, пояснила Окаемову, что она — иллюзионный номер.

— Что это значит? — с детской заинтересованностью спросил Окаемов.

— Я могу сделать все, что захочу, — игриво ответила дама.

— Как же это так?

— Аппаратура... — таинственно произнесла дама и показала на задвинутый под лавку объемистый, обшарпанный чемодан.

«Пригодится эта аппаратура и мне», — заметил про себя Окаемов и заговорил с руководителем бригады — маленьким ушастым человечком в кожаной курточке на молнии. Узнав, что Окаемов едет до станции Лесной, ушастый человечек доверительно взял Окаемова за руку, и воровато оглянувшись, быстро произнес:

— Можем обслужить.

— Как — обслужить? — не понял Окаемов.

— Отлично. Вы в каком учреждении работаете?

— В школе, — без запинки ответил Окаемов.

— Прелестно! — пискнул человечек. — Школьный коридор — это же изумительная площадка! Парты выносятся в коридор, и публика сидит, как на уроке. Хе-хе-хе!

Вы, как только приедете, шепните своим людям — есть, мол, концерт. Отличный, веселый эстрадный концерт. Билеты по десяти целковых — дешевле пареной репы. Получите свою сотнягу. Понимаете? Искать нас надо в клубе поселка Лесного. У нас там плановый концерт. А вам дадим гала-представление из трех отделений. А после концерта посидим, песни попоем... — Ушастый человечек потер ручками. — Понимаете?

Окаемов рассмеялся:

— Вон как это делается. Ну что ж, я непременно скажу. Искать вас, значит, в клубе? Прекрасно... — Окаемов мгновенно сообразил, как он в дальнейшем поступит. — А можно мне посмотреть ваш концерт? Я же должен знать, что буду предлагать. Верно?

— О чем разговор? — подпрыгнул ушастый. — Вы наш почетный гость, и точка. Не волнуйтесь — концерт первый сорт!..

Рядом с железной дорогой стелилось шоссе. Поезд то и дело обгонял разукрашенные лентами повозки и грузовики с празднично одетыми людьми. В открытые окна вагона влетали песни, переливы гармошек. В этот день в деревнях отмечался старинный народный праздник в честь прихода лета. У Окаимова был расчет и на это — чем больше народа на дорогах и тропках, тем легче ему будет прятаться. У артистов эстрады на этот праздник был свой, узкопрофессиональный взгляд. Дама-Иллюзион, проводив жадным взглядом вереницу переполненных людьми грузовиков, всплеснула пухлыми руками:

— Что делается? В такой праздник ехать с одним плановым концертом. Это же безобразие! — Говоря это, она презрительно смотрела на ушастого человечка.

Тот, видимо, чувствовал себя виноватым и, точно отмахиваясь от взгляда дамы, вертел ушастой головой...

Поезд подходил к станции Лесной. Артисты с чемоданами толпились у выхода. Среди них был и Окаемов. Он

держал в руках тяжеленный чемодан дамы-Иллюзион, которая стояла рядом, многозначительно заглядывая в глаза Окаемову.

На перроне артистов встретил заведующий клубом, который повел их, минуя вокзал, в поселок.

3

На станции Лесной, кроме артистов, никто не сошел. Гончаров подождал, пока ушел поезд, и на машине поехал к Потапову, который ждал его в избушке лесника на окраине Черного бора.

Потапов встретил его у поворота дороги к бору. Они отпустили машину и присели на лугу под шатром могучего дуба.

— Ну что?

— Ничего. Концерт приехал.

— Что еще за концерт?

— Бригада эстрадников. Сегодня в Лесном концерт.

— Понимаешь, Павел...— Потапов положил руку на колено Гончарова: — мне нынешние сутки кажутся самыми ответственными. А завтра, когда в бору снова будет действовать твоя поисковая группа, нам будет полегче.

— А я, как назло, поисковую группу ослабил именно в этот день,— огорченно сказал Гончаров.— Полковник мне этого не простит...

— Ну что ж, люди должны были отдохнуть.— Потапов вынул из кармана карту Черного бора и расстелил ее на коленях.— А здесь подхода к Черному бору нет? — Он показал на зеленый мыс лесного массива с восточной стороны бора.

— Я же говорил: тут почти непроходимые болота. Местные охотники и те обходят это место. А потом, вот тут начинаются разработки лесозавода, где всегда есть люди, которые мной предупреждены. Что, не веришь мне, что ли?

Потапов посмотрел на друга:

— Зря нервничаешь, Павел.

— Спокойным мне быть не с чего. Я же знаю, что думает Астангов о моем поиске: доверил, мол, шляпе ответственное дело...

— Полковник отлично понимает всю трудность поиска в таком лесу. Оставим это, Павел... Меня волнует совсем другое. Вот мы расставим посты вокруг бора. Считаю, что подходы к нему перекрыты. А ведь от поста до поста пролеты вон какие большие. Вот тут, например, километров пять — не меньше. А Окаемов не дурак — он может нащупать наши посты и пройти между ними.

— А что, если посты все время будут находиться в движении? — предложил Гончаров.

— Я уже думал об этом. Есть серьезное «но». Тогда Окаемому легче будет обнаружить посты. Прислушается, отметит проход поста, выждет и войдет в лес.

— Я лично все время буду в движении.

— Кстати, о твоём участке. Все данные говорят, что после высадки Окаемов выходил из Черного бора в направлении на поселок Лесной. Мотоциклиста жители поселка видели, когда он утром въезжал в поселок и был один. И потом, Окаемому заблудиться в таком лесу так же легко, как и нам. В общем, если он пойдет к базе, то сделает все, чтобы пойти тем же путем, каким он уже один раз прошел. Вот я и думаю, что поселок и станция — самая ответственная зона. Смотри, Павел, в оба. Из всей группы я поставил сюда тебя, потому что полагаюсь на тебя, как на самого себя...

Гончаров благодарно посмотрел на друга...

Солнце быстро опускалось за темную громаду бора, из которого уже выползали синие тени, постепенно заливавшие равнину луга перед лесом. Точно приняв вахту от умолкших в лесу птиц, в лугах заскрипел одинокий коростель.

Друзья еще несколько минут посидели молча. Потапов встал:

— Пора, Павел... Желаю тебе успеха.— Он за руку притянул к себе Гончарова и неловко обнял: — Всего...

В клубе уже шли приготовления к концерту. Артисты распаковывали свои чемоданы, развешивая по стенам уборных яркие костюмы. Завклубом сам сидел в кассе, радуясь бойкой распродаже билетов.

Окаемов подошел к руководителю бригады артистов:

— Вот что я решил: чем сидеть мне сложа руки, пойду-ка и договорюсь с кем надо о вашем концерте в школе.

— Дело! — Ушастый человечек потер руки — Только никому, конечно, об этом ни слова. Дело-то левое, понимаете? О концерте должны знать я, вы и тот человек, который дает помещение.

— Понимаю. Можете не беспокоиться...

Окаемов вышел из клуба черным ходом, пробрался в глубь сада и прилег в густом малиннике.

Завклубом, продав все билеты, радостный прибежал за кулисы:

— Полный сбор! Можно начинать!

— Где мы — там всегда полный сбор! — важно сказал ушастый.

— А вы, я вижу, не все в сборе?

— Как не все? — Ушастый всмотрелся в толпившихся у сцены артистов. — Все, как один. А? — Он наконец догадался, о ком спрашивает завклубом. — Он не выступает. Просто так приехал с нами, воздухом подышать...

Концерт начался в девять часов. Завклубом провел Гончарова в зал, и они стали у дверей. Выступала певица. Прижав руки к груди, она томно пела о свидании с люби-

мым, о луне, о звездах... Гончаров просто не мог это слушать.

— Посторонних среди них нет? — раздраженно спросил он у завклубом.

— Где? — не понял завклубом.

— Среди артистов.

— А? — Завклубом засмеялся: — Одна бражка. Я их уже не первый раз приглашаю...

Не дослушав песни, Гончаров вышел из клуба.

Поселок был погружен в тишину и глухую темень. Бархатное, в звездах небо недвижно раскинулось над уснувшей землей; только Млечный Путь медленно струился через все небо, ссыпая белую пыль на темную грядущую леса.

— И ночь, как назло, безлунная, — вслух произнес Гончаров и, держась поближе к домам, пошел на станцию.

Дежуривший на станции сотрудник внезапно возник перед Гончаровым из темноты.

— Пост четырнадцать на месте, — тихо сказал он и пошел рядом с Гончаровым. — Все спокойно. Только парочка влюбленных проследовала.

— Влюбленные? — подозрительно спросил Гончаров.

— Точно, товарищ старший лейтенант. Паренек лет семнадцати и девушка под стать. Про звезды рассуждали. Она себе звезду на всю жизнь выбирала — прямо смех...

— Куда они пошли?

— Вон туда, за водокачку...

Гончаров решил проверить. За водокачкой тропинка перебегала канаву и поднималась на небольшой холм, увенчанный сосной. Оттуда слышались голоса.

Паренек и девушка сидели на корневище сосны, прислонясь к ее стволу. Гончаров притаился в нескольких шагах от них.

— А ты не забудешь меня? — спросила девушка. — Девушек-то на целину вон сколько поехало!..

— Надя, не надо т-так говорить, — чуть заикаясь, сказал паренек.

— Если станешь забывать, — помолчав, сказала девушка, — посмотри на мою звезду. И я буду каждый вечер смотреть на нее. Ладно?

— Л-ладно. Ты лучше скажи: приедешь?

— Я-то приеду. Выпускные экзамены сдам и диплом ждать не буду, Туда пускай присылают.

— А как м-мать не пустит?

— Она уже перекипела. Сегодня говорит: примерь-ка мои валенки, там небось стужа лютая.

— Верно? Так и сказала?

— Ага... В кино завтра пойдем?

— Н-не могу, Наденька. Завтра опять на поиск в бор уйдем.

— Гончаров улыбнулся — он вспомнил этого паренька. Дня три назад он в бору подошел к Гончарову и, заикаясь, спросил: «А н-нельзя достать нам миноискатели, что на войне были? Они же под землю видят...»

Гончаров бесшумно спустился с холма и пошел дальше вдоль железной дороги, постепенно углубляясь в прилегавший к лесу кустарник...

Окаемов вернулся в клуб, когда концерт уже подходил к концу.

— Все в полном порядке, — сказал он ушастому. — Провести концерт можно завтра. Но не в школе, а на лесозаводе. Это отсюда километров пять. Можете?

— На лесозаводе? — Ушастый удивленно поднял узенькие плечики. — Там же негде выступать. Я эту точку знаю.

— Когда вы были там последний раз?

— В майские праздники. Я вел переговоры с директором завода.

— Эх, вы! — засмеялся Окаемов. — Там уже готов летний клуб на пятьсот человек.

— Пятьсот?.. — Ушастый подпрыгнул. — Красота!

— Договариваемся так: завтра в двенадцать приходи-те на станцию, я познакомлю вас с представителем завода. Ясно?

— Вполне. Завтра в двенадцать.

— А сейчас я пойду спать к приятелю. Что-то голова разболелась.

— А мы же собирались после концерта... того... — Ушастый щелкнул себе по горлу.

— Не могу. Итак, завтра в двенадцать. Пока...

4

Окаемов догадывался, конечно, что Черный бор еще находится под наблюдением. Его одинаково страшило и это и предположение, что его тайник обнаружен, ликвидирован и что там его ждет засада. Он подбирался к лесу с максимальной осторожностью. Прежде чем переползти через железнодорожный путь, он около часа пролежал за насыпью. Достигнув полосы кустарника, он продолжал ползти и встал на ноги, только когда до леса оставалось не больше пяти шагов.

Темный, ровно гудящий лес обступил Окаевова со всех сторон. В первые минуты деревья казались ему живыми существами, шагающими по его следам, и он поминутно оглядывался и слушал. Но постепенно он к лесной темени привык и шел все увереннее и быстрее. Шел он точно тем же маршрутом, каким тогда, после приземления, выбрался из лесу к железной дороге, почти инстинктивно угадывая знакомые места. Вот до краев наполненная водой канава и нависший над ней земляной гриб

корневища могучей ели — именно здесь он перепрыгнул тогда через эту канаву. Вот сломанная бурей сосна — ствол как одинокая колонна и повисшая на елях засохшая крона. Вот ручеек, изогнувшийся возле громадного, замшелого камня.

Все ближе и ближе было заветное место возле трехствольной ели. Окаемов передвигался с большими предосторожностями. Шаг, остановка, и он весь обращается в слух. Еще шаг, остановка... Потом он снова пополз...

Увидев трехствольную ель, он замер и долго лежал, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому шороху.

Ничего подозрительного. Окаемов быстро подполз к ели и большим охотничьим ножом разрыл землю. Он взял сверток с рацией и одеждой, взрывчатку, документы, а остальное снова зарыл. Встал и пошел дальше — к шоссе.

Идти теперь было труднее. Утомлял довольно тяжелый сверток, и путь был новый, неизведанный — все время нужно было думать о том, чтобы не сбиться с нужного направления. Приходилось часто останавливаться, искать просветы в кронах деревьев и проверять путь по Полярной звезде.

Вот он в очередной раз остановился, и в то же мгновение, когда замер звук его шага, позади он услышал хруст сломанной ветки. Окаемов замер — этот печальный, чуть слышный звук сказал ему все — его преследуют!

Сжав в кармане пиджака пистолет, Окаемов пошел дальше, весь обратившись в слух, — да, сзади шел человек... Да, шел человек, не очень умеющий бесшумно ходить по лесу. Как это он не заметил его раньше? Да, абсолютно точно — его преследует один человек.

За Окаемовым шел Гончаров.

Случилось так... Гончаров прошел до следующего поста за поворотом железной дороги, поговорил с дежурившим там сотрудником и пошел назад к станции, идя

теперь уже по самому краю леса. Когда, по его расчетам, до водокачки оставалось километра два, он остановился под старой елью и стал вслушиваться в тихий и ровный шум леса. И вдруг шагах в десяти от него из кустов к лесу метнулась черная тень, и затем в лесу послышался быстро удалявшийся шорох. Гончаров уже вынул пистолет, чтобы подать условный сигнал выстрелом, и тут же передумал: «Возьму сам». Гончаров осторожно стал углубляться в лес. Он теперь все время слышал шорох впереди, и его все сильнее охватывало жгучее ощущение близости врага и радостный трепет от мысли, что он его поймает.

По звукам поняв, что враг возится у своей базы, Гончаров решил атаковать его после того, как он возьмет свои вещи, которые должны стать неопровержимой уликой. Но его планы нарушило то, что, оставив базу, Окаемов пошел дальше, а не назад, и пошел очень быстро...

Окаемов продолжал идти, лихорадочно обдумывая план действий.

Решение принято. На ходу Окаемов вынул из потайного кармана листок бумаги с записью шифра, порвал его на мелкие клочки и разбросал — при любой ситуации это не должно попасть в чужие руки. Затем Окаемов резко повернулся и пошел навстречу своему преследователю.

Гончаров прижался к дереву. Окаемов шел прямо на него.

— Стой, стреляю! — крикнул Гончаров, совершенно не представляя себе, как он поступит в следующую секунду, и думая только о том, что он обязан взять врага живым.

— Что значит — стой? Кто это орет? В чем дело? — спокойно отозвался Окаемов, продолжая идти на Гончарова.

— Стой! — еще раз крикнул Гончаров.

В это мгновение Окаемов сделал несколько почти беззвучных выстрелов по голосу и услышал глухой стук упавшего тела.

Гончаров лежал ничком, выкинув вперед руку, сжимавшую пистолет...

Окаемов вышел к шоссе, когда ночь еще царствовала в притихшем бору. Аромат леса смешивался с горьким запахом разогретого за день гудрона. Черная лента шоссе была похожа на убегающую в лес реку. И снова Окаемому чудовищно повезло — он выбрался к шоссе метрах в пятистах левее поста, наблюдавшего за дорогой.

Не выходя на шоссе, Окаемов пошел вдоль него, в сторону города. Позади послышался нарастающий гул. Окаемов лег в кювет и стал ждать. Вдали в лесной чаще закачалось желтое пятно света; оно становилось все ярче, и наконец из-за поворота выплыли два глаза автомобильных фар. И тотчас машина остановилась, и возле нее заметались тени. Окаемов понял — машину остановил патруль. Да, это было так. Дежуривший там сотрудник придирчиво осмотрел весь грузовик, заглянул даже в железную бочку, катавшуюся по кузову. Проверив документы шофера, он отпустил машину, допустив при этом серьезную ошибку: он не сказал шоферу, что ищет человека, и шофер уехал, убежденный, что на дороге ищут какое-нибудь украденное добро.

По шоссе к Окаемому приближался грохочущий пустой бочкой грузовик. Когда машина была уже совсем близко, Окаемов увидел, что шофер в кабине один. Он быстро вышел на шоссе и поднял руку. Расчет его был смелый и рискованный: если в машине окажутся чекисты, он стреляет и снова уходит в бор; зато, если все сложится благополучно, он получает надежный и быстрый способ добраться до города. Это стоило риска...

— Опять проверка? — сердито крикнул шофер.

Окаемов, не отвечая, подошел к машине, открыл дверцу кабины и взобрался на сиденье рядом с шофером.

— Быстро... в город.

— В город — можно, а быстро — нельзя, — проворчал шофер, включая скорость. — Машина — утильстарье.

Проехав километров пять, шофер спросил:

— Чего ищете-то?

— Что надо, то и ищем. Болтай поменьше, лучше будет.

Молча они доехали до города.

— Куда вам надо?

— К Восточному вокзалу...

5

К трем часам ночи на ноги был поднят весь поселок Лесной.

Потапов переговорил по телефону с тремя соседними районами и потом позвонил в город полковнику Астангову:

— Что произошло, я еще не знаю. Час назад я послал связного на пост Гончарова, и связной его не нашел. След уходит в лес.

— Действуйте молниеносно! — приказал полковник. — Я выезжаю...

Собаки взяли след довольно скоро, но, углубляясь в лес, они вели себя все более неуверенно, метались из стороны в сторону, кружились на одном месте. Потапов понял: очевидно, в лесу два следа. Однако постепенно собаки вели людей все дальше и дальше в чащу бора.

...Павел Гончаров лежал навзничь — его перевернул Окаемов. По его мертвенно белому лицу ползали муравьи. Потапов прежде всего увидел этих муравьев и, опустившись на колени, смахнул их с лица друга. Потом он приподнял и аккуратно опустил на землю его тяжелую,

уже не сгибающуюся руку, приоткрыл веко над стеклянным глазом... И все еще не хотел поверить, что Гончаров мертв. Расстегнул ему рубашку, хотел послушать сердце и отшатнулся — на него черными глазками глянули две пулевые раны под левым соском.

К Потапову подошел милиционер:

— Товарищ майор, вот бумага какая-то...

Потапов, приняв на ладонь мелкие клочки бумаги, сразу понял, что это такое, и приказал двум сотрудникам произвести тщательный обыск места, где эти клочки были найдены.

К Потапову подбежал один из проводников:

— Товарищ майор, собаки взяли след, уверенно ведут к шоссе.

Потапов в последний раз посмотрел в мертвое лицо друга. Странное дело: то трагическое, непоправимое, что случилось — он потерял друга, — отмечало словно какое-то второе сознание, и оттого боль в сердце была глухой, неясной. Потапов медленно уходил от мертвого друга, в ту минуту не понимая, что непереносимая боль от постигшей его утраты еще придет к нему, но значительно позже, когда на могиле друга уже засохнут цветы и когда все происходящее сейчас уже превратится в папку с четырьмя буквами «Дело», поперек которой полковник Астангов размашисто напишет синим карандашом: «В архив»...

На шоссе уже стояли машины, примчавшиеся из города и из соседних районов. Потапов увидел полковника Астангова. Он сидел на краю кювета и, казалось, любовался картиной утреннего леса, прорезанного косыми лучами вставшего солнца. Потапов подошел к нему и сказал:

— Убит Гончаров!

— Погиб Гончаров!.. И он опять ушел, — произнес полковник.

В это время полковник наблюдал за собакой, которая, покружив на шоссе, стала рваться обратно в лес, не понимая, что она нашла тот самый след, который привел ее из лесу на шоссе.

— Успокойте собаку! — крикнул Астангов. Помолчав, он повернулся к Потапову: — Весь вопрос в том, куда он пошел: туда? — Он махнул рукой в сторону города. — Или туда?

— Я думаю, после того, что случилось, он не решится идти в город.

— Думаете? Эх, Потапов, Потапов! Вы понимаете, что, поставив нервничавшего и малоопытного Гончарова на самый ответственный участок наблюдения, вы помогли ему погибнуть? — сказав эти жестокие слова, от которых у Потапова потемнело в глазах, полковник Астангов встал и пошел от Потапова, но, сделав несколько шагов, повернулся и, почти подбежав к нему, заговорил быстро и страстно: — Да поймите меня, Гончаров! Сильный и хитрый зверь в минуту опасности идет на охотника, и эта минута одинаково опасна и для зверя и для охотника! Неужели вы этого не знали?..

Не замеченная полковником его оговорка с фамилией сказала Потапову все — Астангов тоже все это время думал о погибшем.

— Я почти уверен, — помолчав, уже спокойно продолжал Астангов, — что он уже в городе. Пост, дежуривший здесь на шоссе, докладывает, что ночью прошла только одна машина — грузовик из автобазы Сельхозснаба. Вот что: берите мою машину — и молнией в город. Найдите этот грузовик. В четырнадцать ноль-ноль долбжите результат. Я пока остаюсь здесь...

«Победа» мчалась в город на предельной скорости. Но если бы она даже оторвалась от земли и полетела, Потапов не заметил бы этого.

...Автобаза Сельхозснаба. Диспетчер спит на узкой

лавке, положив руку на телефон. Спросонья он долго не может понять, чего от него требуют.

— Ваши машины сегодня ночью работали? — повысив голос, точно говоря с глухим, в третий раз спрашивает у него Потапов.

— Ах, вон что! — понял наконец диспетчер. — Один Кисляков был в рейсе. В Савелово ездил. Вон его машина — у забора. Он ее чинит.

Потапов подошел к грузовику. Шофер сидел на подножке и удрученно смотрел на лежащий перед ним на газетном листе разобранный карбюратор.

— Что с карбюратором, товарищ Кисляков? — с деланой веселостью спросил Потапов, вглядываясь в землистое после бессонной ночи лицо шофера.

— Что, что! — досадливо сказал шофер, даже не посмотрев на спросившего. — Горючку дают — деготь, а потом спрашивают.

— Вы ездили в Савелово?

— Ну да, не в любимчиках числюсь — как в Савелово, так меня гонят.

— Ночью ехали через Черный бор?

Вот когда наконец шофер поднял глаза на Потапова:

— Ехал. А что?

— Вот что, товарищ Кисляков: я — из госбезопасности.

— Понимаю. Ваши меня еще на шоссе щупали. Только...

— Подождите, товарищ Кисляков... — Потапов сел рядом с ним на подножку грузовика. — Мы ловим опаснейшего преступника, врага нашей Родины. И у нас есть предположение, что он сегодня ночью в районе Черного бора воспользовался попутной машиной.

У шофера округлились глаза:

— Да что вы, ей-богу! Я вез вашего же человека, — не очень уверенно сказал он.

— Как — нашего. Кого?

— Что он мне документ, что ли, показывал? Приказал везти — я и вез.

— Хорошо, хорошо... — торопился Потапов. — Опишите, как выглядел этот человек?

Шофер начал рассказывать. Глаз у него оказался цепкий, и с каждой его фразой перед Потаповым все яснее возникал облик Окаимова.

— На этого похож? — Потапов показал шоферу фотографию.

— Он! Точная копия!

— Куда вы его отвезли?

— На Восточный вокзал. Прямо к подъезду доставил.

— Он пошел в здание вокзала?

— Еще при мне он подозвал носильщика и дал ему деньги купить билет.

— Куда?

— Не слышал. Я уже разворачивался.

— Что у него было с собой?

— Сверток. Видать, тяжелый и для него дорогой, — ни разу из рук не выпустил.

— Спасибо, товарищ Кисляков.

Отыскать на Восточном вокзале носильщика, который покупал Окаимову билет, было не так уж трудно. И вот Потапов уже знал, что билет был куплен в купированный вагон до города Борска, и что клиент отблагодарил носильщика не щедро, и что в руках у клиента был все тот же тяжелый сверток, который клиент нес сам.

— В управление, мигом! — крикнул Потапов, садясь в машину.

Шофер, уже давно привыкший к таким приказам, глянул на площадь и, вопреки всем правилам, пересек ее по прямой. Регулировщик уже поднес ко рту свисток, но увидел номер машины и поскорее перекрыл въезд на площадь.

Без двадцати два Потапов доложил обо всем полковнику Астангову.

— Почему в Борск? Почему в Борск? — нетерпеливо, точно подгоняя собственные мысли, повторял полковник. — Так... Поезд еще в пути. В Борске он будет через час сорок минут. Сейчас же свяжитесь с Борском, сообщите его приметы, пусть тщательно проверят весь поезд. Вокзал оцепить.

— Может, мне вылететь туда самолетом? Я еще успею.

— Не надо. Я не очень верю, что он доедет до Борска.

Позвонив по селектору в Борск и на все промежуточные станции, Потапов зашел в свой кабинет и устало присел за стол.

В открытые окна влетал шум улицы. Вот пролетел звучный сигнал пионерского горна. «Пионеры едут в лагерь». Потапов ясно представил себе мчащиеся по улице грузовики с веселой детворой и на передней машине — горнист с сияющей на солнце трубой. Он и сам когда-то ехал вот так же и по этой же улице и тоже трубил в горн, и милиционер на перекрестке, смеясь, отдавал ему честь. Неужели в его жизни действительно было это беспечное время? А сейчас... Сейчас где-то неподалеку находится неизвестный ему человек, о котором он знает только одно — он враг. Враг его личный, враг всей его жизни, враг всего, что входит в святое слово Родина. И тотчас будто дикий вихрь взметнул все пережитое им за последние сутки: перед глазами Потапова беспорядочно замелькали люди, пейзажи, белое лицо Гончарова...

Трижды тяжело нести горе одному, когда не только близким своим о горе том не расскажешь, когда даже полковнику не скажешь, что ты сейчас переживаешь. А Лена словно почуяла неладное. Полчаса назад Потапов позвонил ей, чтобы не ждала его ужинать.

— Хорошо,— ответила она спокойно и, помолчав, спросила: У тебя неприятности?

— Никаких. Просто очень сложное дело.

— Не расстраивайся, Николай. Ты же знаешь себя. И я тебя знаю. И твои товарищи знают. Ну, а неприятностей не бывает только у тех, кто ничего не делает.

— Да откуда ты взяла? Заладила — «неприятности, неприятности»! — Потапов не смог скрыть раздражения.

— Ладно, ладно! — засмеялась Лена.— Неприятностей нет. А ночевать ты придешь?

— Не знаю.

На том разговор и кончился...

Скрипнула дверь, и в кабинет вошел полковник Астангов. Он сел на диван и, будто продолжая прерванный разговор, сказал:

— ...И мы, Потапов, держим сейчас очень серьезный экзамен. Может, самый серьезный за последние годы. И дело у нас идет совсем не так, как в книжках и фильмах на эту тему. Пока поединок происходит с явным преимуществом на стороне врага. И это, несмотря на то, что мы его довольно быстро нащупали. Он совершил немало тактических ошибок, но и мы в долгу перед ним не остались. Вот Гончаров... Непростительная ошибка!..

— Но, может быть, у Гончарова не было возможности связаться с другими людьми и он вынужден был пойти за ним один?

— Я допускаю это, Потапов, хотя думаю, что произошло другое... Но мы с вами для размышления имеем простой факт — убит Гончаров, а он жив и сумел снова уйти.

Полковник Астангов встал, подошел к Потапову и положил руку на его плечо:

— Я знаю, Потапов, он был вашим другом. Я сам любил его...— Полковник резко отвернулся и прошел к столу.— Садитесь-ка. Давайте еще раз посмотрим ход

операции.— Положив перед собой лист бумаги, полковник взял карандаш.— Что у нас появилось нового? Мы нашли остатки его базы. Это заслуга Гончарова. Рацию он, конечно, забрал...— Полковник взял телефонную трубку и назвал номер: — Веселов? Астангов говорит. Предупредите контрольный радиопункт — сейчас в эфире должен появиться новый позывной. Понимаете? Наблюдение вести круглые сутки. Докладывать мне немедленно... Дальше, Потапов. Мы имеем наконец несколько клочков бумаги с записью его шифра.— Полковник стукнул ладонью по подлокотнику кресла: — Видите, какой он хитрый тип? Идя на столкновение с Гончаровым, он предусмотрел буквально все, успел даже уничтожить шифр. Если наши шифровальщики по этим клочкам прочтут хоть что-нибудь, им надо при жизни памятник поставить! Да... А в Борск я не верю! Не верю, и всё. Он же чувствует нас за своей спиной? Чувствует, сволочь! И понимает, что ему надо торопиться. А для этого ему нельзя уезжать от объекта так далеко. Нельзя! Вот же где логика его поведения... На всякий случай сделаем, Потапов, следующее: за сегодняшний вечер и ночь проверим в городе все вокзалы, гостиницы, бульвары, рестораны, пивнушки — словом, все места, где он может приютиться на ночь или хотя бы на часть ночи, чтобы не болтаться по улицам. Он, мерзавец, не спит, и мы с вами спать тоже не имеем права!

6

Окаемов сошел с поезда на глухом полустанке, который он помнил по своей довоенной работе — ездил сюда когда-то за строительным материалом.

Все службы полустанка помещались в снятом с колес товарном вагоне. Вдоль пути высились черные штабеля приготовленного к погрузке торфа. Сразу за полустанком

начиналось торфяное болото, заросшее густым ольшаником. Окаемов знал, что километра в трех болото пересекает шоссе, дорога. Именно тут он и решил соорудить свою новую оперативную базу.

Зайдя в чащу кустов, Окаемов присел на сухую мшистую купинку. Усталость мгновенно сковала его, страшно хотелось спать. Он торопливо сжевал плитку шоколада, содержащего сильное тоническое средство, и через несколько минут почувствовал нарастающее возбуждение: в голове зашумело, как после водки. Окаемов встал и пошел через кусты, выискивая место для базы.

...Примерно через час из кустов на шоссе, на дорогу вышел рослый мужчина в темно-синем костюме и брюках на выпуск. На руке он нес поношенный плащ-дождевик. Он осмотрелся и степенно направился по дороге к столбу с табличкой, где в ожидании автобуса стояли несколько человек.

— На автобус, товарищи?

— На автобус.

— Скоро он будет?

— Поди узнай. Это же стихия!.. Ха! Глядите — идет!

Старенький, запыленный автобус забрал пассажиров и, приседа на выбоинах, покати дальше — к городу.

Окаемов сел на переднее место и, положив плащ на колени, смотрел в окно. «Все идет отлично,— думал он.— Если они снова напали на мой след, они ринулись в Борск. Зачем, господа дорогие? Я же еду обратно — к вам. И поселюсь я под самым вашим носом. Где? Это вам и в голову не придет...»

В предвечерний час, когда сумерки уже засинили город, но свет на улицах еще не был зажжен, Окаемов вошел в вестибюль гостиницы «Центральная» и обратился к портье:

— Свободный номер имеется?

— Нет и не будет. Вон видите? — Лисья физиономия портье повернулась в сторону темного угла вестибюля, где в креслах дремали претенденты на номера.

— И нечего надеяться? — улыбаясь, спросил Окаемов.

— Пожалуйста, это ваше право, — равнодушно обронил портье, сунув лисью физиономию в толстенную регистраторскую книгу.

— Но если я смогу надеяться, — тихо сказал Окаемов, — сможете надеяться и вы. Давайте надеяться вместе. А?

— Оставьте ваши документы! — сурово приказал портье.

Окаемов положил на конторку свой паспорт.

— И сядьте вон там. — Портье показал на одинокое кресло, стоявшее у самого входа.

Портье открыл паспорт Окаевова — всю его первую страницу закрывала сложенная пополам сторублевка. Портье сдвинул ее ровно настолько, чтобы прочесть фамилию владельца паспорта, и крикнул:

— Филатов по броне министерства здесь?

— Я Филатов... — Окаемов подошел к конторке.

— Что же вы не сказали, что по броне? Заполните анкетку.

«Филатов, Иван Ильич, год рождения 1910-й, — писал Окаемов. — Уроженец города Демидова, Смоленской области. Место работы — агент по снабжению Ярославского шинного завода. Срок пребывания — пять дней...»

...Окаемов принял ванну и лег в постель. Шоколад еще действовал, и спать ему не хотелось. «Ну что ж, мистер агент по снабжению, давайте побеседуем на досуге... Подведем итог. Он пока невелик: одной ищейкой стало меньше. Это, конечно, хорошо, но не за этим мы сюда ехали. Не за этим. И хотя все у нас идет довольно гладко, мы обязаны признать, что еще ни на шаг не приблизились к главному. Правда, первое знакомство с объектом со-

стоялось. Но и это оказалось весьма опасным делом. Что-то, мистер агент по снабжению, мы думаем с вами не так, как следует. Уж не боимся ли мы? Нам же в первую очередь нужно думать о Вольском. Да, пора идти в атаку. Игру теперь можно выиграть только быстротой и точностью действий. Но для этого нужно знать, что за спиной у тебя все спокойно... Да, нужно устраиваться на работу. Легализовать свое существование, и тогда прощайте, господа чекисты. Ищите ветра в поле! Так и решаем. Прежде всего малость здесь отлежимся. Разве не мог агент по снабжению схватить грипп на своей беспокойной работе? За это время вырастет у нас спасительная бородавка. А затем мы пускаем в ход документы номер третий — шофер второго класса Сергей Михайлович Гудков ищет работу! Точка. Можно спать...»

Когда Окаемов забылся непрочным, тревожным сном, в гостиницу «Центральная» зашел Потапов. Портье, узнав, с кем он имеет дело, вился вьюном, и его лисья физиономия вытянулась еще больше.

— Что вы, что вы? — лепетал он пересохшими губами. — Уже второй день у нас нет ни одного свободного номера. Видите, где спят люди?

Потапов попросил зажечь свет и внимательно всмотрелся в лица бездомных командированных.

Нет, нет, Окаемов мог спать спокойно: его сон оберегал мерзавец с лисьей физиономией.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Агент по снабжению Ярославского шинного завода проболел целую неделю, не выходя из номера. Наконец наступило утро, когда он выздоровел и решил выйти погулять.

— Как наше здоровьичко? — встретил его дежуривший в это утро портье с лисьей физиономией. — О, да вы и бородой у нас обзавелись.

— Пока ваялся, выросла, окаянная, — смеялся Окаемов. — Вот иду бриться. Можно мне получить свой паспорт? И вот вам еще за три дня за номер. Сдачи не надо.

— Пожалуйста. — Портье отдал Окаемому паспорт и шепотом сказал: — Я его в прописочку не сдавал. Чтобы шума не вышло. В ту ночь, как вы приехали, мне звонили из милиции: просили номер для их человека, а я отказал — сказал, что нет свободных номеров. И вдруг... прописочка. Понимаете? — Маленькие глазки портье смотрели на Окаемова лукаво и доверительно.

— Мне все равно, — усмехнулся Окаемов. — Вам так удобнее? И хорошо. Если меня будут спрашивать, я вернусь часа через два. Пока...

Портье проводил Окаемова до дверей, не догадываясь, что своего приятного во всех отношениях постояльца он видит последний раз. Впрочем, дальнейшее исчезновение агента по снабжению нимало не смутило портье, он попросту не внес в кассу деньги, оставленные Окаевым за номер, и проникся к нему еще большим уважением...

Вокруг Окаемова шумело деловое утро большого города. Рассыпая трели звонков, катились переполненные трамваи. На перекрестках, пугая торопливую толпу пешеходов, рычали могучие грузовики. Над улицей величаво разворачивалась стрела подъемного крана, и люди с уважением посматривали, как целая пачка бетонных плит легко взлетела на высокие леса стройки. А еще выше, подцепив на кончики крыльев солнечные блики, делал круг над городом пассажирский самолет. Окаемов видел всё это не так, как другие. Проходя перед радиатором могучего грузовика, он запоминал его марку и прикидывал тоннаж. На заборе новостройки он прочитал плакат: «Закончим кладку стен к первому июля! Окинув стройку

понимающим взглядом инженера-строителя, он отметил: «Строители явно торопятся, надо будет выяснить, что это за стройка?» Всё, что бы он ни увидел, представляло для него интерес только как строчка в будущих его донесениях центру. Единственное, что в это утро интересовало Окаемова лично, были витрины с объявлениями о найме рабочей силы. Таких витрин было много, и все объявления на них начинались строгим словом «ТРЕБУЕТСЯ»... Требуются инженеры, техники и рабочие. Требуются водопроводчики. Требуются переводчики с английского языка. Требуются опытные педагоги... Город требовал, звал к себе работающих, полезных людей.

И вот Окаемов нашел объявление, какое он искал:

«Государственному театру оперы и балета требуется опытный шофер на грузовую машину «ЗИС-150».

Вскоре Окаемов стоял перед окошечком отдела кадров театра:

— Я читал ваше объявление о шофёре. А может, вам нужен механик?

Девушка за окошечком сердито посмотрела на Окаемова:

— Нам нужен шофер.

— Жаль,— печально произнес Окаемов, не торопясь уходить.

Там, за окошечком, к девушке подошел работник отдела кадров:

— Подождите, вы — механик?

— Вообще-то я шофер второго класса,— будто нехотя ответил Окаемов. — А только последнее время я больше работал механиком. И зарплата больше и мотни меньше.

— Ну, а если мы договоримся так: зачислим вас шофером, месяца два вы поездите, а потом у нас назревает одна комбинация, и мы переведем вас на должность механика. А сейчас мы дадим вам общежитие.

- Без обмана?
- Зачем же обманывать? Согласны?
- Попробуем!
- У вас документы с собой?
- С собой.
- Тогда заходите вот в ту дверь.

Вечером загородное общежитие рабочих оперного театра принимало в свою семью нового жильца — шофера Сергея Михайловича Гудкова. Впрочем, прием этот не был ни торжественным, ни многолюдным: большинство обитателей барака в это время находилось на работе. Бумажку о предоставлении места в общежитии Окаемов, за отсутствием другого начальства, предъявил председателю санитарно-бытовой комиссии Коле Боркову, ученику портняжной мастерской театра. Разбитой паренек с косыми глазами боком посмотрел на бумажку и на Окаева:

- Новый шофер, значит?
- Шофер.

— Ну и ладно. Пошли... — Борков повел Окаева к его койке. — Это будет твое, значит, место. Белье надо менять не реже одного раза в неделю. Стирка белья идет собственноручно в моечной, что в конце барака. А если денег, значит, не жаль, можно отдавать Марусе из женского барака. Обживайся...

Окаев присел на жесткую койку и осмотрелся. Шеренга коек тянулась через весь барак. На соседней койке, накрывшись с головой, спал длинный человек, его босые пишковатые ноги торчали в проходе. И он так трескуче храпел, что могло показаться, будто он под одеялом заводил мотоцикл. Окаев с ужасом представил себе, как на всех этих кроватях будут храпеть люди, и лицо его скривилось в безразличной гримасе.

С помощью Коли Боркова он раздобыл бритву, осколок зеркала, кипятилок и занялся приведением в порядок своей бородки. Коля стоял за его спиной и, избочась, косым глазом смотрел, как Окаемов брился.

— Неужто бороду не срезаете? — удивился он.

— Борода красит мужчину, — отозвался Окаемов.

— Скажете тоже, — усмехнулся Коля Борков. — Только пыль в ней собирается. У нас во всей деревне один поп бороду носил, и всегда у него в бороде шелуха от семечек болталась.

— Может, ты займешься каким делом? — спросил Окаемов, сузив глаза и в осколок зеркала смотря на Колю.

— Мне на работу к девяти утра, — не понял Коля Борков.

— Шел бы тогда спать, что ли?

— Я раньше одиннадцати не ложусь. Вот, значит, последние известия прослушаю, и тогда будьте здоровы.

Окаемов замолчал, злясь все больше. Коля Борков не уходил. В это время в дальнем, темном углу барака запиликала гармошка. Было видно, что гармонист только начинал осваивать инструмент. Он все время выводил один и тот же кусок мотива из песни «Давай закурим, товарищ, по одной». Гармонист никак не мог подобрать к этой мелодии басовый аккомпанемент и оглашал барак дикими звуками.

— От няяривает Петька! — восхищенно сказал Коля Борков. — В один месяц научился. Его только в праздники гармонью премировали. Правда, хорошо, когда музыка?

— Хорошо, когда хорошая! — злобно сказал Окаемов.

— Так он же еще тренируется, — вступился за гармониста Коля Борков. — С него и спрос малый.

— Мог бы тренироваться в другом месте! — Окаемов встал и ушел в умывальную комнату.

Коля Борков удивленно посмотрел ему вслед, пожал плечами и направился к гармонисту.

Умывшись, Окаемов быстро разделся и лег в постель. Гармонист продолжал подбирать басовый аккомпанемент.

«Будь ты проклят вместе со своим баяном! — с яростью подумал под одеялом Окаемов и постарался отвлечься от терзавшей его музыки раздумьем о своих делах. — Ну что ж, переход в новое состояние совершился более чем удачно. И если косому идиоту и его братип нравится, как тренируется гармонист, эта какофония должна нравиться и мне. Чудесная музыка! Мистер Барч, смогли бы вы спокойно слушать этого гармониста?.. Итак, завтра в восемь утра новый шофер оперного театра приступит к работе. Я не завидую вам, господа чекисты. Вам ведь уже казалось, что вы загнали меня в угол, а я взял и исчез. Меня больше нет. Я только что был, и меня не стало. И найти меня невозможно. Я стал, как вы выражаетесь, членом коллектива, а это означает, что я стал невидимкой. Вы разве умеете видеть сквозь толщу обступивших меня людей? Эти люди спрятали меня. Они охраняют меня. Чтобы вы не могли подслушать даже мои мысли, сейчас рядом со мной храпит на весь барак неизвестный мне верзила. И пока вы, господа чекисты, будете ломать голову над задачей, которую я вам задал, я начну действовать...»

2

Здание института, которым руководил Вольский, стояло напротив бульвара. Окаемов открыл это здание, проехав на грузовике театра вслед за знакомым ему «ЗИМом» профессора.

День уже шел навстречу вечеру. Тень от деревьев бульвара прикрыла всю улицу и начала мохнатой полосой подниматься на стену института. Сотрудник госбезо-

пасности Кудрявцев, который с утра вел наблюдение за подъездом института, то и дело посматривал на часы — скоро его должен был сменить другой сотрудник. Со стороны Кудрявцев был похож на фланирующего по бульвару молодого модника. Он то исчезал в толпе прохожих, то снова появлялся. То он стоял на углу перекрестка и будто ждал на свидание девушку, а то, развернув перед собой газетный лист, сидел на бульварной скамейке. Он разговаривал о жизни с продавщицей мороженого и помог слепому перейти улицу. Он изучал плакаты на афишной тумбе и кормил хлебом голубей на лужайке. Он наводил блеск на ботинки у уличного чистильщика и любовался игрой детворы на куче песка. И никому невдомек было, что этот праздно убивающий время молодой человек, чем бы он ни занимался, каждую минуту находился в напряжении и не спускал глаз с подъезда института.

Вот пожилая женщина с кошелкой остановилась у дверей института и рассматривает номер дома. Кудрявцев торопит чистильщика: ботинки и так горят, как солнце. Женщина вошла в институт. Кудрявцев уже стоит возле института и читает вывешенную на стене газету. Женщина вышла на улицу, снова посмотрела на номер дома и, ворча что-то под нос, пошла в сторону площади. Кудрявцев идет за женщиной. На углу площади стоит плохо одетый парень в сандалиях на босу ногу. Кудрявцев останавливается рядом с ним: «Видишь женщину с кошелкой? Посмотри». Парень в сандалиях идет за женщиной, а Кудрявцев быстро возвращается к институту. Через час к нему подходит парень в сандалиях: «Женщина заходила в райсобес. Ругалась насчет пенсии. Она спустила номер дома и по ошибке зашла в институт. Живет на Казарменной улице, дом семь, квартира одиннадцать».

И снова Кудрявцев маячит возле института...

Грузовик, везший театральные декорации, еще на перекрестке начал судорожно дергаться, оглушительно стрелять, явно намереваясь остановиться. Рывками он проехал перекресток и прижался к кромке бульвара напротив института. Кудрявцев тотчас покинул свое место на скамейке среди нянек и прошел мимо грузовика, водитель которого, чертыхаясь, открывал капот мотора. Кудрявцев подошел к стоявшему на перекрестке регулировщику движения, показал ему свое удостоверение и попросил его выяснить, что случилось с грузовиком.

Когда милиционер подошел к остановившейся машине, Окаемов, отвинтив бензопровод, продувал его ртом. Милиционер вежливо спросил о причинах остановки.

— Ты бы поездил на такой машине! — закричал Окаемов на всю улицу. — Не видишь, что ли? Подача отказала! Или ты думаешь, что я глотаю бензин ради удовольствия?

— Вы не кричите, — спокойно сказал милиционер, — а поскорее исправляйте и уезжайте. Здесь нельзя стоять. Видите знак?

— Не беспокойся, я почевать здесь не собираюсь! — крикнул Окаемов, по пояс забравшись под капот.

Теперь к грузовику подошел Кудрявцев. Он невольно улыбнулся, увидев стоящий в кузове машины золоченый царский трон.

В это время из дверей института хлынул поток людей. Окаемов посмотрел на свои ручные часы: «Так... работа у них кончается, как везде, в шесть. Прекрасно. Сколько сотрудников?.. Примерно сотня... Нет, пожалуй, побольше. Ну что ж, теперь можно и ехать». Окаемов вылез из-под капота и оглянулся — перед ним стоял Кудрявцев, который, улыбаясь, смотрел на пзмазанную мазутом физиономию шофера. Кудрявцев заметил, что шофер вздрогнул.

— Чего пугаешься? Я — не милция... — Надоело Кудрявцеву молча мотаться, захотелось поболтать с шофером. — Застопорило?

— Третий раз за день! — Окаемов плюнул в мотор и с грохотом опустил капот. — Машине давно пора в капиталку, а начальству, что говори, что не говори, выезжай, и всё. — Окаемов влез на сиденье и нажал стартер — мотор не завелся. — Вот чертово проклятье!

— Ты зажигание не включил! — засмеялся Кудрявцев.

— Гляди! Верно! — Окаемов постучал себя пальцем по лбу: — Зарапортовался.

Теперь машина завелась сразу. Подмигнув Кудрявцеву, Окаемов включил первую скорость.

— Какому царю трон везешь? — вслед ему крикнул Кудрявцев.

— Оперному! — приглушенно донеслось в ответ.

Кудрявцев направился к перекрестку. Там уже виднелась знакомая фигура сменщика. Кудрявцев прошел мимо него. На мгновение они встретились взглядами, и это означало: «Пост сдал» — «Пост принял»...

«А вдруг этот парень от них? — думал Окаемов, ведя машину к театру. — Все может быть. Какого черта он торчал, будто ему делать больше нечего, как глазеть на грузовик? Да, вполне возможно, что он — от них. Ну что ж, запомним: лет ему двадцать пять — двадцать семь, блондин, глаза светло-серые. Очень мило смеется. Запомним. В хозяйстве все пригодится. И если он — от них, в этом нет ничего удивительного. Конечно же, они институт охраняют...»

Когда во дворе театра рабочие сгружали царский трон, Окаемов снова вспомнил о сероглазом парне: «Он заметил трон, и я, как дурак, ответил, что это трон царя оперного... Вот это промах...» Об этом же Окаемов тревожно думал и когда в электричке ехал в общежитие:

«Может, стоит, пока не поздно, перейти в другое автохозяйство? Нет, не надо: театр для меня — идеальное место. И нельзя шарахаться от каждого встречного. Парень был одет для них слишком элегантно. Наверно, ждал там девуцу, и все. Одно ясно — надо быть осторожнее...»

В бараке было душно, как в бане. Табачный дым недвижимой сизой тучей висел под потолком. Сегодня спектакля не было, и в бараке находились почти все жильцы. В проходе, сидя на корточках вокруг деревянного сундучка, резались в «козла» рабочие сцены. Они так ожесточенно били костяшками, точно задались целью расколоть сундучок. На двух сдвинутых кроватях разместились картежники. Их окружала толпа болельщиков. Гармонист, наладивший наконец басовый аккомпанемент, играл «Давай закурим, товарищ, по одной», и одну эту фразу без конца подпевал весь барак.

На правах старого знакомого на койку к Окаемому подсел Коля Борков:

— Как дела, водитель?

— Дела как дела... — недовольно ответил Окаемов. — А тебе-то что?

— Меня свое кровное, значит, интересует: ты из Дома культуры только декорации привез или захватил и реквизит?

— Не знаю. Что погрузили, то и привез.

— Как это так? — удивился Коля Борков. — Ты ж не частник — в театре работаешь. Ведь тогда за реквизитом придется еще раз ехать.

— Скажут — съезжу, подумаешь событие!

— Бензин-то государственный, не твой...

Окаемова взорвало:

— Да ты что — с ума спятил? Три литра бензина! При чем тут государство? Языком ворочать за эти три литра и то стыдно!

Коля Борков встал, косыми своими глазами удивленно посмотрел на Окаимова и, ничего не сказав, пошел прочь.

3

Проходили дни за днями, не принося ничего нового, и в эти дни Потапов находился в гораздо большем напряжении, чем в те, когда что-нибудь происходило. Он думал об Окаимове с первой минуты утреннего пробуждения и до поздней ночи, когда его мозг обволакивал дымок тревожного сна. Часто Окаимов врывается и в сны, и тогда наступало мучительное пробуждение среди ночи с мыслью о только что совершенной непростительной ошибке, и хотя тут же видения сна отделялись от событий реальных, заснуть уже было невозможно... В эти дни Потапов ночевал в городе. Его жена знала, что в таком состоянии ему лучше быть одному, и приезжала в город, когда он находился в управлении, готовила ему ужин и завтрак и, оставив записку, уезжала на дачу. Их сынишка лежал в постели, врачи опасались, что у него воспаление легких, но и об этом Потапов не знал. «На даче все хорошо», — писала ему жена и мчалась в поликлинику за врачом.

Ранним утром Потапов выходил из дому и через весь город медленно шел на работу, досадуя на беззаботную уличную суету: как могут люди шутить, смеяться, болтать о всяких пустяках, когда где-то среди них прячется враг?.. Сотрудники, наблюдавшие за институтом Вольского, привыкли, что в половине девятого мимо института проходит майор Потапов, и, думая, что он проверяет их работу, старались не попадаться ему на глаза — ведь работа наблюдателя тогда хороша, когда сам он не виден.

Полковник Астангов в эти дни жил в еще большем напряжении, чем Потапов, хотя внешне это никак не

проявлялось. Потапов мучился делами только своей оперативной группы, а полковник непрерывно думал о действиях всех пяти оперативных групп, а это значило, что он отвечал за охрану от возможной диверсии пяти важнейших объектов. Только будучи более опытным работником, чем Потапов, полковник Астангов умел мешающее работе напряженно рассеивать при помощи спокойного анализа обстановки. Показания шофера автобазы Сельхозснаба подтвердили версию полковника. Одно это значительно упростило поиск. Наконец полковник твердо знал, что теперь Окаемов скрывается в каком-то коллективе советских людей, которые не могут не помочь в поиске. Сейчас его больше всего тревожила мысль, что Окаемов мог отказаться от атаки на институт Вольского и выбрать себе новую цель. Поэтому, целиком полагаясь на Потапова в отношении института Вольского, полковник Астангов придирчиво наблюдал за работой остальных оперативных групп.

Кудрявцев обстоятельно докладывал Потапову результаты наблюдения за институтом и немножко обижался, что майор слушает его невнимательно, — он же не виноват, что уже столько дней наблюдение ничего не дает.

— Ясно, ясно, дальше... — торопил его Потапов.

— Ну, в общем, она ошиблась: ей нужен был дом номер тридцать шесть, а она зашла в институт — номер двадцать шесть.

— Ясно, ясно. Что еще?

— Напротив института останавливался грузовик. Мотор испортился.

— Время? — отрывисто спросил Потапов.

— Я могу на этом и закончить, — обиделся Кудрявцев.

— Я спрашиваю, в какое время останавливался грузовик?

— В шесть.

— Мотор действительно не работал?

— Да. Водитель прочищал бензосистему. Я сперва орудовца попросил проверить. Он подтвердил.

— Номер машины записали?

— Нет. Я думал...

— Что вы думали, это неинтересно. Номер нужно было записать.

— Допустил оплошность,— тихо произнес Кудрявцев.

— У вас всё?

— Всё.

— Спасибо.

Потапов рассеянно смотрел на закрывшуюся за Кудрявцевым дверь, припоминая, какая деталь в сообщении наблюдателя слегка задела его сознание.

Зазвонил телефон. Потапов схватил телефонную трубку и услышал неожиданно веселый голос полковника Астангова:

— Чем вы заняты?

— Думаю, товарищ полковник,— быстро ответил Потапов.

— Что говорить, занятие полезное,— смеялся полковник.— Может, вы зайдете ко мне, и мы подумаем вместе?

— Иду.

Все последние дни полковник Астангов был молчалив и неприветлив, разговаривал сдержанно, словно нехотя. А сейчас Потапов увидел его в прекрасном настроении, он шутил, смеялся. «Неужели что-нибудь прояснилось?» — волнуясь, подумал Потапов и ждал, когда полковник скажет об этом.

— Ну, Потапов, нам остается сознаться,— все еще смеясь, сказал полковник: — рыбаки мы с вами никудашные. Окаемов-то оказался поумнее нас и нашел себе такую заводь, о которой мы и понятия не имеем.

Потапов молчал, он еще ждал тех, радостных сообщений.

Полковника Астангова беспокоило, что последнее время Потапов стал заметно нервничать, и боялся, что в таком состоянии он может допустить какую-нибудь оплошность. Астангов понимал, что это результат усталости от напряжения и потери друга.

Взглянув на молчащего Потапова, полковник продолжал:

— В эфире Окамова нет, значит, рацию свою он пока законсервировал. А это, в свою очередь, означает, что нырнул он надолго, рассчитывая как следует вращать в жизнь и стать для нас совершенно невидимым.

— Может, стоит проверить по всем учреждениям и предприятиям, кто в эти дни взят на работу? — предложил Потапов.

— Да что вы, Потапов! — Полковник засмеялся. — Вы, я вижу, обрадовались — решили, что он в своей заводи будет сидеть год-два? На предлагаемую вами проверку надо минимум два месяца. Не можем, Потапов. Он начнет действовать раньше. А мы в это время изобретем себе десяток ложных путей и погонимся за ненужными нам людьми.

— А что же предлагаете вы? — почти с вызовом спросил Потапов.

— Вам лично я предлагаю сейчас же ехать на дачу за женой и идти в театр. Вот билеты...

Потапов, удивленно смотря на полковника, машинально взял билеты:

— Вы что, шутите?

— Отнюдь, Потапов, — сухо ответил полковник. — Посажайте за женой. Она предупреждена и ждет вас.

Потапов молча положил на стол билеты. Лицо полковника стало строгим. Он встал:

— Мы с вами устали, Потапов. И это становится нашим серьезным недостатком. Мы нервничаем, не имея

на эту роскошь пикакого права. В общем, надо отдохнуть, Потапов. Поезжайте на дачу. Завтра в это же время встречаемся здесь. Все. До свидания.

Потапов встал и направился к дверям.

— Билеты, Потапов! Вы что, хотите, чтобы ваша жена считала меня обманщиком?..

Жена Потапова, когда ей позвонил полковник Астангов, в первую минуту испугалась — не случилось ли что с Николаем... Но дальше последовало еще более неожиданное и необъяснимое — полковник тоном приказа сказал, что она и Потапов сегодня идут в театр.

— В какой театр? — изумилась Лена.

— В какой? — переспросил полковник и захохотал. — Честное слово, не знаю. Я приказал добыть два билета в лучший театр. Но билеты еще не получил. Я отдам их Потапову. В общем, приготовьтесь. Форма одежды — театральная.

Но Лена слишком хорошо знала своего мужа, чтобы встретить его уже в театральном платье. Она все приготовила, но встречать его вышла в своем обычном летнем халатике.

— Ты знаешь... — растерянно сказал Потапов, — нам надо ехать в театр.

— В театр? — искусно удивилась Лена.

— Да. Вот билеты.

— Ой, Коленька, в оперу, как хорошо! Я оденусь мигом. А ты садись кушай. Я сейчас!

— А кто же будет с Витькой? — спросил Потапов, когда жена вернулась уже в длинном платье.

— Я отвела его к Горюновым. Он там и спать будет. Потапов рассмеялся.

— Чего ты смеешься?

— Как ты здорово разыграла удивление по поводу того, что мы едем в театр... Ладно — поехали.

...Шло уже второе действие оперы, а Потапов никак не

мог уловить, что происходит там, на сцене. Отдельно он слышал музыку — она то тревожила, то успокаивала. И отдельно — разрозненно и туманно — он видел, как на сцене какие-то старомодные люди ходили, пели, смеялись, ссорились... И вдруг в какую-то минуту он ясно увидел все — покосившуюся мельницу в снежной шапке, дальний лес, а вблизи на вытоптанном снегу стоят два человека, целясь друг в друга из пистолетов. Мгновенно это увиденное слилось с другим — лежащий у дерева Гончаров, его белое-белое лицо, по которому ползают муравьи... Потапов непроизвольно сжал руку жены.

— Да, он спел замечательно, — шепнула она.

В это время в оркестре нарастала тревожная музыка, она ширилась, взлетала все выше и выше и вдруг оборвалась страшным ударом выстрела.

Потапов вздрогнул. Один из стоящих в снегу упал, и тотчас занавес закрыл сцену. Потапов удивленно оглядывался на восторженно кричащий зал.

— Какой волшебный голос у Ленского. Верно? — спросила Лена.

— Да. Здорово... — рассеянно отозвался Потапов.

— Пойдем погуляем?

— Давай лучше посидим, — механически пропзнес Потапов, смотря в какую-то точку на еще трепетавшем занавесе.

И Лена покорно осталась сидеть. Она терпеливо молчала, потому что знала — Николай сейчас думает о своем, и то, о чем он думает, весьма далеко от этого зала...

Окаемов впервые смотрел спектакль в своем театре. Оперу он никогда не любил — ему просто захотелось попозже приехать в общежитие. Билетерша посадила его на свободное место в боковой ложе.

— Отсюда очень хорошо видно, — сказала она. — «Евгений Онегин» — наш лучший спектакль, и сегодня

поет Соколов. Вам повезло, получите большое удовольствие...

Но никакого удовольствия Окаемов не получил. Наоборот, как только зазвучала задумчивая мелодия увертюры, Окаемов начал испытывать странное ощущение, понять которое он не мог. В этом чувстве необъяснимо сливались раздражение и страх. Когда открылся занавес, и со сцены хлынула веселая и в то же время грустная песня крестьян, и лица зрителей в зале от этой песни будто просветлели, Окаемова передернул озноб. Он оглянулся на сидевшего позади него седого человека, и тот, согласно кивнув головой, восторженно прошептал:

— Какая музыка!..

Окаемов понял, что его раздражает: он просто не мог примириться с тем, что в этой стране может быть что-либо хорошее, — нет и не может, не должно быть! Но он не понимал, отчего ему страшно. Между тем природа этого страха была простой — в музыке Чайковского звучало само бессмертие народа, против которого Окаемов боролся, считая себя в этой борьбе большой и грозной силой, а музыка говорила ему о его ничтожестве и бессилии, но как раз этого он и не понимал.

В антрактах билетерша встречала Окаемова у дверей ложи неизменным вопросом:

— Ну, что скажете?

— Здорово, здорово!.. — сердито отвечал он и торопился поскорей отделаться от восторженной старушки.

Окаемов давно мог уйти из театра, но решил, что это будет неосторожно — попробуй потом объясни косому Коле Боркову, почему он не досмотрел прекрасный спектакль.

Когда опера кончилась, Окаемов вышел из театра и остановился возле колонны, наблюдая разъезд публики. Страх продолжался и здесь — будто все эти выходящие из театра люди уносили с собой то, что страшило Окае-

мова там, в зрительном зале. Окаемов вглядывался в лица проходивших мимо него людей. Это были самые разные лица — веселые и задумчивые, молодые и старые, но во всех лицах было что-то общее — неуловимое и снова пугающее.

Но вот Окаемов увидел мрачное лицо молодого мужчины, выходящего из театра под руку с красивой женщиной. Этот человек шел, опустив голову, будто он больше всего на свете боялся оступиться.

Окаемов проводил взглядом эту пару, пока она не скрылась за углом театра... Разве могло прийти в голову Окаемову, что этот мужчина с мрачным лицом — тот самый человек, который думает о нем — Окаемове — днем и ночью, который думал о нем и в ту минуту, когда выходил из театра.

Да, это был Потапов...

4

Совершенно неожиданно в театре на пятницу назначили производственное совещание технического персонала.

— Тебе надо быть обязательно, — предупредил Окаемова Коля Борков.

И в том, как он это сказал, Окаемов почувствовал недоброе.

— А если не приду — расстрел? — невесело улыбнулся он.

— Зачем — расстрел? А быть надо — и всё тут. — Коля Борков метнул на Окаемова косым глазом и отошел.

«Черт бы вас утопил вместе с вашими совещаниями!» — злобно подумал Окаемов. Это совещание могло нарушить продуманный им на этот день план действий.

На совещании речь шла об уменьшении расходов на постановочные работы. Старик-плотник на чем свет стоит ругал двух молодых рабочих, которые не берегут «брусок и пилят его напропалую». Заведующий постановочной частью обвинял рабочих сцены в том, что они «халтурно скатывают задники», отчего те после двух спектаклей «превращаются в мятые тряпки».

Окасов, забившись в угол, слушал все это, подавляя закипавшее в нем раздражение.

Вдруг он с досадой и удивлением обнаружил, что нервы его никуда не годятся. В чем дело? Как он бывал спокоен, находясь в других странах и в гораздо более опасных обстоятельствах, а здесь с ним еще ничего особенного не случилось, а нервы уже напряжены до предела. Так недолго и сорваться...

Совещание проходило за кулисами театра, в красном уголке, со стен которого на участников совещания смотрели некогда знаменитые женоподобные тенора, красавцы-баритоны, мрачные басы и тучные колоратурные сопрано. Окасов смотрел на застывшие лица оперных корифеев и, чтобы отвлечься от происходящего, придумывал им характеры и привычки. «Этот был добряк и больше всего на свете любил выпить», — думал он о басы. В это время слово взял Коля Борков, и Окасов услышал слова, заставившие его замереть...

— Я хочу говорить о странной политике нашего нового шофера, Сергея Гудкова...

Все участники совещания смотрели на Окасова, а он впился взглядом в оратора.

— Для всех нас, — продолжал Коля Борков, — дорога каждая государственная копейка, раз она, значит, государственная. А давеча вот что вышло: Гудкова послали за нашим имуществом во Дворец культуры, где у нас был выездной спектакль. Надо было привезти декорации и реквизит. Наш прежний шофер Савелий бывало сам все

посмотрит, не забыли ли что, а потом уж везет. А тут я спрашиваю Гудкова: «Реквизит привез?» — «Не знаю», — отвечает. Тогда я ему говорю... — Коля Борков точно рассказал о своем разговоре с новым шофером и закончил речь так: — Первый раз за всю мою жизнь я вижу такую политику! И пусть товарищ Гудков разъяснит нам: что это за политика?

Коля Борков сел и боком уставился на Окаемова. Председатель сказал:

— Давай, Гудков, отвечай: было у тебя такое заявление?

Окаемова душила ярость. Он боялся встать, ему казалось, если он поднимется, он бросится с кулаками на всех этих ненавистных ему людей. С огромным трудом взял он себя в руки, медленно встал и с ужасом обнаружил, что... не знает, что надо говорить.

— Ну, давай, давай, Гудков, — добродушно поторавливал председатель.

— Не было этого! Борков врёт! — выкрикнул Окаемов, подчиняясь первому толчку мысли: надо все отрицать.

Лицо Коли Боркова побагровело, он вскочил:

— Тут все знают, что Борков не врёт! Никогда не врёт!

— А было, Гудков, так чего запыряться? — миролюбиво усовещевал Окаемова председатель. — Было, но больше не будет. Так и скажи...

Окаемов обвел комнату пустыми глазами. Он знал, что ему делать, когда в Лондоне его прижала к стене английская контрразведка. В Кракове он сумел выпутаться из положения, которое казалось безнадежным. А вот как поступить здесь, он не знал. Речь шла о трех литрах бензина, а он ничего не понимал, будто разговор шел на неизвестном ему языке, когда эти три литра пменовались какими-то совершенно неизвестными ему словами.

— Ты, Гудков, не бойся. Скажи честно, — поддерживал Окаемов председатель: — так, мол, и так — было, но теперь ты понял, как надо работать...

— Я теперь понял... как надо работать, — механически повторил Окаемов и добавил еще слова, неожиданно всплывшие из давнего времени: — Я признаю свою ошибку...

— Значит, Борков не врет?.. — победоносно крикнул Коля.

— Да, было... — Окаемов сел.

— Нельзя же так, товарищ Гудков! — крикнул Коля Борков. — Ты будто с Луны упал...

Все засмеялись, и, может, этот смех и спас Окамова — люди всласть посмеялись над «упавшим с Луны человеком» и больше о нем думать уже не хотели.

— Как там на Луне — бензин даром идет? — подтолкнул Окамова локтем старик-плотник.

— Даром. — Окаемов улыбнулся.

В это время уже выступала девушка-уборщица. Поглядывая смешливыми глазами на плотника, она притворно удивлялась: откуда это столько гвоздей берется в мусоре, когда она подметает сцену? «За неделю целое кило наметаю!..»

Совещание окончилось в четыре часа. У выхода из театра Окаемов столкнулся с Колей Борковым, который пропустил его мимо себя, провожая внимательным косым взглядом. Окаемов съежился от этого взгляда, когда казалось, что человек смотрит куда-то в сторону, а видит его — Окамова.

Накрапывал дождь. Окаемов перебежал через улицу и вошел в кафе.

Ему нужно было переждать почти два часа. В кафе было пусто, но он сел за самый дальний столик, скрытый мраморной колонной. Там его и официантка обнаружила не сразу.

Постепенно успокоившись от пережитого на совещании, Окаемов пришел к выводу, что он вовремя признал свою ошибку с бензином...

Без десяти минут шесть Окаемов вышел из кафе. Без пяти минут шесть он был на перекрестке близ института Вольского. Ровно в шесть он был от него в пятидесяти шагах. В три минуты седьмого он поравнялся с дверями института, и как раз в это время на тротуар хлынул поток сотрудников института. Окаемов оказался в центре этой толпы и пошел с ней по тротуару. Он шел с видом человека, глубоко задумавшегося над своими делами, которого ничто на свете не интересует. На самом деле он напряженно слушал звучащий вокруг него разговор. И вот что он услышал:

— Нет, дорогой Петр Алексеевич, ваш «Спартак» горит, как свеча. Проиграть «Локомотиву» — это же надо уметь!

— Ничего, милейший, цыплят, как известно, считают по осени. Меня волнует другое — Аксенчука-то нашего уволили? Уволили.

— А кто же будет теперь доставать нам билеты на стадион?

— А вы обратитесь на этом основании к Вольскому, чтобы он пересмотрел приказ.

— Да, что-то, а ходок за билетами Аксенчук был мировой.

— Принципиальный лодырь и трепач.

— Давно его гнать нужно было...

— Я его видел сейчас. Пошел в кабинет Вольского отходную слушать. Бледный как покойник.

— Тут побледнеешь. Вылететь из института с характеристикой лодыря. Поди устройся куда-нибудь...

Окаемов внезапно остановился возле афишного щита, и толпа сотрудников миновала его. Такой удачи он не ждал. Он собирался много дней вот так смешаться с тол-

пой идущих с работы сотрудников института и постепенно узнать то, что ему могло оказаться полезным. А удача пришла в первый же день. «Аксенчук... Аксенчук...» — повторял про себя Окаемов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Николай Аксенчук мог надеяться только на всем известную доброжелательность профессора Вольского. Войдя к нему в кабинет, Аксенчук схватился рукой за лоб и пошатнулся.

— Что с вами? — обеспокоенно спросил Вольский.

— Ничего, ничего... — Будто собрав последние силы, Аксенчук подошел к столу.

Вольский протянул ему стакан воды:

— Садитесь, выпейте.

Аксенчук судорожными глотками осушил стакан и устремил на Вольского молящий взгляд:

— Сергей Дмитриевич, я пропал. Мне лучше не жить, — заговорил он тихо и жалобно. — Я виноват. Знаю. Но я умоляю вас по-человечески задуматься о моей судьбе. Выброшен из такого института. Это же конец. Да, да, Сергей Дмитриевич, конец. А ведь я только-только вступил в жизнь. Вот я выйду сейчас из института, и за его дверью останется все — и прошлое и будущее. Что делать? Лезть в петлю. Да, да, лезть в петлю... — Аксенчук замолчал, обхватив голову руками.

— В петлю — это чепуха. Вы человек молодой, у вас впереди вся жизнь... — Для Вольского этот разговор был тяжелым испытанием. Еще с утра он думал о нем как о необходимости, которой нельзя избежать, и собирался провести разговор быстро и решительно. Но так не получилось, и вот теперь надо утешать и успокаивать уво-

ленного.— Вы прекрасно устроитесь на другое место и будете работать.

— Да кто же меня возьмет, Сергей Дмитриевич? — почти с рыданием воскликнул Аксенчук.

— Верно, устроиться будет нелегко. Но наказание есть наказание. И оно вас, молодого специалиста, научит на всю жизнь. А в конце концов вы все-таки устроитесь и будете работать.

— Сергей Дмитриевич, я вам даю слово! Честное слово! Такое никогда больше не повторится. Ну объявите мне самый строгий выговор! Только не выгоняйте! Не губите мою жизнь!

— Нет, товарищ Аксенчук, приказ уже подписан,— как только мог решительно произнес Вольский.— Поступить иначе я не могу. Вы задумайтесь, что произошло. Вы знаете, над чем работает наш институт. И вдруг сотрудник такого института не выполняет данного ему поручения и не выполняет, видите ли, только потому, что о поручении он забыл.

— Сергей Дмитриевич, я не забыл! Ведь поручено было мне и Добровольскому.

— Перестаньте! — Вольский рассердился — он больше всего на свете ненавидел всякую ложь.— Как можно? Тревожиться о своей судьбе и при этом лгать? Лгать не только мне, но и самому себе! Вы же отлично знаете, что поручение давалось вам. Именно вам... А Добровольский должен был как старший научный сотрудник только присмотреть за этим делом. И вы поймите, что означает ваша забывчивость, когда мы заняты делом столь важным для всего государства?

— Сергей Дмитриевич, простите за невольную ложь. Я спасаю жизнь, хватаюсь за что попало...— хитрил Аксенчук.— Но ведь факт, Сергей Дмитриевич, что порученное мне дело составляло такую маленькую и такую маловажную частность, что...

— В нашем деле маленьких частностей нет,— перебил его Вольский. — Словом, мы с вами напрасно тратим время. Приказ подписан, и отменять его я не собираюсь. Сдайте секретарю все служебные документы.

— Тогда всё. Конец! Конец!..— Аксенчук встал, раскачиваясь точно от боли.

Вольский старался на него не смотреть, боялся, что в последнюю минуту сжалится и уступит.

— Всё. Простите, профессор, за беспокойство,— прошептал Аксенчук и, шатаясь, пошел к дверям.

И тут Вольский не утерпел:

— Будете устраиваться на работу, пусть оттуда мне позвонят — я вас поддержу.

Аксенчук, ничего не сказав, вышел из кабинета...

Катастрофа, постигшая Аксенчука, не была случайной. Из всего, что с ним произошло, самое страшное было, пожалуй, то, что он не сознавал до конца своей вины и не понимал, что к катастрофе он сам шел все последние годы своей жизни.

Николай Аксенчук лишился матери, когда ему не было еще десяти лет. Отец второй раз не женился и всю свою любовь отдал единственному сыну. Видный хирург, спасший от гибели сотни людей, он своей слепой любовью, уверенностью, что он растит необыкновенного мальчика, постепенно вел сына к гибели. Не знаящий ни в чем отказа, Николай уверился, что любой его проступок будет прощен, и он рос убежденным, что ему предназначена какая-то особая, легкая и красивая жизнь. Собственно, так он и жил вплоть до внезапной смерти отца два года назад. Юноша он был способный, без особого труда учился в школе и затем в институте. Он даже был по-своему талантлив — на последнем курсе института предложил идею нового измерительного прибора для испытания металла на прочность, за что был премирован и что, в ко-

нечном счете, помогло ему и устроиться в институт Вольского.

Но умер отец, и сразу оказалось, что жизнь нелегка... На веселую жизнь своих денег Николаю уже не хватало. Одна квартира съедала почти треть его зарплаты. Сразу поредел круг его веселых друзей — все они, еще вчера одолевавшие Николая звонками, предлагавшие миллион «вечерних идей» и так любившие козырять, что в их обществе имеется «молодой физик из засекреченной области», стали звонить ему всё реже и реже: «секретный физик» без денег им был не нужен. Как-то Аксенчук встретил на улице одного из своих недавних друзей и спросил, куда они все пропали.

— Вся-то наша жизнь — игра, — пьяно ухмыляясь, ответил тот. — Твои акции на нашей бирже упали... по-скольку ты банкрот...

— Сволочи вы все! — тоскливо сказал Николай.

— Сволочи? Возможно. Но у нас есть деньги. Есть деньги, понимаешь?

Нравившаяся Аксенчуку девушка предпочла его сыну известного художника. Официанты в ресторане перестали называть его по имени-отчеству.

Злобная обида на всё и вся породила в душе Николая утомительно не проходящую зависть ко всем, кого он про себя называл удачниками в жизни. Он завидовал даже профессору Вольскому. «Ну хорошо же, — решил он, — вы еще обо мне услышите». Ему грезилось, как он в институте придумает какую-то «штуку», после чего сам Вольский сделает его своим ближайшим помощником. Но проходили месяцы, годы, а никакой «штуки» он придумать не мог. И тогда появилось унылое равнодушие к работе, породившее в конце концов и ту роковую забывчивость, за которую его выгнали из института...

Аксенчук сдал секретарю документы. Тут же сотруд-

ник отдела кадров вручил ему его трудовую книжку и копию приказа, а кассир — зарплату за десять дней.

Аксенчук вышел на улицу и остановился, не зная, куда направиться. Окаемов насторожился — наверно, это он и есть, тот, кого он выслеживал уже несколько дней. Опустив руку в карман, Аксенчук нащупал там только что полученные деньги: «Зайду в ресторан...» Эта тупая, бессильная мысль повела его к центру города.

Окаемов шел за его спиной, не отставая ни на шаг. Он был уже почти уверен, что впереди него, сутулясь, идет тот, кто ему нужен.

В ресторане «Якорь» было пусто и мрачно. Свет еще не зажигали, и в полумраке длинного зала барабан на пустой эстраде казался бледным кругом луны. Аксенчук сел за первый попавшийся столик.

— Коньяк и фрукты,— небрежно сказал он официанту.

— Сколько прикажете коньяку?

— Бутылку! — раздраженно крикнул Аксенчук — в вопросе официанта ему почудилось старое: не верит, что у клиента есть деньги.

— Извините, какой марки прикажете? — не отставал официант.

— Лучшей и поскорей!..

Бутылка была уже почти опорожнена, когда Аксенчук обнаружил, что за соседним столиком и так же, как он, одиноко и за бутылкой коньяка, сидит какой-то симпатичный незнакомец. Их взгляды встретились. Окаемов сочувственно улыбнулся Аксенчуку и поднял рюмку:

— За ваше здоровье, сосед!

— За ваше! — охотно отозвался Аксенчук и лихо опрокинул рюмку.

— Давайте объединим наши усилия,— предложил Окаемов: — пересаживайтесь за мой стол.

— Нет, вы за мой,— с пьяной обидчивостью возразил Аксенчук.

— С удовольствием,— покорно согласился Окаемов и, захватив с собой почти не тронутую бутылку, перешел к Аксенчуку.— Меня зовут Виталий Алексеевич...

— Аксенчук... Николай Евгеньевич Аксенчук.— Он хотел церемонно привстать, но это у него не вышло — его качнуло на стол.

Окаемов незаметно поддержал его и помог сесть.

Выпили за знакомство. Окаемов оперся лбом на кулак и мрачно смотрел на пустую рюмку.

— О чем вы... так думаете? — запинаясь, спросил Аксенчук.

— Жизнь, дорогой мой,— сложное дело. И не всегда приятное,— не меняя позы, ответил Окаемов.

Эти слова затронули в сердце Аксенчука туго натянутую струну, и она запела грустно и жалобно. Этот хмурый человек вдруг стал ему таким невероятно близким и дорогим, что он не мог произнести слова: в горле толкался горький комок и глаза набухали слезами.

— Да... это так... истина! — шепотом произнес он, готовый сейчас же выложить на стол все свои беды и обиды.

Но Окаемов точно почувствовал это и заговорил первый:

— Жена у меня ушла. Шесть лет жили душа в душу. Вместе работали в науке. Я ее любил. А она — нет. То есть я думал, что она любит, но горько ошибся, теперь я все понял. Она ушла от меня. То, что ушла,— черт с ней. Тяжело пережить обман, которого я не заслужил. Я так любил ее. Я жил только для нее...

Из всего этого Аксенчук запомнил только одно: его новый друг, так же как он, обманут жизнью, и он тоже человек науки.

— Я тоже... Ах, как я понимаю вас...— пролепетал Аксенчук.

— Тогда выпьем за нашу грустную встречу.— Окаемов наполнил рюмки.— Как здорово подстраивает иногда старуха-жизнь: ходишь со своим горем один, кажется во всем мире нет человека, которому ты мог бы обо всем поведать, не боясь, что, выслушав тебя, засмеются. И вдруг приходишь в пустой кабак, и тут тебя ждет именно такой человек. За нашу встречу!..

Что происходило дальше, Аксенчук не помнил. Он проснулся утром в своей постели. Одежда его была аккуратно уложена на стуле. На тумбочке белела записка:

«Дорогой друг, я страшно виноват перед вами. Я не учел, что Вы крепко выпили до меня. Искренне прошу у Вас прощения, ибо не хочу терять Вашей дружбы, дружбы человека, так сердечно понявшего мое горе.

Я позвоню Вам.

В. А.»

Постепенно, словно из тумана, начинали проступать детали вчерашнего вечера. Вспомнилось хмурое лицо незнакомца... Позвольте — как же его зовут? В. А. Это не вспоминалось... Да, кажется, у него ушла жена... Больше Аксенчук ничего вспомнить не мог. Он посмотрел на будильник и... замер от ужаса — первый час дня. Опоздал на работу! Но, вскочив с постели, он вспомнил об увольнении. В гудящей с похмелья голове зашевелились тяжелые мысли о жизни: что же теперь с ним будет?

Окаемов позвонил в два часа. В этот день работы в театре не было, и Окаемов отпросился у начальника гаража.

-- Как чувствуете себя, Николай Евгеньевич? Небось ругаете меня?

— Ну что вы? Это я должен просить у вас извинения.

— Тогда, может, мы не будем разводить дипломатию и поступим как истинно русские люди — возьмем и опохмелимся? А?

— Я не прочь. Только...

— Я звоню из автомата возле вашего дома и у меня в кармане есть все, что надо. Могу я зайти к вам?

— Конечно, заходите! — Аксенчук искренне обрадовался возможности снова отстранить от себя тяжелое раздумье о будущем.

Окаемов был совсем не таким, как вчера. Он оживленно болтал и без конца говорил о счастливой судьбе, сведшей его вчера с Аксенчуком.

— После ухода жены, — весело говорил он, — сегодня я первый день чувствую себя человеком. Как, оказывается, важно иметь возможность поделиться своим горем! Верно? — Аксенчук кивнул головой. — Я взял в институте отпуск — просто не представлял себе, как в таком состоянии буду работать, как смотреть в глаза коллегам. А сегодня все это мне уже не кажется страшным. Спасибо вам, Николай Евгеньевич, от всего сердца!

— За что? — смущенно спросил Аксенчук.

— Как — за что? За то, что вы есть на земле и взяли в свое доброе сердце часть моего горя.

— Да я сам...

— Не спорьте, не спорьте! — Окаемов умышленно не дал Аксенчуку говорить, считая, что время для его исповеди еще не настало. — Мы поедем теперь за город. А к вечеру вернемся. Ведь сегодня суббота, и я приглашаю вас в «Гранд-отель». Согласны?

— Я-то с удовольствием, но...

— Простите, Николай Евгеньевич, за прямоту. Затруднение с деньгами? Забудьте. Тысячи две у меня в кармане и шестнадцать — на книжке. Были приготовлены на «Победу», но теперь семейные поездки на

«Победе» отменяются! В общем, никаких разговоров! Поехали!

Целый день они в нанятом Окаемовым такси разъезжали по дачным местам. Обедали на озере в ресторане «Поплавок». По предложению Окаимова за обедом не пили.

— Побережем силы для вечера,— сказал он.

После обеда они часок поспали в сосновом лесу, а затем смотрели соревнование яхт. В город вернулись к девяти часам вечера, на квартире Аксенчука побрились и отправились в ресторан.

Все столики были заняты, но Окаимов переговорил с метрдотелем, и столик мгновенно нашелся...

Осмотревшись, Аксенчук обнаружил, что за соседним столиком пируют бросившие его друзья. Он сделал вид, будто не узнает их.

В этот вечер Окаимов узнал от Аксенчука все, узнал даже о легкомысленной девушке, сменившей Аксенчука на сына художника и сидящей сейчас в компании за соседним столом. Выслушав его исповедь, Окаимов положил свою холодную руку на руку Аксенчука и сказал:

— Вчера вы утешили меня. Теперь я буду утешать вас. Есть сильное слово — месть. И мы начнем с этих расфуфыренных индюков.— Он кивнул на соседний столик.

Заиграл оркестр. Окаимов встал, подмигнул Аксенчуку и, подойдя к соседнему столику, пригласил танцевать ту самую девушку. В течение всего танца они о чем-то оживленно разговаривали. Следующий танец Окаимов снова танцевал с ней. А затем девушка пересела за их стол и попросила извинения у Аксенчука...

Утром Аксенчук проснулся дома, снова не помня, как он оказался в своей постели. Повернув тяжелую, точно налитую свинцом голову, он увидел Окаимова, который сидел за столом и что-то писал.

— С добрым утром, коллега,— сухо, почти сердито произнес Окаемов.

И Аксенчук почувствовал себя виноватым.

— Не умею я пить, как вы,— сказал он.

— Наука не хитрая, а главное — не обязательная.— Окаемов встал из-за стола и потянулся: — Вставайте, нам нужно поговорить...

Аксенчук одевался, поглядывая на своего друга: сегодня он был совсем не таким, как в первую встречу и как вчера. Его сегодняшняя сухая деловитость чем-то тревожила. Аксенчук быстро оделся, и они сели за стол.

— Я все время думал о вас, Николай Евгеньевич...— начал Окаемов.— Я дружбу представляю себе как нечто действенное и помогающее жить людям, которые дружат. Застольная дружба — дым, не больше. Так вот... Вы, надеюсь, понимаете, что означает для вас увольнение из такого института, как ваш, да еще со скверной характеристикой... (Аксенчук опустил голову.) Я хочу устроить вас на работу в наш институт. Конечно, наш институт не столь значительный, как ваш, по, мне кажется, сейчас вам не стоит быть разборчивым. Директор нашего института — мой приятель. Дайте мне ваши документы, и я сейчас же поеду к нему.

— Но сегодня воскресенье,— напомнил Аксенчук.

— Именно. С таким делом к директору надо являться на дачу, а не в кабинет, где с ним и пяти минут спокойно не дадут поговорить.

— И вы думаете, может что-нибудь получиться?

— Не знаю, но я обычно за безнадежные дела не берусь.

Передавая Окаемову документы, Аксенчук сказал:

— Вы можете сказать директору, что Вольский обещал мне, если ему позвонят, он меня поддержит.

— О, это очень важно...— задумчиво произнес Окаемов.— Словом, план наших действий таков: сейчас я еду к директору, а в десять часов вечера вы ждите меня там, где мы познакомились, в «Якоре».

2

Коля Борков все же решил случай с шофером Гудковым отразить в стенгазете. В понедельник он зашел к заведующему отделом кадров театра, надеясь поговорить с ним о новом шофере.

Заведующий отделом кадров куда-то спешил.

— Откуда он взялся? — торопливо переспросил он, складывая в папку бумаги. — Пришел по объявлению, и все. А что?

— Станный тип, честное слово.

— Чем?

— Рассуждает так, точно с Луны свалился.

Заведующий отделом кадров рассмеялся:

— Ну, ты у нас известный марксист.— Он обнял Колю за плечи и повел из кабинета: — Ты же хочешь, чтобы каждый наш рабочий делал доклады о международном положении.

— Да, хочу! — запальчиво сказал Коля.

— Хочешь? Тогда вот и займись воспитанием своего шофера.— Он подтолкнул Колю в спину, а сам побежал по коридору...

В тот час, когда Коля разговаривал с заведующим отделом кадров, Окаемов вел грузовик по тому самому шоссе, по которому он на автобусе вернулся в город с глухого полустанка.

Настроение у Окаимова было прекрасное — найден единственный правильный путь к выполнению задания. И теперь нельзя терять ни минуты. «Ну, мистер Барч, вы, наверно, уже думали, что меня нет в природе? Ведь

столько времени ваши радиоконтролеры не слышали моего позывного. Да, до сегодняшнего дня мой радиоголос был зарыт в земле. А сегодня вы его услышите, мистер Барч! — Думая так, Окаемов, сам того не замечая, все увеличивал скорость, грузовик немилосердно кидало на выбоинах старого шоссе. И вдруг впереди он увидел опасность — у поворота, подняв руку, стоял милиционер.

Остановив машину, Окаемов выглянул из кабины:

— Что, товарищ начальник?

— Предъявите путевочку.

— С удовольствием, товарищ начальник. — Окаемов, улыбаясь, протянул путевой лист.

— Опера, говоришь? — возвращая путевку, спросил милиционер.

— Она, товарищ начальник.

— Эх, куда тебя твоя опера гоняет...

— За песнями еду, товарищ начальник! — Окаемов подмигнул милиционеру и включил скорость.

Снова грузовик затарахтел по разбитому шоссе. «Нет, нет, это самая обычная проверка», — успокаивал себя Окаемов.

Окаемов проехал мимо знакомой остановки автобуса. Как и тогда, около столба томились ожидавшие машину люди. Вскоре он остановил грузовик на обочине. Сойдя на землю, он нашел удобное место для съезда с шоссе.

Грузовик осторожно перебрался через размытую канаву и исчез в густых кустах. Поставив машину так, чтобы ее не было видно с шоссе, Окаемов отбежал в сторону, быстро выкопал рацию и спрятал ее под сиденье. По потолку кабины он протянул провод антенны и через минуту застучал радиотелеграфным ключом.

«Радуйтесь, мистер Барч, — думал Окаемов под drobный стук ключа. — «Три икс» в эфире. Я воскрес. Я начинаю операцию. Следите за эфиром круглые сутки.

А теперь я перееду в другое место, ибо осторожность — родная сестра успеха».

Окаемов вывел грузовик на шоссе и, проехав еще километров десять, остановился и снова заработал ключом: «Говорит «три икс»! Начинаю операцию. Срок операции — три-четыре дня. Высылайте за мной транспорт в условленное место. Следите за эфиром круглые сутки!..»

Потом грузовик вернулся в город, пересек его с севера на юг и выехал на другое шоссе. Километрах в двадцати от города он остановился, и опять в эфир полетели позывные «три икс». Затем рация была аккуратно упакована и положена в ящик с инструментами. Грузовик вернулся в город.

Вечером, поставив грузовик в гараж, Окаемов, перед тем как ехать в общежитие, забежал к Аксенчуку, переоделся и оставил у него сверток с рацией.

— Все канаты обрублены...— весело сказал он Аксенчуку. — Квартиру оставил жене, и в этом сверточке — все мое имущество. Пусть она подавится барахлом, которое мы вместе наживали!

Аксенчук стал уговаривать Окаемова пока что поселиться у него. Окаемов не возражал, но сказал, что сегодня он ночует у директора своего института и, кстати, закончит с ним переговоры об устройстве Аксенчука. Все складывается прекрасно — через пару дней они будут работать вместе. А с завтрашнего дня Окаемов бронирует за собой вот этот диван...

В общежитии, только Окаемов лег в постель, к нему подошел странно улыбавшийся Коля Борков.

— Товарищ Гудков, начальник кадров просил вас завтра утром зайти к нему,— сказал он, впившись в Окаемова косым глазом.

Это приглашение Окаемова в отдел кадров имело свою историю. Кудрявцев, который тогда, во время наблюдения за институтом, не записал номера остановившегося

против института грузовика, не мог простить себе этой оплошности и упорно думал, как ее исправить. И вдруг он вспомнил — в кузове грузовика стоял трон, и шофер сказал, что трон этот принадлежит оперному царю. Кудрявцев пошел в гараж театра — да, в тот день машина театра перевозила декорации «Бориса Годунова» после спектакля в Доме культуры. Кудрявцев зашел в отдел кадров театра и узнал фамилию шофера...

Вот только тогда начальник отдела кадров решил поинтересоваться анкетой нового шофера: что он за человек в конце концов? То он не дает покоя Коле Боркову, а то вот и из госбезопасности спрашивают... Анкета была в полном порядке. Начальник уже хотел было спрятать личное дело, как вдруг, пробегая взглядом по автобиографии, написанной шофером, заметил давно умершее обозначение «КрымАССР». Да, шофер Гудков своей рукой написал, что с сорок девятого по пятьдесят первый год он работал шофером в «Союзтрансе КрымАССР». А Крым в это время автономной республикой уже не был. Начальник отдела кадров разыскал в театре Колю Боркова и попросил его сказать новому шоферу, чтобы тот зашел утром к нему.

3

Потапов продолжал жить в страшном напряжении. Окаемов пропал. Уже столько времени не было и намек на появление его в зоне института Вольского. Потапов часами снова и снова продумывал расстановку сил своей группы: нет ли где незаметной щели, в которую враг может пролезть? Ведь если что-нибудь случится, никто не убедит его в том, что он не виноват, что он, мол, делал все, что мог. Виноват будет он и только он. Ощущение неизмеримой тяжести возможной своей вины Потапов никак не связывал со своей личной судьбой. Что значит он со всей своей жизнью перед возможностью несчастья?

Сердце его холодело при мысли, что вот сейчас, пока он беспомощно думает, враг действует.

Стук в дверь прервал размышления Потапова. В кабинет вошел Кудрявцев:

— Разрешите доложить, товарищ майор. Я узнал номер машины. Помните, той, что останавливалась около института? Это была машина оперного театра. Номер МЭ-64-07. Фамилия водителя Гудков. Он вез царский трон из оперы «Борис Годунов».

— Ну и что? — Потапов раздраженно смотрел на Кудрявцева.

— Ничего, товарищ майор. Докладываю...

Царский трон... опера «Борис Годунов» — это уже было похоже на чепуху.

Потапов зашел к полковнику Астангову. И как только открыл дверь его кабинета и увидел его, сразу почувствовал — случилось что-то очень важное. Полковник сидел за столом с окаменевшим лицом, держа перед глазами лист бумаги. Он будто не заметил вошедшего Потапова. А увидев его у стола, несколько не удивился и передал Потапову лист бумаги:

— Смотрите.

На листе бумаги тремя аккуратненькими столбиками были записаны пятизначные цифры.

— Понимаете?

— Шифровка?

— Да, Потапов. Наш подшефный появился в эфире. Его рация в течение дня работала три раза с перерывами.

— Запеленговали?

— Да. И он каждый раз работал с другого места. Причем перерыв между второй и третьей работой не так уж велик, а объявился он бог весть где. Вот что: позвоните-ка в ОРУД — ведут они учет выезжающих из города машин?

— Постойте! — почти крикнул Потапов. — Помните,

я докладывал вам о грузовике, который останавливался против института? Сейчас мне сказали, что это была машина оперного театра.— «Царский трон... опера «Борис Годунов»,— пронеслось у него в голове.

— Да? Ну что ж, проверьте и этот вариант. А пока звоните в ОРУД. Звоните отсюда...

Дежурный ОРУДа монотонно диктовал Потапову номера машин, прошедших через загородный контроль:

— Быстрей, быстрей,— торопил его Потапов.

И вот Потапов слышит: «МЭ-64-07, оперный театр, северное и южное шоссе...»

— Стоп! Пока довольно. Спасибо.— Потапов бросил трубку и растерянно посмотрел на полковника.— Машина оперного театра была на северном и южном шоссе.

— Так...— Полковник медленно прошелся по комнате, не смотря на Потапова.— Интересно. Ну-ка, позвоните в отдел кадров театра — узнайте, кто водитель машины.

Потапов еще не успел объяснить начальнику отдела кадров, что ему нужно, как тот сам спросил:

— Вас, наверно, интересует наш шофер Гудков?

— Меня интересует водитель вашего грузовика, ездившего по северному и южному шоссе.

— По северному и южному? Не понимаю. У нас в театре только одна грузовая машина.

— Какой номер?

— МЭ-64-07.

— Фамилия водителя?

— Гудков. Сергей Михайлович Гудков.

— Когда взят на работу?

— Недавно. Но вот какое дело: сегодня он не вышел на работу. Из общежития уехал в половине шестого и на работу не явился. Я его на утро вызвал к себе, и он не пришел ни ко мне, ни в гараж.

— Зачем вы его вызывали?

— В его анкете я ошибочку обнаружил. Хотел выяснить.

— Немедленно зайдите к нам с личным делом Гудкова. Немедленно! — Потапов швырнул трубку.

— Спокойнее, Потапов. Что там?

— Он, кажется, опять ушел... Он в городе! — Потапов направился к двери.

— Подождите, Потапов,— спокойно сказал полковник.— Он действительно в городе. Сейчас мы с вами посмотрим интересные фотографии. Помните, вы докладывали мне о сотруднике, уволенном из института Вольского?

— Конечно, помню — Аксенчук.

— Наблюдение за этим Аксенчуком показало, что в воскресенье Аксенчук кутил с неизвестным гражданином. Пьянствовали они в «Гранд-отеле». Платил собутыльник уволенного. После воскресного кутежа этот тип от наблюдения улизнул. Случайность — он на такси отвез пьяного Аксенчука домой, ночевал у него, а утром снова взял такси и поехал к центру города. На перекрестке такси успело проехать перед трамваем, а нашу машину задержал трамвай. Когда трамвай прошел, такси уже умчалось, и наши его не нашли.

В кабинет вошел сотрудник, несший развернутую газету, на которой были разложены еще мокрые фотографии.

Потапов посмотрел на первую фотографию:

— Это он! — шепнул он одними губами.

Да, за ресторанным столиком сидел Окаемов, только теперь он был с аккуратненькой бородкой и одет был иначе.

— Не ошибаетесь? — Полковник пристально смотрел на Потапова.

— Нет.

— С бородой?

— Да, он, товарищ полковник!

Полковник Астангов и Потапов смотрели друг другу в глаза, оба тщетно пытались скрыть волнение.

— Ну, Потапов, как мы теперь поступим?

— Надо его брать вместе с Аксенчуком и как можно скорее! — мгновенно ответил Потапов.

Полковник долго молчал, потом сказал:

— Нет, Потапов. В этой операции надо опереться на Аксенчука.

— На Аксенчука? — удивился Потапов.

— Он сейчас дома один... — Полковник, точно не слыша Потапова, снял телефонную трубку и набрал номер. — Товарищ Аксенчук?.. Здравствуйте, товарищ Аксенчук. С вами говорят из Управления госбезопасности... Да. Полковник Астангов. Не смогли бы вы сейчас же приехать к нам? Нам нужно посоветоваться с вами по поводу одного дела... Хорошо. Возьмите такси. Входите прямо в главный подъезд, пропуск не нужен, я предупрежу охрану... Спасибо. Мы ждем вас. Третий этаж. Комната тридцать. Ждем...

— Теперь скроется и он, — сказал Потапов.

— Наши люди пойдут за ним по пятам... — улыбнулся полковник.

— А трамвай? — насмешливо напомнил Потапов.

— Он сейчас приедет, Потапов. Я уже изучил его личное дело и все продумал. Он приедет!

4

Еще не отойдя от телефона, Аксенчук почему-то сразу подумал, что звонок из госбезопасности связан с его новым другом. Выходя из дому, он больше всего боялся встретиться с ним.

В такси Аксенчук немного успокоился: в конце концов он со своим новым другом ничего плохого не делал —

пьянствовали, и все, а это разве преступление? И уж совсем он успокоился, увидев шагнувшего ему навстречу полковника Астангова, весело, дружески улыбающегося...

— Здравствуйте, Николай Евгеньевич. Извините, ради бога, за беспокойство. Знакомьтесь — это наш сотрудник, товарищ Потапов. Садитесь, пожалуйста. Никого не встретили?

— Нет.— Аксенчук выжидательно смотрел на полковника.

— Мы пригласили вас, Николай Евгеньевич, по очень важному государственному делу. Рассчитываем на вашу помощь.

— Если я смогу, я, конечно...— пробормотал смущенный Аксенчук.

— Вы знаете, Николай Евгеньевич, вот этого человека? — Полковник передал Аксенчуку фотографию Окамова в ресторане.

— Да, знаю. Это снято в субботу в ресторане «Гранд-отель». Вот это — моя спина.

— Расскажите все, что вы знаете об этом человеке. Повторяю: все, что вы скажете, для нас исключительно важно.

— Собственно, я знаю о нем очень мало...— Аксенчук замялся, он действительно почти ничего не знал о своем неожиданном друге.— От него жена недавно ушла. Работает он в каком-то научном институте. Зовут его Виталий Алексеевич.

— Из разговора с ним чувствовалось, что он действительно научный работник? — спросил Потапов.

— Да, он кое-что знает...

— А как вы с ним познакомились? — спросил полковник.

— Меня уволили из института. Настроение было ужасное. Я пошел в «Якорь». Порядком там выпил. И он тоже туда пришел. У него горе свое — жена ушла,

у меня — свое. Мы стали пить вместе. Вот так и познакомились.

— В субботу и воскресенье вы с ним пьянствовали? — жестко спросил Потапов. — И еще: кто платил?

— Да, я был с ним. Платил он. Если бы даже у меня были деньги, он не позволил бы мне платить. У него денег много. Он мне и займы дал.

— Почему же это он решил взять вас на свое иждивение? — усмехнулся Потапов.

— Почему — иждивение? Разве не могут люди подружиться и в трудную минуту выручить друг друга?

— Для того чтобы подружиться, минимально нужно знать друг друга. А вы нам не назвали даже фамилии своего друга. Вы ее знаете?

— Нет... — Аксенчук покраснел. — Сам он своей фамилии не называл, а спрашивать было неудобно. Он столько для меня сделал...

— В смысле пьянства? — Потапов еле сдерживал себя.

— Он взялся устроить меня на работу.

— Куда?

— В свой институт.

— Что за институт?

— Кажется, по телевидению...

— Кажется? Ну и ну...

— В моем положении надо устраиваться, куда берут, и не спрашивать.

Полковник Астангов видел, что Потапов злится все больше, и решил вмешаться в разговор:

— А он действительно мог вас устроить?

— Он обещал твердо. Директор института — его приятель. Я ему уже и документы отдал.

— Как — отдали документы? — Потапов даже привстал. — Какие документы?

— Диплом. Трудовую книжку. Заявление. Копию приказа из института.

— С подписью Вольского?

— Да.

Потапов швырнул карандаш на стол, вскочил и начал ходить по комнате, выразительно поглядывая на полковника.

— Ну, и в каком положении дело сейчас? — поспешил разрядить обстановку полковник.

— Он уже несколько дней ведет переговоры с директором своего института. Должен сегодня-завтра окончательно договориться.

— Когда он должен прийти к вам?

— Сказал, что сегодня будет у меня ночевать. А когда придет — не сказал. Я ведь предложил ему пока жить у меня.

— Так вот, товарищ Аксентчук, — помолчав, сказал полковник Астангов: — вы должны знать всё. Мы вам доверяем и ничего скрывать от вас не намерены: человек, о котором вы нам рассказали, опаснейший враг нашей Родины... Да, да, это так. Враг опасный и хитрый. И он хочет использовать вас в своем преступном замысле. Как это он сделает, пока неизвестно. Но теперь дело уже не в этом. Речь идет о том, что вы можете основательно нам помочь.

— Конечно. Но неужели?.. — Аксентчук смотрел на полковника округлившимися от страха глазами.

— Да, Николай Евгеньевич, мы сказали вам правду... Через час Аксентчук ушел домой.

— А вдруг он?.. — Потапов не договорил.

— Нет, Потапов. Все будет в порядке. — Полковник сердито посмотрел на Потапова. — При всей нашей чекистской подозрительности мы обязаны, Потапов, доверять своим советским людям. Ну почему он обязательно должен стать предателем? В институте он учился непло-

хо. Всё его преступление пока только в том, что он плохо работал у Вольского, за что и наказан.

— На мой взгляд, это разложившийся тип, которому нет ничего дороже ресторанной пирушки...

— Это верно, Потапов. Но это вопрос воспитания. Виноват в этом и его отец, и виноваты очень многие люди, с которыми он соприкасался,— люди, которые любят болтать о коммунистическом воспитании, но не любят или не умеют по-настоящему им заниматься. А вы задумайтесь на минутку — какой урок на всю жизнь он получает сейчас!

5

В половине одиннадцатого вечера Окаемов подошел к дому, где жил Аксенчук. Он прошел сначала мимо подъезда, потом резко повернул назад — он проверял, нет ли за ним наблюдения. Улица была тиха и пустынна. Окаемов зашел в подъезд и через минуту выглянул из дверей — все спокойно. Он поднялся по лестнице на самый верхний этаж, а потом уже спустился на второй, где была квартира Аксенчука. Несколько минут он стоял перед дверью, прислушиваясь, а потом нажал кнопку звонка.

От звонка одновременно вздрогнул и Аксенчук, уже несколько часов ожидавший прихода Окаемова, и Потапов, находившийся в соседней квартире, где звонок раздался в стоявшем на столе радиодинамике.

— Приготовиться,— тихо сказал Потапов технику, склонившемуся над чемоданом с магнитофоном.

В динамике отдаленно слышался разговор двух мужчин. Затем их голоса приблизились и стали вполне отчетливыми.

— Включайте,— приказал Потапов.

Диски магнитофона начали медленно вращаться.

...Аксенчук провел Окаемова в столовую:

— Считайте, Виталий Алексеевич, эту комнату своей. Вот тут я вам и постель уже приготовил.

— Спасибо, дорогой. А только я думаю, что нам не следует торопиться в постель. У нас состоится сейчас чудесная мужская беседа. — Окаемов сходил в переднюю и вернулся с бутылкой коньяку. — А вы, мой друг, что-то в скверном настроении?

— Волнуюсь насчет работы. Как там? — Аксенчук смотрел на него с надеждой.

— Все в полном порядке! — раскупоривая бутылку, ответил Окаемов. — Давайте-ка смочим ваше назначение. Итак, мой друг, у всякой истории есть свой конец. И первую рюмку мы опрокинем за счастливый конец нашей истории. Пошла?

— Пошла, — сдавленно произнес Аксенчук и выпил.

— Ну, а вторую — за суть дела... — Окаемов наполнил рюмки, встал, прошелся по комнате и остановился за спиной Аксенчука. — Неопровержимое, мой друг, состоит в том, что с вашими документами вы никуда не устроитесь. Ни-ку-да!..

Аксенчук через плечо испуганно и удивленно смотрел на Окаемова.

— Отныне, мой друг, великий Советский Союз в вашем лице получает неизлечимого безработного. Это факт! Вам это ясно?

— Я сам так думал... Но вы сказали...

Окаемов сел рядом и повернул Аксенчука к себе:

— Дальше, мой друг... по вас плачет тюрьма и военная коллегия Верховного суда... Ради бога, перестаньте дрожать и таращить глаза!.. Что вас удивляет? Разве не вы отдали постороннему человеку диплом, трудовую книжку и копию приказа на бланке секретнейшего института? Разве не своей собственной рукой вы написа-

ли заявление с просьбой взять вас на работу? На какую работу, позвольте вас спросить? Почему в заявлении это не уточнено? Наконец, тому же постороннему человеку вы рассказали кое-что и о делах вышеупомянутого института...

— Я ничего особенного не рассказывал... Я вообще не понимаю, что вы говорите...

— Ах, не понимаете? А то, что вы должны мне почти десять тысяч рублей, это вы понимаете?

— Виталий Алексеевич, перестаньте шутить! Вы же сами предложили... в долг. Я могу эти деньги сейчас же вернуть...

— Хорошо, мой друг. Шутки в сторону. Слушайте меня внимательно. Сейчас вы услышите самое главное. С вами сейчас разговаривает посланец могущественной державы. Если хотите яснее — разведчик...

Искусно изобразив ужас, Аксенчук отшатнулся от Окаимова, пытаясь встать. Резким движением Окаимов прижал его к стулу.

— Спокойно, мой друг. Давайте говорить, как положено мужчинам, — спокойно и мужественно. Я не подлец и не разбойник с большой дороги. Я тайно представляю здесь державу не только могущественную, но и благородную. Вот почему военной коллегии не удастся отправить вас на расстрел. И вы не станете вечным безработным. Вы вместе со мной уедете далеко-далеко от всех этих неприятностей. Вы уедете туда, где ваша услуга моей державе будет оценена по достоинству, а это означает, что вы будете жить там прекрасно. Ну, что вы на это скажете, мой друг?

— Я не верю... я... — Аксенчук дрожал, как от озноба. — Я все думаю, что вы шутите...

— Шутки давно оставлены! — с мрачной усмешкой сказал Окаимов. — Знаете, когда мы будем с вами шутить? Когда минует рубежи вашей страны. Решайте. Или вы

со мной, и это для вас означает жизнь со всеми ее радостями... Или... — Окаемов не договорил, упершись в глаза Аксенчуку ледяным злобным взглядом. — Конечно, я сам марать руки не стану. Это за меня охотно сделают ваши товарищи чекисты. Я им только помогу немного... Ну! Решайте!

Аксенчук долго не отвечал, погруженный в тяжкое раздумье.

— Я с вами, — сказал он наконец.

— Молодец! — Окаемов порывисто обнял Аксенчука за плечи. — Вы не представляете, что я пережил, пока вы думали! Видите? У меня пот на лбу выступил. Ну, теперь мы друзья на всю нашу жизнь! — Он дрожащей рукой налил коньяк в рюмки. — За успех нашего дела и нашего путешествия! За нового гражданина моей великой державы!

Они выпили. Аксенчук спросил:

— Когда мы уедем? И как? Это же так трудно! Гражданца...

— Мы уедем завтра ночью. На морском побережье нас возьмут на борт подводной лодки. И прощай, советская земля!..

— И вы... не бросите меня?

Окаемов встал:

— Послушайте, мой друг: не верьте тому, что о нас плетут крикуны. Через несколько дней вы сами убедитесь, какая это ложь. О вас уже сообщено, и мне просто приказано взять вас с собой. Мы люди слова и дела. И мы умеем работать. И мы ненавидим вашу страну. И прежде чем покинуть ее, мы с вами очень громко хлопнем дверью. Хлопнем, мой друг?

— Можно, конечно. Но как?

— А так, например, чтобы от всего вашего института вместе с Вольским осталась одна каменная пыль. Не плохо? И мы сделаем это как дважды два — четыре.

— Как? — Это «как» у Аксенчука не получилось — оно прозвучало весьма неестественно.

Окаемов пристально посмотрел на него и сказал:

— В вашей записной книжке есть три телефонных номера Вольского. Среди них есть квартирный?

— Да. Три семнадцать ноль один.

— Вы сейчас позвоните по этому телефону.

— Уже поздно. Он не станет разговаривать.

Окаемов поднял руку:

— Прекратите дискуссию! Надо действовать, а не болтать! Вы позвоните ему и скажете, что устраиваетесь на работу. Он же обещал вам поддержку? Извинитесь за поздний звонок, скажите: речь идет о вашей жизни и смерти. Умоляйте его, чтобы он принял вас завтра на пять минут. Мол, в связи с вашим устройством возникли такие обстоятельства, которые вы можете объяснить ему только лично. Умоляйте! Если нужно, пустите слезу... Звоните! — Окаемов показал на телефон.

Аксенчук подошел к телефону и снял трубку. Окаемов встал за его спиной.

Разговор с Вольским Аксенчук провел очень искусно. Профессор остановил его причитания и сказал:

— Хорошо, товарищ Аксенчук, можете прийти ко мне завтра в два часа сорок минут...

Аксенчук положил трубку и оглянулся на Окаевова:

— Завтра в два сорок...

— О кей, мой друг! — Окаемов снова утирал со лба пот. — Считайте свой подвиг уже совершенным. Где мой сверток?

— В моей комнате в шкафу, где вы положили его.

— Тащите его сюда!..

— Погасите свет! — распаковывая сверток, тихо приказал Окаемов и включил радию. В полумраке комнаты затеплились багровые светильнички радиоламп. — Сядьте, мой друг, и молчите. Я сейчас доложу обо всем началь-

ству и уточню, когда приходит за нами подводная лодка...

Несколько минут Окаемов сидел неподвижно, в уме составляя текст радиogramмы, а потом быстро застучал ключом:

«Работает «три икс»... «три икс»... Операцию выполняю завтра по всем трем пунктам. Чертежи уже у меня. Подтвердите сейчас же время прихода за мной транспорта. Перехожу на прием...»

Окаемов переключил рацию и надел наушники. Аксенчук видел его напряженное лицо, чуть освещенное зыбким светом радиоламп. В эту минуту Окаемов словно видел, как Барч и начальник центра читают его радиogramму. Вот они прочитали фразу о чертежах и переглянулись. Барч сказал: «Видите, я был прав, настояв на заблаговременной отправке лодки в тот район». Окаемов улыбнулся: «Я же отлично понимал, мистеры начальники, что моя диверсия для вас дороже сотни таких, как я. И когда я все сделаю, вы охотно мной пожертвуете. Но чертежи вам очень нужны, очень! Правда, я потом вас несколько разочарую, сообщив уже лично, что чертежи погибли, скажем, вместе с Аксенчуком, допустившим непростительную оплошность. Но дело будет сделано, и я буду стоять перед вами. И вам ничего не останется, как сказать мне спасибо...»

Окаемов вздрогнул и прижал рукой наушники — ему отвечали:

«Желаю успеха. Транспорт с двух часов ночи завтра в условленном месте. Барч».

Сорвав с головы наушники, Окаемов вскочил:

— Полный свет и налить рюмки! Дорогой Аксенчук! Мне и вам желают успеха. Нам предоставлен двухмесячный отдых. Это и есть моя страна! За нее! — Они выпили. — А теперь, мой друг, спать! Спать! Завтра у нас нелегкий денек!

— А все же, что мне надо завтра сделать? — тревожно спросил Аксенчук.

— Не волнуйтесь, мой друг. Сущую чепуху! Вам не придется ни стрелять, ни бросать бомбы, ни подливать яд. Сейчас мы ложимся спать. На рассвете я уйду. Вы знаете кафе на бульваре, наискосок от института?

— Знаю.

— Ровно в час тридцать вам надо прийти туда. Я буду вас ждать.

— И всё?

— Всё.— Окаемов захохотал.— Всё, дорогой, делается очень просто в наш век атома. Да, все свои документы, вплоть до паспорта, ликвидируйте. Ваш диплом у меня, и там только этот документ вам понадобится, чтобы получить достойную вас работу. Давайте последнюю рюмку выпьем за храбрость мужчин! И держу пари, что там, далеко отсюда, вы еще не раз поднимете бокал за нашу с вами дружбу!

— Я за это хочу выпить уже сейчас. И за наш успех!

— Молодец! Аминь!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

— Ну, Потапов, что вы теперь скажете об Аксенчуке? — воскликнул полковник Астангов, когда была прослушана магнитофонная запись.— Какой молодец, а? Вы думаете, ему легко было провести такую беседу?

— Не думаю...

— И он после этой истории всю свою жизнь по-другому увидит.

— Вы генералу докладывали? — уклоняясь от этого разговора, спросил Потапов.

— Да. Решено Окаемова брать в последнюю минуту. Так сказать, с максимумом улик. Совершенно ясно, что

в час тридцать он передаст Аксенчуку мину и прикажет положить ее в институте. Совершенно ясно также, что механизм взрыва будет установлен на такой срок, чтобы мина сработала, когда Аксенчук будет еще в институте. Аксенчук нужен ему и его начальству, как прошлогодний снег. И вот этот узелок со сроком взрыва нам надо развязать. Ведь он может поставить взрыватель и с таким расчетом, что взрыв произойдет в следующую минуту после того, как Аксенчук появится в институте. Об этом нам предстоит крепко подумать.

— А что, если мы возьмем его там, в кафе? — предложил Потапов.

— А разве он, будучи взятым, не будет доволен, если на mine подорвемся и мы и он? Механизм-то он установит с утра, в кафе он этим заниматься не станет. А нашу просьбу разрядить мину он может не выполнить.

— Но это сможет сделать наш инженер.

— Рискованно, Потапов. У инженера будет слишком мало времени, а мина может оказаться с новым секретом.

— Но у инженера окажется времени еще меньше, когда Аксенчук внесет мину в институт?

— Так в этом, Потапов, узелок и состоит. Мы должны продумать, как получить дополнительное время на обезвреживание мины...

Вскоре в кабинете полковника Астангова собралась почти вся оперативная группа Потапова. Все старались держаться спокойно, но возбужденный блеск глаз выдавал большое волнение, переживаемое этими людьми.

— ...Из квартиры Аксенчука он вышел без четверти пять утра, — продолжал докладывать Потапов. — Вот снимок, как он выходит из дому.

Полковник Астангов взял фотографию:

— Наглец! Он совершенно спокоен! — Полковник брезгливо бросил снимок на стол. — Дальше...

— Пешком и совершенно не прячась, он дошел до пригородного вокзала и сел на первую электричку. Сошел на дачной станции «Академический поселок». Мы уже испугались — не изменил ли он решение и не собрался ли атаковать дачу Вольского? Но он пошел в лес и провел там почти два часа. Работал над миной. Вот снимок, сделанный при помощи телеобъектива. Потом...

— Подождите... — перебил Потапова полковник. — Инженер Короленко, возьмите этот снимок. Посмотрите, что за мина у него? Может, вам уже знакомая?.. Продолжайте, Потапов.

— Затем он вернулся на станцию. Час пробыл в буфете. Солидно позавтракал. Вот снимки... Позавтракав, он вернулся в город и пошел в кино на дневной сеанс. Сейчас он второй раз смотрит «Ушакова»... Наблюдение за ним продолжается.

— Прекрасно. Когда последний раз говорили с флотским начальством?

— Полчаса назад. Подводная лодка в погруженном состоянии продолжает курсировать в нейтральных водах. Изредка ложится на грунт.

— Прекрасно. Пусть отдыхает, ей тоже предстоят крупные неприятности... — Полковник Астангов обратился к инженеру Короленко. — Ну как? Знакомая вам штука?

— Вроде нет, товарищ полковник. — Круглое, как луна, доброе лицо инженера залилось краской, как у школьника, пойманного на незнании урока. — В руках бы ее подержать...

— Придет время — подержите... — рассеянно сказал полковник и замолчал, что-то обдумывая.

— У меня есть предложение, — сказал Потапов. — Аксенчук приходит в кафе в час тридцать. Он приходит, когда в кармане Окамова лежит мина с уже поставлен-

ным сроком взрыва. Скажем, этот срок — два сорок, то есть время приема Аксенчука Вольским...

— Ну-ну... — подгонял Потапова полковник.

— Так вот... Аксенчук приходит в кафе и сообщает Окаемову неприятную новость — Вольский перенес время приема: он должен быть у него без четверти два.

— Так-так... дальше...

— Перезарядить мину Окаемов уже не может, и мы выигрываем верных тридцать минут для обработки мины. Даже в случае, если инженер Короленко, находясь в институте и получив от Аксенчука мину, увидит, что загадка ему не по силам, у него будет время отвезти мину в безопасное для взрыва место.

— Что ж, Потапов, это выход! Сейчас же звоните Аксенчуку!

2

Окаемов действительно был совершенно спокоен. Он прекрасно знал это уже не раз пережитое им состояние непоколебимой уверенности в успехе, которое наступало в решающие часы операции. Всё, что должно произойти, жило в нем точнейшим расчетом действий, которые совершались уже как бы помимо его воли и когда его мозг и нервы были свободны.

Он сидел в летнем кафе, с любопытством разглядывая окружающий его мир. Вот он посмотрел, как на полу кафе шевелятся солнечные блики, пробившиеся через листву деревьев. Потом с улыбкой наблюдал, как две школьницы, поставив потрепанные портфельчики к ножкам стола, сосредоточенно поглощали мороженое: съели по порции, переглянулись и заказали по второй. По песчаной дорожке возле веранды кафе важно разгуливали голуби. Он покрошил им печенья и смотрел, как они будто испуганно клевали каждую крошку. В углу кафе

с очень серьезными лицами о чем-то сплетничали официантки. Белые наколочки на волосах делали их похожими на ромашки. На скамеечке перед кафе, уронив газету, дремал старичок, его соломенная шляпа сбилась набок, и оттого он выглядел лихим гулякой. А дальше, с рогаткой в руках, притаился мальчуган — он выслеживал на дереве воробьев...

Окаемов, наблюдая все это, вдруг подумал: что тут будет твориться, когда взрыв вскинет в воздух видневшуюся вдаль каменную громаду института. Что станет с этими девочками? Как шарахнутся голуби? Как скатится со скамейки спящий старичок... Окаемов тихо засмеялся и в это время увидел спешащего к кафе Аксенчука. «Ну, милейший Аксенчук, запоминайте эти минуты, они в вашей жизни последние!»

Аксенчук, не здороваясь, подсел к Окаемову.

— Беда,— сказал он тихо: — Вольский перенес прием.

Окаемов побледнел, лицо его перекошилось от бешенства:

— Что-что?

— Перенес, и всё. Сам позвонил. Нужно идти сейчас. Он ждет меня без четверти два.

Окаемов быстро пересчитал время и успокоился.

— Ну что ж, без четверти два так без четверти два...— Он замолчал, обдумывая, как бы, не вызвав подозрения у Аксенчука, сказать ему, чтобы он любыми способами задержался в институте подольше — словом, до взрыва.— Слушайте, дорогой друг. Говорите с Вольским неторопливо, иначе он может почувствовать недоброе. Сперва расскажите ему, какие мытарства вы пережили, пока нашли работу. Наворотите ему короб переживаний. Затем... затем попросите у него совета — как вам, молодому ученому, найти правильный путь жизни в науке. Эти ученые светила страсть как любят поучать молодежь. Затем — старая просьба о поддержке. В общем, у меня

все так рассчитано, что вы должны расстаться с Вольским не раньше, как в два часа сорок пять минут. Ясно?

— Ясно. А если он не поддержит разговор и все произойдет быстрее?

— Ну что ж, не выйдет так не выйдет. Немножко нарушится мой план. Но все остальное неизменно. Знаете вон ту стоянку такси возле булочной?

— Знаю.

— Выйдя из института, быстро — туда. Я буду там ждать вас уже в машине. Понятно?

— Понятно.

— Не волнуетесь?

— Нисколько. Сам удивляюсь.

— Вы — настоящий мужчина. Теперь так...— Окаемов вынул из кармана плоский предмет, похожий на детскую палитру акварельных красок.— Это надо незаметно оставить там... Бросьте в урну для мусора. Или забудьте в гардеробе. Можно уронить уже в тамбуре парадного подъезда, когда будете уходить. В общем, это должно остаться.

— Понимаю...

— Ну, вперед, мой друг! Идите! — Окаемов подтолкнул Аксентчука, и тот быстро пошел через бульвар к институту. Окаемов смотрел ему в спину и непроизвольно считал его шаги: «...Шестнадцать... девятнадцать... тридцать...» Вот он перешел улицу и исчез в подъезде института.

Окаемов позвал официантку, расплатился и медленно направился к стоянке такси.

В тамбуре института Аксентчука встретил инженер Короленко.

— Скорее давайте! — шепнул он и, взяв мину, здесь же в тамбуре вскрыл ее и, вставив в глаз лупу часовщика, начал рассматривать механизм взрывателя.

— Так, так...— шептал он, и лоб его в это время покрывался испариной.— Контакт химический... новинка не очень новая... Так, так... Где же входной канал? Вот он, любезный!..— Короленко сделал что-то в мине и, приоткрыв дверь в вестибюль, крикнул: — Порядок!

Короленко и Аксенчук прошли в вестибюль. Полковник Астангов пожал руку Аксенчуку:

— Все идет прекрасно, Николай Евгеньевич!.. Короленко, спасибо вам!..

Окаемов, соблюдая все правила уличного движения, кругом обошел перекресток и подошел к такси. За ним из ворот дома, чуть подальше стоянки машин, наблюдал Потапов.

Окаемов сел в такси рядом с шофером:

— По западному шоссе!

— Далеко ли? — спросил шофер.— У меня бензина маловато.

Окаемов выругался, вылез из машины и подошел к следующей:

— А у вас бензин есть?

— Полный бак! — весело ответил шофер.— До того света хватит! Садитесь!

Вырулив со стоянки, машина помчалась в сторону западного шоссе.

И тотчас же из глубины двора в туннель ворот, где стоял Потапов, въехала «Победа», в нее вскочил Потапов:

— Быстро! Вон за тем такси!

В это время из других ворот выехали еще две машины, пристроившиеся вслед за потаповской...

Такси вырвалось на простор шоссе, и вот только здесь Окаемов обнаружил погоню. Он поверил в это не сразу.

— Прибавь скорости,— спокойно сказал он шоферу.

— Это можно, шоссе мировое!..

Окаемов через заднее окно видел, что три «Победы» отстали, и вскоре их скрыл поворот шоссе. Прошла минута, другая, и вот из-за поворота вылетели все три «Победы», они неумолимо приближались.

— Скорость! — хрипло крикнул Окаемов.

— Даю на всю железку, — хмуро отозвался шофер, который уже сообразил, что происходит что-то неладное.

Впереди виднелся лес. Этот лес был теперь для Окамова единственным шансом спасения. Домчаться до лесу и скрыться в нем...

— Прибавляй скорость! — бешено прохрипел он и, выхватив из кармана пистолет, прижал его к боку шофера: — Скорость или... я сам поведу! Скорость!

Шофер прибавил скорость, стрелка спидометра переползла через цифру «90».

Сжав руль побелевшими от напряжения руками, шофер пристально смотрел вперед. Если бы Окаемов в эту минуту посмотрел в его глаза, он увидел бы в них такое, что не позволило бы ему медлить с выстрелом.

Стремительно приближался поворот шоссе, и там оно входило в лес. Поворот ближе, ближе и... вдруг точно у машины отказал руль — она не сделала поворота, диким прыжком перелетела через глубокий кювет, перевернулась вверх колесами, ударилась о дерево, еще раз перевернулась и легла на бок...

Когда Потапов и три его сотрудника подбежали к такси, его запрокинутые колеса еще вертелись. Потапов заглянул в разбитое боковое стекло — Окаемов лежал, навалившись на шофера, оба были без сознания.

— Быстро вскрывайте дверь! — приказал Потапов.

Но не так-то просто было открыть перекошенные от ударов дверцы — на это ушло минут пять. Потапов не

сводил глаз с Окаемова, тот лежал неподвижно. Наконец дверцу открыли, вытащили из машины Окаемова и шофера и положили их на траву. Один из сотрудников приник к груди Окаемова.

— Что? — тихо спросил Потапов.

— Жив... — Вероятно, сотрясение...

Первым пришел в сознание шофер. Он приподнялся, увидел чекистов, улыбнулся и снова упал навзничь.

К месту аварии, визжа тормозами, подлетела санитарная машина. Врач с санитаром подбежали к пострадавшим.

— Шприц... ампулу... бинты... — тихо приказывал врач.

И санитар, как фокусник, молниеносно доставал из сумки то, что требовалось...

Окаемов шевельнул рукой, приоткрыл глаза, и его взгляд встретился со взглядом Потапова. Окаемов закрыл глаза.

Шофер в это время уже сидел, прислонившись к дереву, и одурело смотрел по сторонам.

— Ну и петрушка, — сказал он.

И все засмеялись. Только Потапов продолжал напряженно смотреть в закрытые глаза Окаемова.

Окаемов в эту минуту был уже в полном сознании, но симулировал продолжение обморока, думал выиграть на этом время.

— Он в сознании, — шепнул Потапову врач.

— Я вижу, — громко сказал Потапов. — Ну, Окаемов, хватит! Все равно ничего нового вы уже не придумаете!

Окаемов сделал резкое движение рукой к воротнику рубашки, где была зашита ампула с ядом. Потапов вовремя перехватил его руку:

— Не надо, Окаемов, — вам вредно делать лишние движения. Лежите спокойно или бросьте валять дурака, вставайте и едем в город. Мы же с вами взрослые люди и понимаем друг друга отлично. Игра окончена!..

Окаемов приподнялся. Санитар хотел ему помочь, но он оттолкнул его и медленно встал сам.

3

На городском кладбище было так тихо, что слышно было, как с ветвистого клена падали багровые, лапчатые листья. Уже по-осеннему холодноватое солнце, пробившись сквозь поредевшую листву, разбросало вокруг золотистые пятна и строгим бликом отразилось в полированном мраке могильной плиты, на которой было высечено:

ГОНЧАРОВ

Павел Васильевич

**Погиб при исполнении
служебных обязанностей**

У могилы с давно увядшими цветами венков, на неудобной, низенькой скамеечке, сидели полковник Астангов и майор Потапов. Они пришли сюда больше часа назад и все время сидят вот так, не разговаривая, но, видно, думая об одном и том же и потому не чувствуя своего молчания.

Изредка Астангов посматривал на Потапова, видел его сдвинутые брови, упрямо сжатые губы и устремленные в одну точку прищуренные глаза...

На аллее послышался шорох листьев под ногами торопливо шагавшего человека. Астангов оглянулся — по аллее шел человек в военной форме. Не замедляя шага, он осматривался по сторонам.

— Боюсь, Потапов, что это разыскивают нас,— вставая, тихо сказал Астангов.

— Да... пора...— также тихо отозвался Потапов и тоже встал.

Полковник не ошибся — человек в военной форме искал их: начальник Управления требовал срочно явиться к нему.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	28
Глава третья	51
Глава четвертая	70
Глава пятая	99
Глава шестая	121
Глава седьмая	148

*Печатается по изданию: Государственное издательство
детской литературы Министерства просвещения РСФСР, М., 1956.*

АРДАМАТСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

ОПАСНЫЙ МАРШРУТ

Для старшего школьного возраста

Редактор *Алексеева В. И.*

Художник *Маслаков О. И.*

Художественный редактор *Киселева Р. С.*

Технический редактор *Ларионова В. И.*

Корректор *Широнина М. И.*

Сдано в набор 29/IV-1967 г. Подписано к печати 5/VII 1967 г.
Бумага 70×108¹/₃₂, № 2. 5,13 печ. л., 7,2 усл. печ. л., 7,04 уч.-изд. л. Изд. № 81
Заказ 2371. Тираж 100001—200000 (2-й завод). Цена 30 коп.

Карельское книжное издательство
Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1

Типография им. Анохина
Управления по печати при Совете Министров Карельской АССР
г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Цена 30 коп.